Основан в 2012 г.

БАЛТИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 1 (1)
2012

Ежеквартальный научный журнал

Учредитель – Некоммерческое партнерство «Институт направленного образования»

Главный редактор
Коростелев Александр Алексеевич, доктор педагогических наук (Тольяттинский государственный университет, Россия)

Заместитель главного редактора
Осадченко Инна Ивановна, доктор педагогических наук, доцент

Редакционная коллегия:
Бех Иван Дмитриевич, действительный член Национальной Академии педагогических наук Украины, доктор педагогических наук, профессор
Бибик Надежда Михайловна, действительный член Национальной Академии педагогических наук Украины, доктор педагогических наук, профессор
Бочарова Елена Анатолиевна, доктор педагогических наук, профессор
Вашуленко Николай Самойлович, действительный член Национальной Академии педагогических наук Украины, Заслуженный деятель науки и техники Украины, доктор педагогических наук, профессор
Газизова Назигуль, кандидат педагогических наук, доцент
Гладышев Владимир Владимирович, доктор педагогических наук, профессор
Глуховцева Екатерина Дмитриевна, доктор филологических наук, профессор
Данилюк Оксана Климовна, кандидат филологических наук, доцент
Коновальчук Валентина Ивановна, кандидат психологических наук, доцент
Ласкавый Дмитрий Васильевич, доктор исторических наук, профессор
Максимук Лариса Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент
Минка Татьяна Павловна, доктор юридических наук, профессор
Пометун Елена Ивановна, член-корреспондент Национальной Академии педагогических наук Украины, доктор педагогических наук, профессор
Савченко Александра Яковлевна, действительный член Национальной Академии педагогических наук Украины, доктор педагогических наук, профессор
Семенюк Олег Анатольевич, доктор филологических наук, профессор
Торчинский Михаил Николаевич, доктор филологических наук, профессор
Федурко Мария Юлиановна, доктор филологических наук, профессор
Харченко Татьяна Гадульзяновна, кандидат педагогических наук, доцент
Яцышин Михаил Михайлович, доктор юридических наук, профессор

Ответственный секретарь
Полтарецкий Денис Александрович

Входит в перечень рецензируемых научных журналов, зарегистрированных в системе «Российский индекс научного цитирования».

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Компьютерная верстка:
А.А. Коростелёв

Технический редактор:
А.А. Коростелёв

Адрес редакции: 236040,
Россия, г. Калининград,
улица Литовский Вал, 38

Тел.: (8482) 69-46-47

E-mail: kaa1612@yandex.ru

Сайт: http://napravo.ru

Подписано в печать 10.01.2013.
Формат 60x84 1/8.
Печать оперативная.
Усл. п. л. 5,1.
Тираж 500 экз. Заказ 2-17-12.

© НП «Институт направленного образования», 2012

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Коростелев Александр Алексеевич, доктор педагогических наук
(Тольяттинский государственный университет, Россия)
ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
Осадченко Инна Ивановна, доктор педагогических наук, доцент
(Уманский государственный педагогический университет, Украина)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
Бех Иван Дмитриевич, действительный член НАПН Украины, доктор педагогических наук, профессор
(Институт проблем воспитания НАПН Украины, Киев, Украина)
Бибик Надежда Михайловна, действительный член НАПН Украины, доктор педагогических наук, профессор
(Института педагогики НАПН Украины, Киев, Украина)
Бочарова Елена Анатолиевна, доктор педагогических наук, профессор
(Горловский государственный педагогический институт иностранных языков, Украина)
Вашуленко Николай Самойлович, действительный член Национальной Академии педагогических наук Украины, Заслуженный деятель науки и техники Украины, доктор педагогических наук, профессор
(Глуховский национальный педагогический университет, Украина)
Газизова Назигуль, кандидат педагогических наук, доцент
(Семипалатинский государственный университет, Семей, Казахстан)
Гладышев Владимир Владимирович, доктор педагогических наук, профессор
(Николаевский национальный университет, Украина)
Глуховцева Екатерина Дмитриевна, доктор филологических наук, профессор
(Луганский национальный университет, Украина)
Данилюк Оксана Климовна, кандидат филологических наук, доцент
(Восточноевропейский национальный университет, Луцк, Украина)
Коновальчук Валентина Ивановна, кандидат психологических наук, доцент
(Черкасский областной институт последипломного образования педагогических работников, Украина)
Ласкавый Дмитрий Васильевич, доктор исторических наук, профессор
(Луганский национальный университет, Украина)
Максимук Лариса Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент
(Брестский государственный университет, Белоруссия)
Минка Татьяна Павловна, доктор юридических наук, профессор
(Днепропетровский государственный университет внутренних дел, Украина)
Пометун Елена Ивановна, член-корреспондент Национальной Академии педагогических наук Украины, доктор педагогических наук, профессор
(Института педагогики НАПН Украины, Киев, Украина)
Савченко Александра Яковлевна, действительный член НАПН Украины, доктор педагогических наук, профессор
(Института педагогики НАПН Украины, Киев, Украина)
Семенюк Олег Анатольевич, доктор филологических наук, профессор
(Кировоградский государственный педагогический университет, Украина)
Торчинский Михаил Николаевич, доктор филологических наук, профессор
(Хмельницкий национальный университет, Украина)
Федурко Мария Юлиановна, доктор филологических наук, профессор
(Дрогобыцкий государственный педагогический университет, Украина)
Харченко Татьяна Гадульзяновна, кандидат педагогических наук, доцент
(Луганский национальный университет, Украина)
Яцышин Михаил Михайлович, доктор юридических наук, профессор
(Восточноевропейский национальный университет, Луцк, Украина)

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЛИГИЯ И ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ: АНАЛИЗ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ СТРУКТУРАЦИИ
Дурманенко Александр Александрович.....5

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПРОЗЕ Б. ЛЕПКОГО
Здиховская Татьяна Викторовна.....8

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ЛИЧНОСТИ СЛЕПЫХ И СЛАБОВИДЯЩИХ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПОВЕДЕНИЕ В ПРОЦЕССЕ ВЫБОРА ПРОФЕССИИ
Криводонова Юлия Евгеньевна.....12

СУЩНОСТЬ ПОНЯТИЯ «МЕТОД ПРОЕКТОВ» В КОНТЕКСТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
Кришталь Алина Александровна.....13

ПОНЯТИЕ ФИНАНСОВОЙ СТРАТЕГИИ И ЭТАПЫ ЕЕ ФОРМИРОВАНИЯ
Латанова Елена Валерьевна, Курилова Анастасия Александровна.....16

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ГИТАРНЫЕ ЦЕНТРЫ XX В.: КЛАССИЧЕСКАЯ ГИТАРА В СОВЕТСКОЙ И РОССИЙСКОЙ СИСТЕМАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
Мавродиева Наталья Геннадиевна.....18

ФОРМИРОВАНИЕ УСЛОВИЙ ГОТОВНОСТИ УЧИТЕЛЯ К САМООБРАЗОВАНИЮ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ИННОВАЦИОННО-МАРКЕТИНГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ
Панченко Оксана Валериевна.....23

СИСТЕМНОСТЬ КАК ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАМКА ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА ПОВТОРЕНИЙ В ЛИНГВИСТИКЕ
Пахолок Зинаида Александровна.....25

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ КОД РАЗВИТИЯ СИСТЕМНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЛЕКСИКЕ
Прохоров Владимир Федорович.....29

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ГЕНДЕРНОГО КОНЦЕПТА «FRAU» В ДИАЛЕКТНОЙ КАРТИНЕ МИРА
Прохорова Полина Владимировна.....32

СОВРЕМЕННАЯ НЕМЕЦКАЯ АВТОБИОГРАФИЯ: МОНТАЖНОСТЬ КОМПОЗИЦИОННОГО И СЮЖЕТНОГО УРОВНЕЙ ТЕКСТА
Скляр Наталья Владимировна.....34

ТИПОЛОГИЯ ОБРАЗОВ ГЛАВНЫХ ГЕРОЕВ УКРАИНСКОЙ МЕМУАРНО-АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ XX ВЕКА
Черкашина Татьяна Юрьевна.....38

Наши авторы.....41

CONTENT

RELIGION AND ONTOLOGICAL SECURITY OF THE PERSON: ANALYSIS OF FUNCTIONALITY IN THE CONTEXT OF STRUCTURATION THEORY
Durmanenko Alexander Alexandrovich.....5

LEXICAL TRANSFORMATION OF THE PHRASEOLOGICAL UNITS IN B. LEPKYY'S PROSE
Zdihovska Tetyana Viktorivna.....8

BASIC APPROACHES VALUES OF PERSONALITY BLIND AND VISUALLY IMPAIRED AND THEIR EFFECT ON BEHAVIOR IN THE PROFESSION OF CHOICE
Krivodonova Julia Evgenyevna.....12

THE ESSENCE OF THE NOTION 'PROJECT METHOD' IN THE CONTEXT OF FUTURE SPECIALISTS OF FIRE SAFETY PROFESSIONAL EDUCATION
Kryshtal Alina Aleksandrovna.....13

CONCEPT OF FINANCIAL MANAGEMENT AND STAGES OF ITS FORMATION
Latanova Elena Valerevna, Kurilova Anastasia Alexandrovna.....16

REGIONAL GUITAR CENTERS OF THE TWENTIETH CENTURY: CLASSICAL GUITAR IN THE SOVIET AND RUSSIAN SYSTEMS OF PROFESSIONAL MUSICAL EDUCATION
Mavrodieva Natalia Gennadievna.....18

FORMATION OF READINESS TO TEACHERS AND IMPLEMENTATION OF SELF-EDUCATION INNOVATIVE MARKETING ACTIVITY IN SECONDARY SCHOOLS
Panchenko Oxana Valerievna.....23

SYSTEMATIZATION AS THE GNOSEOLOGICAL FRAME OF REPETITION PHENOMENON'S RESEARCHES IN LINGUISTICS
Pakholok Zinaida Aleksandrovna.....25

ETYMOLOGICAL CODE OF EXTENSION OF SYSTEM RELATIONES IN LEXICON
Prokhorov Vladimir Fjodorovitch.....29

VERBALIZATION GENDER CONCEPT «WOMAN» IN THE DIALECT PICTURE OF THE WORLD
Prokhorova Polina Vladimirovna.....32

THE MODERN GERMAN AUTOBIOGAFY: EDITING OF COMPOSITION AND PLOT LEVELS OF THE TEXT
Sklyar Natalya Vladimirovna.....34

TYPOLOGY OF PROTAGONISTS OF THE UKRAINIAN MEMOIRS AUTOBIOGRAPHICAL PROSE OF THE XXTH CENTURY
Cherkashyna Tatiana Yurievna.....38

Our authors.....41

УДК 316.74:2

РЕЛИГИЯ И ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ: АНАЛИЗ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ СТРУКТУРАЦИИ

© 2012

А.А. Дурманенко, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальной работы
Восточноевропейский национальный университет имени Леси Украинки, Луцк (Украина)

Аннотация: В статье анализируется функциональный потенциал религии как одного из ключевых элементов функционирования онтологической безопасности личности – концепта предложенного автором теории структурации Э. Гидденсом, обеспечивающего адекватность мироощущения и реализацию практической деятельности человека. Особое внимание приделается влиянию современных социальных условий, а также модернизационным процессам, проистекающим в институте религии.

Ключевые слова: виртуализация, онтологическая безопасность личности, постмодерность, поздняя современность, религиозность.

Современные общества переживают целый ряд системных изменений во многих структурных элементах социального мира. Институты, которые еще несколько десятков лет назад были бесспорными авторитетами для каждого человека, сегодня подвергаются переосмыслению и критическому восприятию довольно часто как враждебные индивидуальности. Мы можем наблюдать, динамизм экономических отношений, культурных запросов, политических процессов, а также видоизменения в, казалось бы, таком исторически стабильном и нерушимом элементе духовной жизни, как религиозность именно в контексте внешних проявлений веры в Бога. «Расколдованной модерностью», «постмодерностью» или «ультрамодерностью» называет данный этап развития человечества французский социолог религии Ж.-П. Виллем, при этом обозначая пределы ситуации не только религиозной, но и политической, экономической и образовательной. «В ультрамодерности нет больше священных вещей, сквозь сито критического рассмотрения не проходят не только религиозные традиции и обычаи, но и политические идеологии, развитие науки, экономический рост, идеалы изменений даже сама идея изменения» [1, с. 190].

Возникает вопрос – возможно, постмодерность связана с определенным уровнем экономического развития общества или является производной от ментальности или конкретного культурного поля? Современный глобальный мир не позволяет даже при очень большом желании отдельного государства оставаться в стороне от мировых процессов. Это означает, что наше общество, желает оно того или нет, вынуждено противостоять новым вызовам новой эпохи со всеми ее достоинствами и недостатками. Не будем подробно останавливаться на преимуществах (конечно, весьма противоречивых), к которым можно отнести переосмысление роли человека в обществе с позиций гуманизма, общую информатизацию, критическое отношение к любым попыткам нарушения задекларированных прав человека и т. д. Остановимся на негативных аспектах новой эпохи, среди которых одно из главных мест занимает, образно говоря, проблема отсутствия опоры в социальном мире человека, поиск стабильных основ его бытия.

Описанную проблемную ситуацию можно определенным образом прояснить, если обратить внимание на концепции постмодернистского общества, относительно парадигм которого ведутся чрезвычайно острые споры среди представителей самых разных областей науки. Мы остановимся на концепции британского социолога, автора теории структурации Энтони Гидденса. Прежде всего, необходимо заметить, что исследователь фактически не использует понятие «постмодерн», взамен предлагая термин «поздний модерн» или «поздняя современность» (late modernity). Ученый разрабатывает данное понятие начиная с 80-х гг. XX века, именно тогда, когда создает собственную, известную «теорию структурации», основными положениями которой является мысль о том, что социальная жизнь должна концептуализироваться по своей сути как «…переплетение ежедневных практик индивидов» [2]. Исследователь, анализируя современную эпоху, приходит к выводу о том, что сейчас превалирующим является состояние, при котором средний индивид начинает воспринимать повседневность, повседневную жизнь как нечто аморфное, без четкой внутренней формы и глубокого смысла, что-то, что никак не связано с внешним миром. Человеческое бытие представляется как беспорядочная, отстраненная от личности последовательность событий, сменяющих друг друга и упорядочивающихся только действиями законов природы и другими людьми. В последовательности этой не находится места таким вещам, как определенный выше (космический) порядок, судьба, личное влияние и т.п. Проблема эта, по нашему мнению, связана напрямую, в первую очередь, с социальной средой индивида. В ситуациях, когда исчезает стабильность социальная, под угрозой оказывается стабильность личностная. Понятия эти оказываются непосредственно связанными с чувством безопасности, защищенности человека в повседневной жизни, из-за нехватки которого человек постепенно отчуждается от своей повседневности, из-за чего, опять же, возникает описанная нами выше проблема. По Э. Гидденсу, ежедневные, сиюминутные социальные практики субъектов деятельности подвергаются непрерывному анализу и критике из-за информации, которую мы получаем из окружающей среды. Однако эпоха поздней современности с ее динамизмом и глобальной нестабильностью, абсолютно непримиримыми к рутинизации повседневности, приводит к явлению, которое образно можем назвать «сбоем» в повседневной рефлексии. Это, в свою очередь, прямо отражается на специфическом внутреннем чувстве человека, описываемого понятием «онтологическая безопасность личности», и выступающего ключевым для адекватного восприятия индивидуумом окружающей среды и самоидентификации себя и социального мира [3]. Остановимся на более детальном анализе этого понятия.

Ощущение безопасности является чрезвычайно важным комплексным элементом нормального мировосприятия и жизнедеятельности человека. Конечно, это чувство является одним из витальных, и по нашему мнению, структурно состоящим из нескольких уровней. Так, на первом уровне находится чувство безопасности чисто физиологической, т.е. личность обеспечивает целостность и неприкосновенность своей физической оболочки – тела. На третьем уровне находится чувство безопасности психической или моральной. Это внутреннее равновесие индивид пытается удерживать через гармонизацию отношений с окружающими его лицами и структурами, а также дозировано «фильтруя» получаемую из внешней среды информацию и регулируя эмоции. Соответственно, между этими двумя уровнями находится «промежуточное» чувство онтологической безопасности личности, взаимосвязанное как с первым, так и с третьим уровнями. С одной стороны, это чувство касается сугубо внутреннего мира человека (а именно

духовного), его мыслей, убеждений, а с другой – напрямую влияет как на поведение, так и на построение отношений с окружающим миром. Конечно, данная структура является достаточно условной, поскольку четко установить место чувства онтологической безопасности личности (как и конкретные его атрибуты) достаточно сложно. Опять же, с одной стороны, оно напрямую зависит от внешней среды, формируясь и поддерживаясь благодаря ей, а с другой – влияет на восприятие, а значит и формирование данной среды – такая связь напоминает определенным образом «структурирующую структуру» П. Бурдье, именно в контексте связей зависимости и подчинения.

Понятие «онтологическая безопасность» пришло в социально-философские дисциплины из психологии, где его предложил использовать американский исследователь Рональд Лэйнг. В работе «Расколотое «Я» ученый оперирует термином «онтологическая уверенность», обладающего всеми признаками поздней гидденсовской «онтологической безопасности». По Лэйнгу – онтологическая уверенность – это понятие, используемое для определения экзистенциального состояния человека со стойким чувством реальности и идентичности. Под этим термином понимается чувство эмоциональной и интеллектуальной уверенности, возникающей в результате эффективности воспитания индивидуума, особенно на стадии ранних семейных отношений. Такая уверенность зависит от последовательного ежедневного ухода, эмоционального обмена между родителями и ребенком [4].

Итак, именно чувство онтологической безопасности и является тем защитным слоем, являемого промежуточным между индивидуальным онтологическим центром каждого человека и внешней средой (являющейся в большинстве случаев достаточно враждебной для индивида). Относительно самого чувства онтологической уверенности, то оно является непременным атрибутом здорового, в психическом плане, человека и отсутствует только у детей (до определенного возраста) и людей с психическими расстройствами, поскольку именно благодаря данному чувству человек ощущает причастность к социальному миру, и, что является наиболее важным, определяет собственное место и место окружающих его в этом мире.

Относительно трактовки понятия Гидденсом, то он рассматривает его, отходя от чрезмерного психологизма и акцентируя свое внимание именно на структурационных моментах. Согласно мнению ученого, обладать чувством онтологической безопасности означает иметь на уровне практического сознания ответы на основные экзистенциальные вопросы, неизбежно встающие перед каждым человеческим существом – о конечности человеческой жизни, о сосуществовании с другими индивидами, о обеспечении непрерывной личностной идентичности и др. Ядром этого чувства безопасности является базисное доверие (basic trust), обычно формируемое у ребенка на основе отношений со взрослыми, которые его воспитывают. В дальнейшей жизни переживание онтологической безопасности формируется и поддерживается механизмами рутинизации человеческого поведения в среде повседневности, благодаря чему индивиды от одной ситуации к другой несут на себе своеобразный защитный «кокон», обеспечивающий чувство «неуязвимости», блокирующий «негативные возможности в пользу позиции надежды» [3].

Традиционно одним из источников обеспечения чувства онтологической безопасности за все время истории человечества служила вера в сверхъестественное. Подробно рассмотрев все современные культуры можем сделать вывод, что ни одна из них не обходит такого понятия, как судьба и кроме того ставит его в центр своих философских разбирательств и построений. Мир в таких построениях кажется хаотичным только на первый взгляд, а при ближайшем рассмотрении является наполненным определенным внутренним порядком и формой. Жизнь же человека в таком мире воспринимается как направленность судьбы, руководящей индивидом и направляющей его. Конечно, при таком подходе, от самого человека в окружающем мире мало что зависит, однако для восприятия им внешней реальности и в частности формирования чувства онтологической безопасности такой подход является безусловно положительным. Человек уверен в своей беспомощности перед вызовами судьбы, воспринимает любые события как данность и следует им без лишнего сопротивления. Согласно такой жизненной позиции индивида бытие воспринимается как одна большая случайность, а следовательно экзистенциальные вопросы не вызывают кризиса онтологической безопасности. Однако, такой подход в современном мире не выдерживает никакой критики. Человек сейчас рассматривается как активный объект-субъект социальной реальности, а согласно ряда концепций (опять же обращаясь к теории структурации) сам же эти реальности ежедневно творящий. Согласно такому пониманию, места для судьбы и рока в современном мире нет [3].

Что же сейчас может выступать источником формирования и поддержания жизненно важного чувства онтологической безопасности личности? Гидденсовское активное доверие к окружающим и экспертные системы, отбирающие необходимую информацию, подсказывающую нам, как поступать дальше, в постмодернистском мире срабатывают недостаточно четко, ведь необходимо понимать, что со времен разработки автором своей концепции прошло более четверти века, причем очень динамичных и насыщенных событиями. Передача же опыта от родителей к детям, занимающая чрезвычайно важное место еще сотню лет назад, тоже не абсолютно действенна. Ведь формируя онтологическую уверенность, она не может подсказать модели поведения в социальном мире именно из-за «новизны» и динамичности структур мира, так как необходимый опыт у родителей просто отсутствует. Таким образом, роль источника формирования и поддержания чувства онтологической безопасности личности должна выполнять социальная структура, достаточно стабильная в современных условиях, имеющая всеобщий характер, обладающая ответами на экзистенциальные вопросы и являющаяся культурно и исторически присущей обществу. По нашему мнению, практически всем этим требованиям отвечает религия.

Рассмотрение религии как одного из основных факторов формирования и поддержания чувства онтологической безопасности личности требует, безусловно, детального обоснования, поскольку возникает закономерный вопрос – почему именно религиозность (во всех ее аспектах) как проявление веры, а не, например, власть, являющаяся непосредственно связанной с иерархическим положением лица в социальных структурах, или финансовая обеспеченность человека, тоже дающая уверенность в будущем и позволяющая спокойно чувствовать себя в настоящем, не выступают таким важным фактором существования индивида и не осуществляют столь мощное воздействие на чувства онтологической безопасности личности. Религия, в отличие от приведенных выше факторов, является чрезвычайно сложным системообразующим комплексом, с устойчивой основой, в качестве которой выступает вера в трансцендентное. Мы свидетели возникновения новых верований, сект, культов, чрезвычайно различающихся между собой как догмами так и культовой деятельностью. Однако, все равно, в основе их лежит, большей или меньшей степени искаженная идея, возникшая более 2000 лет назад. Обращаясь к определению религии, которым оперирует современная социология, а именно – «мировоззрение и поведение отдельного индивида, группы, сообщества, которые обусловлены верой в существование сверхъестественного» [5], мы можем обратить внимание на некоторые положения, которые требуют объяснения

именно для подтверждения возможности религии существовать в качестве краеугольного камня восприятия человеком внешнего мира, то есть быть источником формирования и поддержания чувства онтологической безопасности личности.

В этом контексте, во-первых, необходимо указать на значительную роль веры в сверхъестественное в жизни любого из нас. Явно или скрыто вера в Высшее существо является присущей каждому индивиду. По меткому выражению исследователя личностной психологии В. Франкла – «Бог – это тот собеседник во внутреннем диалоге, к которому обращены наши сокровенные мысли... У каждого человека существует глубинное желание к общению с таким собеседником (хотя у многих это желание глубоко вытеснено)» [6, с. 16]. Постмодерное понимание Бога как «онтологического Другого» или «иерофания» М. Элиаде подтверждает мысли В. Франкла – «…значимая ориентация в мире возможна только со ссылкой на этого полностью значимого Другого» [7, с. 354]. Поэтому, и атеист – человек, отвергающий саму возможность существования сверхъестественного, и глубоко верующий человек, не мыслящий своей жизни без божественного покровительства, точкой соприкосновения имеют величественную фигуру Бога. Только первый из них –верит в Не-Бога, Бога, несуществующего в действительности, а второй – в Бога, управляющего человеческой жизнью. Для первого – Бог, прежде всего, живет в нем самом, а для второго – во внешнем мире, причем речь идет о религиозности каждого из них как внешнем проявлении веры или неверия.

Относительно религиозности, то она выступает категорией, которая в контексте рассмотрения стержневой роли религии чрезвычайно важна. Обратимся к пониманию этого явления отечественной социологией религии. Религиозность – некоторое определенное состояние отдельных людей, групп и сообществ, верящих в сверхъестественное и поклоняющихся ему, их приверженность к религии, принятие ее вероучения и предписаний [5, с. 175]. Американский же «Энциклопедический словарь религии» приводит три значения термина «религиозность»: 1) преувеличенная вовлеченность человека к религиозной тематике, 2) возможность для человека контактировать с Богом, 3) человеческое стремление участвовать в культуре и сообществе духовно настроенных людей [8]. Как видим, толкования отражают многогранность самого понятия «религиозность», что в чисто научном аспекте отражает внешнее проявление религии через призму человеческого сознания, трансформируясь из нее в практические проявления в социальном мире, а в аспекте духовно-метафизическом – единение человека с единоверцами и как наивысшее проявление – слияние с Богом.

Постмодерность, влияя на все, видоизменила религию. Однако, как мы уже говорили, данные изменения коснулись, прежде всего, внутренних представлений о религии и ее внешних проявлениях, то есть религиозность – индивидуальную и социальную. Итак, рассматривая влияния религии на онтологическую безопасность личности нам необходимо рассмотреть особенности современной постмодернистской религиозности.

Относительно процессов, являющихся характерными именно для религиозной ситуации общества поздней современности и соответственно, прямо влияющими на чувство онтологической безопасности личности, то такими выступают феномен виртуализации веры и явление секуляризации, или точнее его новейшее переосмысление. Мы обращаем внимание именно на эти два элемента современной религиозности, поскольку, по нашему мнению, именно они являются источником всех других, а также отражают видоизменения в сознании людей и религиозном поведении, таким образом отвечая приведенным выше двум основным критериям.

Термин «виртуальная вера» ввел американский постмодернист Т. Бодуен в работе «Виртуальная вера: непочтительные духовные поиски «поколения Х», вышедшей в 1998 г., что уже само по себе свидетельствует о новизне и причастности данного явления к новейшей эпохе. Виртуальная вера означает видоизмененные религиозные практики, имеющие иронический и мнимый характер по отношению к тому, что носит название «настоящих» проявлений религиозности. Автор, описывая это явление, начинает с анализа массовой культуры США 80-х гг. XX века, отличающаяся прежде всего появлением новейших молодежных движений.

Таким образом, виртуальная вера воспринимается как некий побочный продукт масс-медиа, который «конденсирует теологию постмодернистской культуры, внося в нее ключевой троп и центральную тему постмодерности, иронии и симуляции (подражания) в интерпретацию современной религиозной практики» [7, с. 69]. Бодуэн обращается к бодрийяровскому «симулякру» как к копии несуществующего объекта становящимся сверхреальным, именно в смысле виртуальной веры, сформированная на фундаменте поп-культуры, представляющей (симулирующей) культуру «большую». Какое же влияние оказывает мнимая виртуальная вера на чувство онтологической безопасности личности? Для выяснения этого, по нашему мнению, необходимо рассмотреть данное понятие более детально, в отрыве от поп-культуры и возраста ее потребителей, поскольку потребителями Бодуэновской виртуальной веры является прежде всего молодежь. Основным элементом различия виртуальной веры от веры «традиционной» является фактическая необязательность ежедневных практик. Также речь идет об отходе от каноничности, поскольку именно виртуальная религия (как основа виртуальной веры) играет роль определенного, почти медийного рекламного продукта, изображение которого мы видим в средствах масс-медиа, иногда даже в исполнении первых лиц государства. Этот медийный продукт «потребляется» верующим (обычно в новейшем понимании этого понятия) именно для утилитарной потребности – спасения собственной души и получения ответов на экзистенциальные вопросы. Соответственно, такой подход не предусматривает вникания в глубинную суть духовного ядра религии, в виртуальной религии вряд ли существующего вообще. Действительно, зачем заниматься внутренними духовными переживаниями (именно в религиозном контексте) или накладывать самоограничения и тратить время на регулярное посещение церковных служб, когда достаточно иметь при себе определенный символьный элемент веры – именно такими убеждениям и руководствуется большинство современных верующих, причем символ этот, обычно, несет в себе и определенный медийный контекст или является стильной модной вещью, что конечно, присуще всем виртуальным объектам. События в ряде европейских стран, прежде всего с достаточным количество сторонников разных религий (например Франция) показали, что религиозные символы стали сейчас признаком протеста или неповиновения, что в свою очередь вызывает спекуляции на этой почве. Таким образом, потребитель виртуальной веры при минимуме затрат времени и усилий получает максимальный результат – душевный покой и уверенность в будущем.

В своем воздействии на чувство онтологической безопасности личности виртуализация веры является скорее положительным фактором (конечно, если не учитывать ее «примитивность» и квазирелигиозность), поскольку из-за своего упрощенного, «рекламного» характера, она укореняется в привычках и привносит определенный заряд духовности в повседневную жизнь человека, что в свою очередь может гармонизировать его поведение и отношения с окружающими. Для потребителя ее, фактически не имеют значения перечисленные недостатки. Человек «чувствуя» веру, осуществляет рутинные ритуалы, обеспечивая собственный внутренний покой и перспективы на будущее, что в свою очередь обеспечивает

ему чувство защищенности в кризисные моменты.

Еще одним феноменом, на котором хотелось бы сосредоточить наше внимание, является секуляризация. Обобщая основные толкования данного понятия, можем его охарактеризовать как процесс, приводящий к ослаблению церковью влияния в социальном мире. Относительно подходов к пониманию этого сложного явления, то в социологии существует, по крайней мере, два направления. Первый – рассматривает секуляризацию как естественно-эволюционный процесс. Человечество, приобретая новые знания, теряет необходимость в трансцендентном, объясняющим устройство мира и взаимосвязи в нем (О. Конт, К. Маркс, Б. Рассел). Второй подход рассматривает секуляризацию как определенное условие трансформации существующего религиозного устройства в новые формы, например в частную сферу каждого человека (Т. Парсонс, П. Бергер, Р. Белла) [8, с. 206–207]. Современная ситуация не позволяет выделить единого подхода к толкованию этого явления именно из-за незавершенности его (которая вряд ли вообще наступит), а также нестабильного характер процессов его протекания. С одной стороны – происходит отход от религии как способа объяснения мира или как типа общественного сознания, а с другой – осуществляется «приватизация» веры и создания «новейшего» типа общественного сознания, примером которого может выступать упоминавшаяся нами виртуальная религия.

Если же рассматривать процессы секуляризации относительно их воздействия на чувства онтологической безопасности личности, то стоит заметить, что без них само возникновение упоминавшейся нами виртуальной веры было бы невозможным. Секуляризация, модернизируя религию, внешние проявления веры, определенным образом изменяя церковь, сама испытывает видоизменения, однако относительно самого их характера говорить пока рано. Таким образом религия становится «проще», определенным образом удобнее для «потребления», переходит в кибер-пространство, одним словом, отвечая всем основным духовным запросам современных верующих (конечно, не абсолютизируя), выступает активным источником формирования и функционирования чувства онтологической безопасности личности. В то же время перспективами дальнейших исследований является поиск путей онтологической безопасности личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Віллем Ж.-П. Європа та релігії. Ставки XXI-го століття / Пер. з фр. – К.: ДУХ І ЛІТЕРА. 2006. – 331 с.

2. Фурс В.Н. «Критическая теория позднего модерна» Энтони Гидденса // Социологический журнал. – 2001. – № 1. – С. 44–73.

3. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // Thesis. – 1994, вып. 5. – С. 107–133.

4. Большой толковый социологический словарь (Collins). Том 1 (А-О). – М.: Вече, АСТ, 2001. – 544 с.

5. Энциклопедический социологический словарь / Под общ. ред Г.В. Осипова. – М.: ИСПИ РАН, 1995. – С. 639.

6. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.

7. Енциклопедія постмодернізму / За ред. Ч. Вінквіста та В. Тейлора. – К.: «Основи», 2003. – 503 с.

8. Федючек І. Сучасне осмислення феномену релігійності // Збірник матеріалів науково-практичної конференції «Релігія і церква в сучасній Україні: стан, проблеми, перспективи». – К. 2007. – С. 12–37.

RELIGION AND ONTOLOGICAL SECURITY OF THE PERSON: ANALYSIS OF FUNCTIONALITY IN THE CONTEXT OF STRUCTURATION THEORY

© 2012

A.A. Durmanenko, PhD in Sociology, Associate Professor of Sociology and Social Work
Lesya Ukrainka East European National University, Lutsk (Ukraine)

Annotation: This paper analyzes the functional potential of religion as one of the key elements in the functioning of the ontological security of the person – a concept proposed by the author of the theory of structuration, Anthony Giddens, provides adequate attitude and implementation of practical human activity. Spesial attention is paid to the influence of modern social conditions, as well as modernization processes arising at the institute of religion.

Keywords: virtualization, ontological security of the person, postmodern, late modernity, religiosity.

УДК 811.161.2373.7+821.161.2–3.08

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПРОЗЕ Б. ЛЕПКОГО

© 2012

***Т.В. Здиховская*,** кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры филологии и методики начального образования
Восточноевропейского национального университета имени Леси Украинки, Луцк (Украина)

Аннотация: Распространение тенденции к обновлению компонентного состава фразеологизмов способствует изучению трансформации устойчивых сочетаний. На материале прозаических произведений Б. Лепкого проанализированы лексические трансформации фразеологических единиц, в частности выделены определенные приемы авторской замены компонентов фразеологизма.

Ключевые слова: фразеологическая единица, приемы трансформации, лексическая субституция, структурно-семантические модификации, семантика фразеологизма, стилистические функции.

В сфере фразеологии получила распространение тенденция к обновлению компонентного состава фразеологических единиц (далее – ФЕ). Исследование динамики фразеологической системы показало два ее ведущих направления: собственно новообразования, что связано с необходимостью номинации новых реалий, и актуализация существующих языковых средств с их последующим переосмыслением и семантической переориентацией. В актуализации общеязыковых устойчивых соединений важное место занимают трансформации. Трансформация фразеологизмов – один из проблемных вопросов языкознания. Изменение общественных ориентиров, потребность в номинации новых явлений и усилении экспрессивных функций языка активизировали переосмысление фразеологического материала. В лингвистической литературе трансформацию рассматривают преимущественно на материале фразеологизмов или шире – устойчивых сочетаний слов, а не как отдельное явление и не как способ стилистической выразительности изложения материала. Однако единого определения трансформации фразеологизмов еще нет. Изучением этого вопроса занимались И. Арнольд [1], Я. Баран [2], А. Молотков [3], А. Пономарив [4], С. Пташник [5] и др. Обобщив различные подходы, считаем, что трансформа-

ции устойчивых сочетаний слов – это сознательное преобразование автором формы фразеологизма для передачи дополнительной экспрессии и достижения нужного стилистического эффекта. В исследовании употребляем термины «трансформации» и «модификации» ФЕ как синонимичные понятия.

В лингвистике существуют разные взгляды относительно классификации модифицированных фразеологизмов. Однако традиционно выделяют две основные группы трансформаций: семантическую и структурно-семантическую [6, с. 83–141; 7, с. 114–168].

Одним из самых распространенных разновидностей структурно-семантического типа модификации считаем трансформацию лексическую (субституцию), которая заключается в целенаправленной замене одного или нескольких компонентов фразеологизма функционально похожими элементами. Среди индивидуальных видоизменений заметной становится и содержательная, и экспрессивная перестройка устойчивых словосочетаний. Заменяя компоненты, автор как бы дает новую жизнь известной, с несколько потерянными художественными характеристиками ФЕ, делает ее объектом двойной выразительности [8, с. 149]. Как отмечает В. Чабаненко, «часто вместо одних, принятых компонентов фразеологизма, подставляются другие, необычные, в результате чего создаются разительные контрасты элементов разных стилей, от чего новый, так сказать, местного значения фразеологический оборот становится еще выразительнее» [9, с. 61]. Отметим, что не все единицы речи могут выступать в роли заменителей. Мастерство писателя как раз и заключается в умении подобрать такую лексему, которая не нарушает смысловой целостности фразеологизма, а придает ему новый оттенок. Лексическая замена компонентов ФЕ всегда сопровождается формальными изменениями, которые отражают грамматические связи устойчивого сочетания с другими членами предложения, поэтому при характеристике лексических изменений во внимание не берутся. С морфологической точки зрения компоненты-заменители и заменяемые компоненты могут принадлежать как к одному, так и к разным морфологическим классам.

Актуальным считаем мнение известных специалистов по этому вопросу (В. Мокиенка и В. Ужченка), которые предостерегают от преувеличения фактора авторского образования фразеологизмов, авторской трансформации их и недооценки варьирования как характерного свойства фразеологизма [10, с. 19–23; 8, с. 147]. Однако на сегодняшний день не существует специальной картотеки вариантов ФЕ, поэтому в своем исследовании субституции компонентов фразеологизма, которые не зафиксированы в словарях, рассматриваем как авторские изменения.

В этой статье рассмотрим лексическую трансформацию фразеологизмов в произведениях Богдана Лепкого. В частности, проанализируем, какие приемы авторской замены компонентов ФЕ использовано в прозе Б. Лепкого.

Писатели, обновляя фразеологизм, обращаются чаще к замене одного компонента, хотя иногда заменяют два или более компонентов фразеологизма. Полная замена обусловлена системой художественно-выразительных средств и продиктована как языковыми, так и *экстралингвистическими* факторами, сюжетом, ситуацией, особенностями индивидуального стиля [11, с. 43]. Авторская замена отличается от нормативной тем, что выбор слова-заменителя в контексте почти всегда определяется содержанием или языковой ситуацией, которые способствуют актуализации значения этого компонента в составе фразеологизма.

Распространенным приемом трансформации ФЕ в художественных произведениях Богдана Лепкого является лексическая трансформация (субституция), в рамках которой целесообразно выделить:

1. Целенаправленную замену одного компонента общеязыковой ФЕ похожими элементами. Эта группа трансформированных фразеологизмов в прозе Б. Лепкого многочисленная, ср.: Майдани лежали здебільшого по другому боці дороги, звідтам, з-поза курінів і шатер не видно було того сумного в'їзду. Хіба який чура **вискочив, як горобець з-під стріхи**… [12, с. 190] і **вилетів як горобець із стріхи** «несподівано з'явився», **вискочив як горобець з конопель** [13, с. 39–40]. Находим в Б. Лепкого также выражения, которые можно сравнить с узуальными и провести параллель между лексемами-соответствиями и словами-заменителями, которые относятся к одной тематической группе: «**Краще** мені **з човна та в воду**, ніж знущання терпіти...» [14, с. 275] і **хоч з мосту та в воду** «у когось дуже скрутне, безвихідне становище. Хтось у відчаї, комусь дуже тяжко» [15, с. 409];

– Князь Дмитро Михайлович Голіцин, – завважив хтось.

– Цей самий, що ми вже його раз не впустили.

– **Лізе, як свиня в город** [16, с. 329] і **вліз як свиня в моркву** [13, с. 132], **лізе як у чужий город** [17, с. 62].

Заменив в ФЕ **[аж] мороз дере (подирає, пробирає** і т. ін.**) / подер (подрав, пробрав** і т. ін.**) по спині (по шкірі, за плечі** і т. ін.**)** «комусь стає неприємно, моторошно, страшно від чогось» [18, с. 406] по спині (по шкірі, за плечі) на слово кістки, писатель, акцентируя внимание на том, что страх охватил человека не только извне, но и изнутри, передал этим высшую степень страха: Другі, згубивши дітей, пробігають вулицями горючого міста й жахливим голосом, від котрого **мороз прошибає кістки**, кличуть їх [16, с. 400].

В устойчивом соединении **як теля на нові ворота** «зі словами дивитися, витріщатися – з повним нерозумінням. Здивовано, розгублено, спантеличено» [15, с. 708] (с соответствующей семантикой в фразеологическом словаре зафиксировано еще такие ФЕ: **як баран на нові ворота**, **як козел на нові ворота**, **як корова на нові ворота**) автор заменил имя прилагательное *нові* на *мальовані,* соответственно можно констатировать появление несколько иного оттенка семантики и комического эффекта в изображении действительности: «Але чого я отсе на ті візерунки, **як теля на мальовані ворота**, гляджу? А тут за декілька днів і гетьман приїде. Треба ж його по-людському привітати, хай знає, як Кочубей вгощає» [14, с. 108]; «Чого дивишся, **як теля на мальовані ворота**. Не бачив мене?» [14, с. 325]. В ФЕ **на [всі] чотири боки (сторони)** 'переважно зі словами іти, відпускати і подібними – куди завгодно, будь-куди [18, с. 35] числительное чотири заменено существительным світ, что придает фразеологизму более абстрактного значения: Товпа захвилювалася, розступилася і з криками одчаю розбрелась **на всі сторони світу**. На майдані осталося кілька тіл, що вилися в болю і кричали рятунку – надаремно [16, с. 318].

По сравнению с общеязыковой ФЕ **попасти пальцем у небо** сказати або зробити що-небудь невлад, недоречно, помилитися у поясненні або визначенні чогось' [18, с. 542], в речи персонажа «Ти його зловиш, Саша? Хаха-ха! От **ткнув, як пальцем у небо**. Карло авантюрист, він шведів веде у загибель…» [14, с. 17] глагол ткнув в фразеологизме имеет разговорный характер, сниженную окраску. Разговорные слова в устойчивых соединениях автор также употребил и в прямой речи персонажей произведения «Сотникивна», ср.: Петрусь до Олесі: «Хочеш роззлостити мене, щоби я сам відстав від тебе?». «Не хочу я того, але не люблю, як хто **воду у ступі опихає**» [14, с. 270] і **товкти воду в ступі** «займатися чим-небудь непотрібним, безрезультатним; марно гаяти час» [18, с. 714].

В анализируемых художественных произведениях Б. Лепкого зафиксировано различные лексические трансформации того же общеязыкового фразеологизма, зависящие от описываемого им явления, лица, ситуации, в которых оказались персонажи. Это еще раз свидетель-

ствует об авторском использовании народной фразеологии. Например, для конкретизации значения писатель в ФЕ **як власну (свою) долоню** зі словом знати – дуже добре [18, с. 214] або **як свої (своїх) п'ять пальців** зі словами знати, вивчити – дуже добре, досконало [18, с. 589] заменяет слова-соматизмы в одном случае на лексему кишеня: «Доводилося, і то чи раз, завертати з дороги, бо хоч деякі візники знали дорогу з Ковалівки до Батурина «**як свою власну кишеню**», але ж тому, що світ оповитий був дощами, […] збивалися зі шляху» [14, с. 191]; «Знаю. Не від Орлика, бо він не мав часу мені сказати, знаю, бо знаю вас, **як свою кишеню**» [16, с. 240], а в другом – на слово хата: Чечель знає батуринський замок, **як свою власну хату**, по планам і по тайнам, які йому повірив гетьман [16, с. 349].

Во фразеологизме **куди очі [бачать (дивляться, спали** і т. ін.**)]** «зі словами іти, бігти, тікати – не вибираючи шляху, в будь-якому напрямку; будь-куди, навмання», **куди очі поведуть (покажуть)** [18, с. 475] глагол, в зависимости от контекста произведения, заменен такими эквивалентами: Боязкі отсі ратні люди… Вони тільки на писок моцні, страх, як лаються, з вереском кидаються в бій, але при першому зударі, як не податися їм, то тікають, **куди очі світять** [14, с. 70]; Хотілося встати, махнути рукою на все і йти **куди очі понесуть**. То знову ніби хтось радив йому кинути шаблю під ноги світлішому і сказати, що він згідний бути вояком, але не катом. Був навіть мент, коли Скорін хотів скочити на рятунок сердюкові [16, с. 429].

Различные лексические вариации рассматриваем, сравнив общеязыковые и трансформированные автором ФЕ: **не кидати слів на вітер** «не говорити що-небудь безпідставно, безвідповідально, необґрунтовано; бути обов'язковим» [18, с. 293] і «**Я слів на вітер не сію**» [14, с. 188]; Видно, **слова не сказані були на вітер**, а добулися десь із глибин душі. Їх обличчя зробилися поважні й грізні, в їх очах запалав довго здержуваний огонь [12, с. 16];

[Чуйкевич] – Мило мені почути похвалу з твоїх уст, Мотре.

[Мотря] – Справді?

– Я не пустомел, **на вітер не говорю**.

– Я також не люблю пустих розмов… [14, с. 105].

Б. Лепкий меняет актантный состав существительных при одном и том же предикате. Например, в «Словаре фразеологизмов украинского языка» зафиксирована ФЕ **стелитися під ноги** «догоджати, принижуючись і втрачаючи людську гідність» [18, с. 693]. В пенталогии «Мазепа» отношение Мотри к матери передает трансформированный фразеологизм: Батько не ворог для неї. Скаже йому всю правду, батькові можна сказати. А мати? Буде покірною для неї. **Постелиться рядном**, щоб тільки приєднати її. І Мотря **стелилася рядном**, ішла матері на руку. Хотіла, щоб не лишили її зимувати в Ковалівці, лиш забрали з собою [14, с. 190]. Сильный голод Чуйкевича делает более выразительным модифицированная ФЕ: «…підемо на вечерю, бо мені вже **серби в кишках грають**, а чую, як у столовій тарілками дзвонять; ходім!» [14, с. 97]. А в общеязыковом устойчивом соединении **кишки грають марш** «хто-небудь дуже голодний» [18, с. 295] действие приписывается номинации кишка. Также ср.: «А піди-но ти, Онисиме, може, що прилащиш; із одежі або з харчів, що б не було, приїсться, бо біда **вовком свище**. Дітиська їсти плачуть, а нема їм що до рота ткнути» [12, с. 64] і **хоч вовком вий** уживається для вираження безвихідного, скрутного становища, великого відчаю, досади і т. ін. через неможливість щонебудь змінити [18, с. 71]. По сравнению с инвариантом, трансформируемый Б. Лепким фразеологизм убеждает и делает акцент на очень затруднительном положении персонажей. Привлекает внимание замена компонентов фразеологизма необычными (без семантической близости) эквивалентами, ср.: «Ви, пане стародубський полковнику, знаєте, як воно є, бо чую, що й ваша пані Настя, не в гнів їй кажучи, [...] жінка цнотлива, але **за словом до сусіди не йде**» [14, с. 21] і **за словом до кишені (у кишеню) не лізти (не лазити, не полізти)** «бути дотепним і метким у розмові» [15, с. 343]. Вследствие такой замены модифицированная ФЕ стает выразительнее.

2. Целенаправленную замену двух и более компонентов общеязыкового устойчивого соединения семантически близкими элементами: «Я не з **вашого города квітка**!» [14, с. 245] і **нашого (вашого, їхнього** і т. ін.**) поля ягода** ‘переважно із запереченням – подібний до кого-небудь своїми поглядами, думками, соціальним становищем, поведінкою і т. ін [18, с. 784]; «Ах, який гарний і чемний мужчина! Так і знати, що не будь-якого роду. **Високого гнізда птиця**, – боярин! А вона бояринею стане» [14, с. 297] і **птах високого польоту** «людина, яка займає значне становище в суспільстві і має владу, вагу, великий вплив у якомусь колективі» [15, с. 582]; «Га, що ж, **в ложці каші з'їсти** себе не дамо, хоч роти в них широкі й апетити великі» [12, с. 15] и узуальный фразеологизм **втопити в ложці води** «зі словами готовий, радий – завдати кому-небудь великих прикростей чи згубити когось з будь-якого приводу, через дрібниці» [18, с. 136].

Писатель умело видоизменяет устойчивые народные выражения, обновляет их семантику и форму. Например, известную пословицу **вірному коханню і Бог не противник** [19, с. 181] Б. Лепкий трансформировал следующим образом: «**Вірне кохання і війни не боїться**», – зітхала Ганна Обидовська, а Войнаровський тільки свій рідкий вусик підкрутив [20, с. 408]. Введенные в контекст окказиональные элементы образуют смысловые оппозиции, которые отличаются от узуальных конкретикой. Словосочетание-заменитель війни не боїться акцентирует внимание на событиях, которые происходят в произведении. Исторические события, описанные в пенталогии «Мазепа», персонажи, проблематика художественного произведения обусловили такие субституции устойчивых соединений, ср.: «**Гетьманський хліб ситний, боки розпирає**» [14, с. 82] і **попівський хліб розпирає челяді бік** [19, с. 213] или «Тітці Магдалені ми ще такого козака підшукаємо, що й полковниківній заздро стало б, тільки нехай вона товстопузого москаля із голови викине, бо то не для неї. **Кінь з конем, віл з волом, а козачці чесний козак під пару**. Інакше воно й бути не може» [14, с. 304] і **віл до вола, кінь до коня, а свиня в тин, коли нема з ким**, **пан з паном, а Іван з Іваном** [19, с. 42]. Модифицированные паремии придают произведению конкретизации, четкости и образности: «**Роду як переброду**, – з жалем відповіла Мотря, **– та ніде підночувати**» [14, с. 235] і **роду без переводу, а пообідать нігде** [19, с. 193]; «…**кращий здоровий хорунжий, як хворий полковник**» [16, с. 274] і **краще живий хорунжий, ніж мертвий сотник** [19, с. 155]; «**Чеши дідька зрідка, він і так кострубатий**. Чує серце моє, що між нами ще до великого дійде. Він мені ногу підставляє. Котрийсь із нас конечно спотикнеться і впаде…» [20, с. 23] і **чеши дідька зрідка, нехай іде до дідька** [19, с. 46]; «Відомо, відомо! **З** таким **любовником дружи, а камінь за пазухою держи**» [14, с. 181] і **з паном дружи, а за пазухою камінь держи** [19, с. 46], **з москалем дружи, а камінь за пазухою держи** [19, с. 38].

3. Существенные изменения структурной организации ФЕ, когда в роли заменителя одного компонента берется словосочетание. Благодаря количественным изменениям в составе фразеологизма возникают и качественные трансформации, например, персонализация: **Влучив, як пальцем бабці в око** [12, с. 189] і **попасти / попадати пальцем у небо** «сказати чи зробити щонебудь невлад, недоречно, помилитися у поясненні або визначенні чогось» [18, с. 542].

4. Замену компонента ФЕ на антоним, что приводит к изменению общеизвестного значения на противоположное, ср.: «Правда. Кочубей все-таки поніс несправедли-

во смерть. Але його донька наче **іншого гнізда птиця**» [16, с. 423] й **одного гніздечка птиці** «однакові у чомунебудь» [18, с. 583]; «Присягніть на святе Євангеліє і на хрест з часткою животворячого древа, що це, що написали ви мені, написали свідомо, щиро і що не відступите від того ніколи й **за ніяку ціну**, а так само і не відступите від мене, коли я згідно з бажанням вашим перейду до короля Карла» [12, с. 174] і **за всяку ціну** «обов'язково, неодмінно: за всіляких умов, обставин, незважаючи ні на які труднощі чи перешкоди» [18, с. 758].

5. Подбор созвучного слова. Этот прием авторской замены компонентов ФЕ придает тексту благозвучности, ср.: Можна бути певним, що її посли **не пошиються в осли**, діла не попсують [12, с. 40] і **пошитися в дурні** «дати себе обманути; бути ошуканим» [15, с. 553]. Происходит своеобразная игра слов.

Б. Лепкий достаточно широко представил лексическую трансформацию в языке художественных произведений, продемонстрировал влияние проблематики произведения на замену компонентов устойчивого сочетания, что придает достоверности описываемым событиям.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Трансформация – один из самых эффективных способов обновления языковых средств в художественных произведениях. Авторская модификация ФЕ приводит к изменению семантики и структуры выражения, придает ему большей экспрессивности или эмоциональности. Трансформированный фразеологизм ограничен индивидуальным употреблением и подчинен контексту произведения.

К наиболее распространенным приемам трансформации ФЕ в художественных произведениях Б. Лепкого принадлежит замена (субституция) компонента (компонентов). Названная группа модифицированных фразеологизмов наиболее многочисленная. Преобразованные таким образом устойчивые соединения выполняют различные стилистические функции: служат средством образности и выразительности речи, употребляются для конкретизации значения, расширения семантики, способствуют более глубокому раскрытию описываемых явлений. Лексическая субституция способствует выявлению в ФЕ дополнительных оттенков значения, определение которой является перспективой дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка: учеб. пособие для студ. пед. ин-тов по спец. «Иностранные язики». М.: Просвещение, 1990. 300 с.

2. Баран Я. А. Основні поняття загальної та німецької фразеології. Львів: Вища школа, 1980. 155 с.

3. Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка. Ленинград: Наука, 1977. 280 с.

4. Пономарів О. Д. Стилістика сучасної української мови. К.: Либідь, 1993. 248 с.

5. Пташник С. Б. Структурно-семантичні особливості фразеологічних модифікацій та їхні функції в німецькому газетному тексті: дис. … кандидата філол. наук: 10.02.04. Л., 2003. 219 с.

6. Білоноженко В. М., Гнатюк І. С. Функціонування та лексикографічна розробка українських фразеологізмів. К.: Наук. думка, 1989. 153 с.

7. Цимбалюк Т. В. Мова перекладу Миколи Лукаша: Фразеологія роману Мігеля де Сервантеса Сааведри «Дон Кіхот». К.: Довіра, 1996. 238 с.

8. Ужченко В. Д., Авксентьєв Л. Г. Українська фразеологія. Х.: Основа, 1990. 168 с.

9. Чабаненко В. А. Стилістичне увиразнення фразеологізмів // Укр. мова та літ. в шк. 1981. № 9. С. 60–62.

10. Мокиенко В. М. Славянская фразеология. М.: Высшая школа, 1980. 207 с.

11. Щербань Н. П. Про один із засобів контекстуальних перетворень фразеологізмів // Мовознавство. 1975. № 4. С. 41–45.

12. Лепкий Б. Не вбивай. Батурин: іст. повісті. К.: Дніпро, 1992. 535 с.

13. Юрченко О. С., Івченко А. О. Словник стійких народних порівнянь. Х.: Основа, 1993. 176 с.

14. Лепкий Б. Вибрані твори: у 2 т. Т. 1. Тернопіль: Збруч, 2004. 350 с.

15. Словник фразеологізмів української мови / уклад. В. М. Білоноженко, І. С. Гнатюк, В. В. Дятчук та ін. К.: Наукова думка, 2003. 1097 с.

16. Лепкий Б. Мазепа: у 3 кн. Кн. 1: Не вбивай. Батурин: іст. повісті. Дрогобич: Відродження, 2004. 568 с.

17. Доброльожа Г. М. Красне слово – як золотий ключ: Постійні народні порівняння в говірках Середнього Полісся та суміжних територій. Житомир: Волинь, 2003. 160 с.

18. Словник фразеологізмів української мови / уклад. В. М. Білоноженко, І. С. Гнатюк, В. В. Дятчук та ін. К.: Наукова думка, 2008. 1104 с.

19. Українські приказки, прислів'я і таке інше: збірник О. В. Марковича та інших / уклав М. Номис. К.: Либідь, 2004. 352 с.

20. Лепкий Б. Мазепа: у 3 кн. Кн. 2: Полтава: іст. повісті. Дрогобич: Відродження, 2005. 524 с.

LEXICAL TRANSFORMATION OF THE PHRASEOLOGICAL UNITS IN B. LEPKYY'S PROSE

© 2012

T.W. Zdihovska, candidate of philological sciences, senior lecturer of philology and methods of primary education department
East European National University named after Lesya Ukrainka,Lutsk (Ukraine)

Annotation: The spread of the trends to update the component of phraseology encourages to study the transformation of stable compounds. On the prose material of B. Lepkyy are analyzed the lexical transformation of phraseological units, are highlighted certain techniques of the author's replacement of components of phraseologism.

Keywords: phraseological unit, transformation techniques, lexical substitution, structural and semantic modifications, semantics of phraseologism, stylistic features.

УДК 376.3

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ЛИЧНОСТИ СЛЕПЫХ И СЛАБОВИДЯЩИХ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПОВЕДЕНИЕ В ПРОЦЕССЕ ВЫБОРА ПРОФЕССИИ

© 2012

Ю.Е. Криводонова, психолог отделения социальной реабилитации несовершеннолетних с ограниченными умственными и физическими возможностями здоровья
Бийский территориальный центр социальной помощи семье и детям, Бийск (Россия)

Аннотация: Формирование ценностных ориентаций и жизненных смыслов лиц с дефектом зрения имеет большое значение для их социализации в профессиональной деятельности в обществе зрячих людей.

Ключевые слова: ценностные ориентации, слепота и слабовидение, профессионализация, развитие личности.

Понятие ценностных ориентации личности возникает в объяснительном социальном значении поведения. Ряд авторов (Колб, Уэл, 1961 г.) считают, что ценностные ориентации тождественны аттитюду (социальной установке). Любимова Т. Б., Попова С. И. связывают понятие ценностных ориентации социально-психологической науки с теорией Т. Парсонса. В психологии существует много работ, посвященных ценностным ориентациям личности, в которых изучается их иерархия. Выражая определенные качества личности, ценностные ориентации являются средством реализации определенных общественных целей. Нормативно-ценностный подход изучения социально-политических ценностей берет свое начало от Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, М. Вебера, А. Маршала, В. Парето.

Много лет данной проблемой занимались американские ученые У. Томсон, Ф. Знанецкий. У них существует представление о том, что определенный слой развития и преобразования общества является преобразованием целей и интересов людей или определенных соотносящихся групп. В рамках данного подхода исследуется общий фундаментальный вопрос о природе интересов и способе осознания их действенных сторон.

Э. Дюркгейм считал, что основа общества - это общественное сознание, общее верование, ценности и нормы. Их ослабление грозит дезинтеграцией общества, его распадом. В большинстве современных исследованиях ценности рассматриваются под социально-психологическим углом зрения, как социальное явление, как продукт жизнедеятельности общества и социальных групп (А. И. Донцов, Д. А. Леонтьев).

М. Рокич сформулировал определение ценностей. По его мнению, ценности - это устойчивые убеждения в том, что определенный способ поведения или существования передается наряду с каким-либо жизненным способом поведения, существования или аналогичной ситуацией. Таким образом, система ценностей это устойчивая совокупность убеждений. Рокичем было выделено три их типа: экзистенциональные, оценочные, прогматистские. Им было выделено два класса ценностей «терминальные» и «инструментальные», как ориентация в желательности или нежелательности способа поведения. [1]

Исследователи терминальных ценностей выделяют два их класса в зависимости от того, направлены ли они на социум (интерперсонально сфокусированы на индивиде) или интерперсонапьно (Олпорт и др., 1920 г.). [2]

Маслоу (1959 г.) считает, что соотношение ценностей индивидуально у каждого человека, поэтому для каждого человека характерно преобладание своих ценностей, что определяет поведение и социальную позицию человека с дефектом зрения в процессе выбора профессии. Таким образом, профессия, выбираемая личностью с дефектом зрения становится связующим элементом его с обществом зрячих людей. [3]

Именно получение образования является фактором, компенсирующим недостатки зрительной патлологии, накладывающей отпечатки на картину психических реакций незрячего человека. Рассмотрение разных уровней ценностных ориентации личности ведется в отечественной литературе давно. Тугаринов В. П. (1968 г.) различает ценности-средства и ценности-цели, что перекликается с разделением их на терминальные и инструментальные. Таким образом,как и в норме, под ценностными ориентациями личности понимаются цели, стремления, жизненные идеалы, желания, система определенных норм (Ольшанский А. Б., 1965 г.).[4]

Как в норме, так и при нарушениях зрения людям присущи различные ценностные ориентации, в том числе и ценности, связанные с выбором профессии. Главным препятствием в их формировании является дефект зрения.

Дефект - это физический или психический недостаток, влекущий за собой отклонения от нормального развития.

По происхождению дефекты зрения делятся на врожденные и приобретенные, первичные и вторичные. Причем первичные - это самотический дефект, а вторичный - это нарушение социальных связей, нарушения двигательной сферы, обусловленые малоподвижным образом жизни слепых. Между первичным и вторичным дефектами существуют сложные структурные межфункциональные связи.

Большой вклад в учение о дефекте зрения внес Выготский Л. С. (1886 - 1934). Он раскрыл структуру дефекта и считал, что соотношения первичного и вторичного дефектов проявляется в психике человека не равнозначно. По его мнению, всякий телесный недостаток не только изменяет отношение человека к миру, но и сказывается на отношениях с людьми. [5]

Органический дефект реализуется как социальная ненормальность поведения, поэтому незрячие требуют особых условий воспитания, к ним возникает особое отношение, меняется их социальная позиция. В дальнейшем телесный недостаток вызывает особую социальную установку, когда физический дефект вызывает социальный «вывих», что негативно сказывается на процесс профессионализации личности. Органический дефект влияет на личность человека, так как поврежденные органы вносят свою социальную природу, что затрудняет формирование ценностных ориентации слепых и слабовидящих.

Как в норме, так и при нарушении зрения ценностные ориентации проявляются в целях, идеалах, интересах, жизненных планах, убеждениях и являются образцом ценностного плана генеральной линейной жизни человека. [6-8]

Система ценностных ориентации личности, связанных с профессиональным ее становлением - это показатель того, что можно ожидать от человека, это обобщенный показатель направленности интереса, потребности личности, социальной позиции уровня духовного развития человека, поэтому проблема социализации и интеграции слепых должна строится не как биологическая, а как социальная. Так как физические особенности изменяют социальный характер, то психические особенности имеют ту же природу (социальную). [9]

Слепота в разной социальной среде проявляет себя одинаково, поэтому воспитание аномальных детей должно быть разносторонним и развивающим, что может победить дефект.[5]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Леонтьев Д.А. Динамика смысловых процессов [Текст] / Д.А. Леонтьев // Психологический журнал. –1997. – №7. – 61-65 с.
2. Вайзер Ф.А. Смысл жизни и двойной кризис жизни человека [Текст] / Ф.А. Вайзер // Психологический журнал. – 1998. – Том 19. – №5. – 25-29 с.
3. Буякас Т.М. Проблема и психотехника самоопределения личности [Текст] / Т.М. Буякас // Вопросы психологии. – 2002. – № 3,4. – 15-21 с.
4. Буякас Т.М. Процесс обучения как диалог между профессиональным и личностным становлением [Текст] / Т.М. Буякас // Вестник МГУ. – 2001. – №2. – 45-51 с.
5. Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. – М., 1956, с. 449.
6. Криводонова Ю.Е. Влияние ценностных ориентаций личности слепых, слабовидящих на особенности выбора профессии // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2012. № 1. С. 45-51/
7. Криводонова Ю.Е. К вопросу использования метода наблюдения в исследовании межличностных отношений слепых и слабовидящих людей в процессе их адаптации // Карельский научный журнал. 2012. № 1. С. 9-11.
8. Криводонова Ю.Е. Основные подходы к проблеме ценностных ориентаций слепых и слабовидящих в процессе их профессиональной подготовки // Самарский научный вестник. 2012. № 1 (1). С. 26-27.
9. Варфоломеева О.В. Экзистенциальные противоречия в формировании психологически устойчивой личности [Текст] / О.В. Варфоломеева // Прикладная психология и психоанализ. – 2003. – №2. – 99-104 с.

BASIC APPROACHES VALUES OF PERSONALITY BLIND AND VISUALLY IMPAIRED AND THEIR EFFECT ON BEHAVIOR IN THE PROFESSION OF CHOICE

© 2012

***Ju. E. Krivodonova*,** the psychologist of office of social rehabilitation of minors with limited intellectual and physical opportunities of health
Biysk territorial center of the social help to a family and children, Biisk (Russia)

Annotation: Formation of value orientations and life meaning persons with visual impairment is important for their socialization in professional activities in society sighted people.

Keywords: value orientation, blindness and low vision, professionalization, personal development.

УДК 371.314.6:614.84(07)

СУЩНОСТЬ ПОНЯТИЯ «МЕТОД ПРОЕКТОВ» В КОНТЕКСТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

© 2013

А.А. Кришталь, аспирант
Черкасский национальный университет имени Богдана Хмельницкого, Черкассы (Украина)

Аннотация: На основе анализа педагогических источников уточнено смысл таких педагогических понятий, как «проект», «проектирование», «проектная деятельность» и «проектное обучение». Проанализировано разные трактовки понятия «метод проектов» и в результате обобщения педагогической мысли и эмпирических исследований сделано попытку выяснить суть понятия «метод проектов». Определено, что метод проектов состоит в организации педагогического процесса путем планирования и прогнозирования результатов деятельности обучаемых. Также установлено целесообразность применения вышеупомянутого понятия в контексте профессиональной подготовки будущих специалистов пожарной безопасности.

Ключевые слова: проект, проектирование, проектная деятельность, проектное обучение, метод проектов, будущие специалисты пожарной безопасности, профессиональная подготовка будущих специалистов пожарной безопасности.

Целью высшего образования в условиях постиндустриального общества является воспитание самодостаточных, компетентных, толерантных специалистов, способных ориентироваться и приспосабливаться к быстротечным изменениям современности. Особенно остро стоит вопрос о подготовке будущих специалистов пожарной безопасности, способных быстро принимать правильные решения в критических ситуациях, слажено работать в команде и адекватно реагировать на критику и замечания.

Использование инновационных методов и технологий обучения в подготовке будущих специалистов пожарной безопасности способно повысить качество подготовки в целом.

В результате анализа последних научных исследований относительно подготовки будущих специалистов пожарной безопасности выявлено значительное количество работ, посвященных формированию профессиональных качеств обозначенных специалистов (В. Бут, Н. Кришталь, С. Крук, Н. Фомич и др.), формированию готовности к профессиональной деятельности (Е. Быкова, Н. Омельченко и др.) и пр. Повышение уровня профессиональной подготовки будущих специалистов пожарной безопасности предлагают за счет определенных условий организации педагогического процесса (Н. Вовчастая, А. Капля, Ю. Ненько и др.). Технологическим аспектам профессиональной подготовки вышеуказанных специалистов уделяли внимание А. Парубок, Т. Ткаченко и др. Использование метода проектов в подготовке будущих специалистов пожарной безопасности малоизученное, что вызывает научный интерес нашей статьи.

Современные ученые трактуют понятие «метод проектов» как: средство формирования познавательного интереса учащихся (О. Оноприенко и др.); личностно ориентированную педагогическую технологию (А. Блохин и др.); средство формирования ключевых компетенций (А. Волкова, В. Нищета и др.); технологию организации учителями учебно-воспитательного процесса (Н. Самойленко и др.); модель обучения (Н. Пелагейченко, С. Петровский, А. Самохвалов, Д. Слиткин и др.); инновационную педагогическую технологию в процессе гуманитарной подготовки (И. Дубко, В. Нищета, О. Царенко, В. Черных и др.).

Обобщая трактовки понятия «метод проектов», предложенные современными педагогами (Л. Кондратова, В. Нищета, О. Оноприенко, Н. Самойленко, Е. Полат и др.), можно констатировать, что метод проектов выступает совокупностью учебно-познавательных приемов; личностно ориентированным методом; технологией организации учебной деятельности и системой обучения, которая базируется на самостоятельном решении заранее поставленной проблемы с последующей демонстрацией результатов исполненной роботы. Однако же, несмотря на достаточность толкований исследуемого понятия, детального анализа требует вопрос применения

метода проектов в контексте профессиональной подготовки будущих специалистов, в частности – пожарной безопасности.

Цель и задание статьи заключаются в определении на основе анализа научных источников сущности понятия «метод проектов» в контексте профессиональной подготовки будущих специалистов пожарной безопасности.

По мнению В. Щеголя: «Достижения науки и техники во всем мире воистину впечатляющи и именно на это направлены основные усилия педагогов, этой же задаче, в основном подчинен и педагогический процесс» [1, с. 337]. По этой причине проблема организации учебного процесса с использованием метода проектов сейчас актуальна. Теоретические аспекты использования метода проектов анализируется в работах Э. Арванитопуло, К. Баханова, Л. Выготского, В. Гузеева, Л. Левина, В. Нищеты, М. Нолла, Н. Пахомовой, С. Петровского, О. Пехоты, Дж. Питта, Е. Полат, Н. Полихун, Г. Селевка, С. Сисоевой, С. Ящука и др.

Возрождение метода проектов началось еще в XVII–XVIII ст. с постепенной профессионализации трудовой деятельности, требующей умения самостоятельно работать и успешно соединять теорию с практикой. В начале XX века метод проектов с его свободой и педоцентризмом стал популярным в американских (Дж. Дьюи, У. Килпатрик, Э. Коллинз, Э. Паркхерст и др.) и советских школах (Б. Игнатьев, М. Пистарк, С. Руссова, С. Шацкий, М. Шульман и др.). В это время метод проектов обрел формы проектной деятельности и стал базироваться на поддержании мотивации обучаемых, к решению значимой проблемы. Конец XX – начало XXI века послужили толчком к новому развитию метода проектов как интегрированному составляющему четко структурированной и спланированной системы образования.

Периодические обращения к методу проектов, его постепенные видоизменения и усовершенствования привели к разногласиям в толковании этого понятия. Прежде всего, уточним смысл таких понятий как «проект», «проектирование», «проектная деятельность» и «проектное обучение».

Так, одним из толкований понятия «проект» является «разработанный план; замысел, намерение», в переводе с латыни означает «брошенный вперед» [2, с. 609]. Это значит, что эффективность любой деятельности, в том числе, обучающей, зависит от предварительного обдумывания цели и заданий, а также четкого планирования дальнейших действий.

По мнению Г. Селевка, проект – это:

– замысел преобразования деятельности;

– форма организации относительно самостоятельной общей деятельности для реализации определенных целей;

– продуктивная деятельность, которая происходит в специально созданной педагогом атмосфере и способствует самостоятельному получению желаемых учебных результатов;

– «целенаправленная деятельность по поиску путей решения проблем и осуществления изменений в окружающей среде» [3, с. 146–147].

Понятие «проект» толкуют также как:

– «целевой акт учебной деятельности, в основе которого лежат интересы обучаемых» (Е. Пометун) [4, с. 19];

– специфическую философско-дидактическую единицу; содержание обучения; форму организации учебного процесса (В. Нищета) [5, с. 286].

Сущность проекта состоит в его «прагматичной направленности на результат, который можно увидеть, осмыслить, применить в реальной практической деятельности [6, с. 67]. В контексте подготовки будущих специалистов пожарной безопасности такое толкование имеет важное значение, поскольку специфика будущей деятельности требует глубоких знаний и умения их практического применения.

Итак, разноплановость трактовки понятия «проект» проявляется в его понимании учеными как целевого акта, практической деятельности и формы организации совместной деятельности. Однако единогласным является видение проекта как такового, что дает возможность свободного, самостоятельного поиска и выбора путей в достижении поставленных целей и получения практически применимого результата.

По словам Е. Литвиновского, проект выступает единицей проектирования, которое является процессом предварительного обдумывания, прогнозирования и планирования стратегий организации собственных и/или действий других, а также «научно обоснованным определением основных параметров формирования будущих объектов с целью обеспечения оптимальных условий для их возникновения, развития и функционирования» [7, с. 164]. Проект здесь приравнивается к процессу постановки целей и заданий, однако, заметим, цели и задания являются, в свою очередь, структурными компонентами проекта.

Таким образом, сущность проектирования заключается в создании четкого представления о будущем результате определенной деятельности и составлению плана действий для его достижения. Для будущих специалистов пожарной безопасности проектирование является залогом успешного прогнозирования чрезвычайных ситуаций и своевременного проведения профилактических мероприятий.

Проектирование находит свое выражение в проектной деятельности. По мнению Е. Полат, проектная деятельность состоит в «сочетании академических знаний с прагматическими при соблюдении соответствующего баланса на каждом этапе обучения, от теории к практике» [6, с. 66]. Здесь подразумевается успешное оперирование приобретенными в процессе обучения теоретическими знаниями для решения значимой проблемы.

Проектная деятельность, под которой понимают процесс, направленный на получение конкретного (практического) результата и его публичное выражение, является основой для реализации проектного обучения. Проектное обучение заключается в осознании определенных реалий в процессе работы над проектом, то есть имеется ввиду «проживание конкретных ситуаций преодоление трудностей, привлечение учащихся к глубинному осознанию явлений, процессов и т.п.» [3, с. 146–147]. Отметим личностно ориентированный подход в проектном обучении.

Приоритетным в проектном обучении В. Стародубцев и М. Минин видят «не столько сам результат, сколько процесс его достижения, процесс решения проблемы, постепенное продвижение к идеальному образу, замыслу, который необходимо сначала создать и осознать» [8, с. 13]. Такой вид обучения является актуальным в контексте подготовки будущих специалистов пожарной безопасности, поскольку формирует умению «видеть наперед» и действовать по разработанному алгоритму.

Как отмечает И. Ткачук, «применяя принципы проектного подхода в процессе обучения происходит комплексное воздействие на обучаемого, т. к. здесь сочетаются такие составляющие как: концептуальная, иллюстративная, тренажерная, контролирующая части и пр.» [9, с. 305]. Однако, Г. Селевко обращает внимание на то, что проектное обучение «применяется не вместо систематического предметного обучения, а рядом с ним, как компонент образовательных систем» [3, с. 147].

Итак, проектная деятельность – это непосредственное воплощение проектных учебных замыслов на практике, то есть совокупность определенных действий как следствие понимания цели, путей достижения поставленных целей и планирование этапов решения определенных задач. А проектное обучение понимаем как педагогическую деятельность, которая предусматривает приобретение учащимися знаний, умений и навыков в процессе самостоятельного воплощения учебной цели в

виде проекта.

В последнее время понятие «проектирование», «проектная деятельность» все чаще исследуются в процессе подготовки будущих специалистов различных отраслей, например, в обучении будущих преподавателей технических дисциплин проектированию дидактического материала (Н. Брюханова), в подготовке к применению учебно-игрового проектирования в гуманитарной подготовке будущих офицеров-пограничников (А. Царенко) и пр. Однако применение указанных выше понятий в процессе подготовки будущих специалистов пожарной безопасности еще не было предметом исследования ученых-педагогов.

Выбранное нами направление исследования по определению сущности понятия «метод проектов» в контексте профессиональной подготовки будущих специалистов пожарной безопасности требует четкости и однозначности его толкования.

Так, Г. Селевко отождествляет метод проектов с технологией проектного обучения, что, по его мнению, «является развитием идеи проблемного обучения, когда оно базируется на разработке и создании учащимися, под контролем педагога новых продуктов (товаров или услуг), характеризуется субъективной или объективной новизной и имеет практическую значимость» [3, с. 146]. Ученый также трактует понятие «метод проектов» как способ организации самостоятельной работы учащихся для достижения определенного результата. По мнению ученого, метод проектов ориентирован на интерес, на возможность творческого проявления личности, на развитие его волевых качеств и творческих способностей в процессе проблемно мотивированной деятельности.

В. Нищета трактует метод проектов как «прогрессивную перспективную инновационную личностно ориентированную технологию образования; неотъемлемую часть проектного подхода, который является совокупностью принципов, функций, технологических составляющих» [5, с. 286].

Наличие различных подходов к трактовке понятия «метод проектов» справедливо вызывает противоречия относительно основы толкования этого понятия. Е. Полат четко разграничивает упомянутое выше понятие относительно понимания его как метода и как технологии. По мнению исследовательницы, если под методом проектов подразумевается именно метод, как дидактическая категория, то следует понимать определенную совокупность педагогических приемов, которые позволяют решить проблему в результате самостоятельных действий субъектов обучения с обязательной презентацией полученных результатов. Если же метод проектов предполагает технологический подход, то это означает ориентацию на совокупность исследовательских, поисковых, проблемных методов, творческих по своей сути [6, с. 67]. Таким образом, стоит разграничивать метод проектов как метод и как технологию обучения в зависимости от используемых средств обучения.

«Метод проектов всегда ориентирован на самостоятельную деятельность учащихся (индивидуальную, парную, групповую), которая осуществляется за определенный промежуток времени» [6, с. 67], однако участие педагога (явное или скрытое) не отвергается [6, с. 71]. Это значит, что метод проектов рассматривает обучаемых и педагогов как равноправных субъектов образовательного процесса.

Кроме того, метод проектов способствует развитию и реализации интеллектуального и творческого потенциала учащихся, усиливает их мотивацию к обучению, вырабатывает умение критически мыслить [5, с. 283–284]. К основным целям метода проектов относят формирование проектной компетенции, развитие умений самостоятельного овладения новыми знаниями из различных источников и дальнейшего применения этих знаний для решения новых учебных и жизненных задач и т.п. [8, с. 121]. Как было отмечено нами ранее, формирование волевых качеств, умения самостоятельно и оперативно принимать решения являются одними из ключевых аспектов подготовки будущих специалистов к профессиональной деятельности.

Анализ предложенных выше толкований понятий «проект», «проектирование», «проектная деятельность», «проектное обучение», «метод проектов» позволяет обобщить, что метод проектов является сложной интегрированной системой, направленной на выполнение четко слаженных действий по планированию будущей учебной деятельности и прогнозированию конечных результатов этой деятельности, воплощенных в учебных проектах.

Итак, на основе анализа научных источников выяснено сущность понятия «метод проектов» в контексте профессиональной подготовки будущих специалистов пожарной безопасности и сделаны следующие выводы:

1. С точки зрения метода проектов, проект – это обязательный продукт четко спланированной и организованной творческой деятельности субъектов обучения как результат решения проблемы. Проект как особая форма организации учебной деятельности и структурная единица процесса проектирования материализуется в проектной деятельности.

2. Деятельность, запрограммированная на сознательный самостоятельный поиск методов и способов решения учебной проблемы и практическую презентацию результатов, называется проектным обучением.

3. В контексте профессиональной подготовки будущих специалистов пожарной безопасности метод проектов является технологией обучения с многогранным комплексом методов обучения, способов, приемов и средств предварительной подготовки и дальнейшей организации деятельности с обязательным решением учебной проблемы.

Перспектива дальнейших исследований – определение педагогических условий внедрения технологии проектного обучения в процесс профессиональной подготовки будущих работников пожарной безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Щеголь В. И. Педагогическое образование: Стратегические направления XXI Века / В. И. Щеголь // Вектор науки ТГУ. Серия: Педагогика, психология. 2012. № 4 (11). С. 336–339.

2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского язика : 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю Шведова.– 4-е изд., дополненное. – М. : ООО «ИТИ Технологии», 2003. – 944 с.

3. Селевко Г. К. Энциклопедия образовательных технологий : в 2 т. / Г. К. Селевко. – (Серия : Энциклопедия образовательных технологий). – М. : НИИ школьных технологий, Т.1. – 2006. –535 с.

4. Пометун Е. И. Интерактивные технологии обучения : теория, практика, опыт / Е. И. Пометун, Л. В. Пироженко. – К. : А.П.Н., 2002. – 136 с.

5. Нищета В. А. Проектный подход в общеобразовательном риторическом образовании / В. А. Нищета // Вестник Львовского университета. – Серия филологическая. – Львов : Львовский национальный университет имени Ивана Франка, 2010. – Выпуск 50. – С. 281–287.

6. Полат Е. С. Метод проектов / Е. С. Полат // Новые педагогические и информационные технологии в системе образования : учеб. пособие для студ. пед. вузов и системы повыш. квалиф. пед. кадров / Е. С. Полат, М. Ю. Бухаркина, М. В. Моисеева, А. Е. Петров; под ред. Е. С. Полат. – М. : Издательский центр «Академия», 2002. – 272 с.

7. Литвиновский Е. Ю. Формирование у офицеров структуры воспитательной работы Вооруженных сил Украины умений проектирования воспитательного процесса : дисс... кандидата пед. наук: 13.00.04 / Литвиновский Евгений Юрьевич. – К., 2003. –248 с.

8. Стародубцев В. А., Минин М. Г. Метод проек-

тов в образовательной деятельности : учебное пособие / В. А. Стародубцев, М. Г. Минин. – Томск : Изд-во Томского политехнического университета, 2010. – 124 с.

9. Ткачук И. А. Проектный подход в преподавании иностранных языков / И. А. Ткачук // Вектор науки. Серия: Педагогика, психология. 2011. № 3. С. 305–307.

THE ESSENCE OF THE NOTION 'PROJECT METHOD' IN THE CONTEXT OF FUTURE SPECIALISTS OF FIRE SAFETY PROFESSIONAL EDUCATION

© 2012

A.A. Kryshtal, post-graduate student
Cherkassy National University named after Bohdan Khmelnytskyi, Cherkassy (Ukraine)

Annotation: Based on the analyses of pedagogical sources the meaning of such pedagogical notions as 'project', 'projecting', 'project activity' and 'project education' is specified. Various definitions of the notion 'project method' are analyzed and as a result of generalization of pedagogical thought and empirical research an attempt to find out the essence of the notion 'project method' is done. It is determined that project method means organization of pedagogical process via planning and prognostication of the trainees activity results. The expedience of project method usage in the context of professional education of future specialists of fire safety is also substantiated.

Key words: project, projecting, project activity, project education, project method, future specialists of fire safety, professional education of future specialists of fire safety.

УДК 336.64

ПОНЯТИЕ ФИНАНСОВОЙ СТРАТЕГИИ И ЭТАПЫ ЕЕ ФОРМИРОВАНИЯ

© 2012

Е.В. Латанова, студентка
А.А. Курилова, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Финансы и кредит»
Тольяттинский Государственный Университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В статье обоснована актуальность понятия финансовой стратегии, описаны факторы, оказывающие влияние на деятельность предприятия. Также приведена классификация определений финансовой стратегии, выбрано наиболее полное определение. Далее описаны этапы формирования финансовой стратегии и обоснована необходимость выбора эффективной финансовой стратегии в соответствии со специфическими особенностями предприятия.

Ключевые слова: финансовая стратегия, определения финансовой стратегии, формирование финансовой стратегии, финансовая деятельность, выбор финансовой стратегии.

В настоящее время все большее число предприятий понимает необходимость эффективного управления финансовой деятельностью, основанного на прогнозе изменения факторов внешней среды, динамике развития отрасли в целом и самого предприятия в частности. Финансовая стратегия выступает инструментом эффективного управления финансовой деятельностью, позволяющим предприятиям развиваться, двигаться к достижению целей и адаптироваться к изменениям, происходящим на микро- и макро-уровне.

Разработка понятия финансовой стратегии предприятия является актуальным в настоящее время. Важнейшим фактором, оказывающим влияние на деятельность предприятия, является быстрота и динамика изменения финансовых факторов во внешней среде. Изменение макроэкономических показателей, колебания конъюнктуры рынка, технологический прогресс, государственные реформы ограничивают принятие эффективных управленческих решений в области финансовых ресурсов. В данной ситуации грамотно разработанная финансовая стратегия, предусматривающая возможные изменения внешних факторов, дает предприятию мощный рычаг для согласованной деятельности всего предприятия по достижению главной цели и повышения эффективности его функционирования.

Также немаловажным фактором, определяющим результат разработки финансовой стратегии, являются стадии жизненного цикла предприятия. В соответствии с этим циклом, предприятие за время своего существования проходит ряд последовательных стадий – от зарождения до ухода с рынка. На каждой из стадий предприятие характеризуется некоторыми параметрами, показывающими его состояние на данный момент и перспективы развития в будущем. Всем стадиям жизненного цикла соответствуют свои особенности формирования и использования финансовых ресурсов, уровень инновационной активности и инвестиционной привлекательности. Финансовая стратегия дает возможность развивать предприятие благодаря своевременной адаптации деятельности к предстоящим изменениям.

В связи с этим, большое значение приобретает необходимость уточнения понятия финансовой стратегии, выявление его сущности и рассмотрение его наиболее важных аспектов.

В табл.1 приведены определения финансовой стратегии некоторых авторов, классифицированные по различным критериям.

Таблица 1 - Классификация определений финансовой стратегии предприятия

Критерий	Автор	Определение
1	2	3
Система формирования и эффективного использования финансовых ресурсов	К.Е. Щесняк	Финансовая стратегия призвана обеспечить позиционирование корпорации на рынке капитала, расширение взаимосвязей с внешней предпринимательской средой, формирование и эффективное использование финансового ресурсного потенциала и его консолидацию [1].
	Е.В. Прокофьева	Финансовая стратегия организации – формализованная система прогнозных целевых индикаторов результативности деятельности с необходимой детализацией и обоснованием объема и структуры финансовых ресурсов и источников финансирования, а также направлений их эффективного использования [2].
Направленность на достижение долгосрочных финансовых целей	Д.А. Оводков	Финансовая стратегия представляет собой систему формирования и воплощения приоритетных финансовых целей предприятия путем эффективного привлечения и использования финансовых ресурсов, координации их потоков, обеспечения необходимого уровня финансовой безопасности на основе непрерывного учета изменений факторов внешней и внутренней среды [3].
	А.К. Виткомир	Под финансовой стратегией компании следует понимать пути и способы достижения долгосрочных финансовых целей организации в изменяющихся условиях внешней среды [4].
	Е.Ю. Клюева, А.В. Ерохин	Финансовая стратегия представляет собой определение долгосрочных целей деятельности организации и выбор наиболее эффективных способов и путей их достижения [5].
	А.Г. Каратуев	Финансовая стратегия – это целевая функция финансовой политики, направленная на привлечение и эффективное размещение финансовых ресурсов хозяйствующего субъекта, определение форм, методов и направлений их последующего использования, организационно-финансовой работы с контрагентами, клиентами и государством, осуществление аналитическо-контрольной и других функций финансового менеджмента, а также совокупность долговременных целей финансового менеджмента [6].
Один из важнейших видов функциональной стратегии предприятия, направленный на достижение долгосрочных финансовых целей	Л.А. Мочалова, О.М. Князева	Финансовая стратегия – это один из важнейших видов функциональных стратегий, это система действий по достижению поставленных долгосрочных целей финансовой деятельности, на основе которой детально прорабатывается политика привлечения и использования финансовых ресурсов корпорации [7].
	И.А. Бланк	Финансовая стратегия представляет собой один из важнейших видов функциональной стратегии предприятия, обеспечивающей все основные направления развития его финансовой деятельности и финансовых отношений путем формирования долгосрочных финансовых целей, выбора наиболее эффективных путей их достижения, адекватной корректировки направлений формирования и использования финансовых ресурсов при изменении условий внешней среды [8].

Исходя из приведенной классификации, наиболее

емким определением, представляющим финансовую стратегию предприятия как один из важнейших видов функциональной стратегии, направленный на достижение долгосрочных финансовых целей, является сформулированное И.А. Бланком: «Финансовая стратегия представляет собой один из важнейших видов функциональной стратегии предприятия, обеспечивающей все основные направления развития его финансовой деятельности и финансовых отношений путем формирования долгосрочных финансовых целей, выбора наиболее эффективных путей их достижения, адекватной корректировки направлений формирования и использования финансовых ресурсов при изменении условий внешней среды».

Данное определение помимо отнесения финансовой стратегии к разновидностям функциональной стратегии, показывает ее приоритетную роль, взаимосвязь с долгосрочными финансовыми целями предприятия, эффективную работу по их достижению и разработку альтернативных решений использования финансовых ресурсов в случае сильных изменений условий внешней среды.

Согласно исследованиям А.В. Степаненко, процесс формирования финансовой стратегии складывается на основе разработки системы управленческих решений, позволяющей предприятию двигаться в направлении развития. Данный процесс складывается из следующих основных этапов:

1. Выявление периода формирования финансовой стратегии предприятия [9]. Для определения периода формирования финансовой стратегии нужно учесть следующие условия: временной интервал действия выбранной стратегии, динамику рынков, с которыми взаимодействует предприятие, динамику отрасли, общеэкономическое состояние страны и т.п.

2. Изучение воздействия внешних факторов на деятельность предприятия. В процессе изучения определяются экономические и правовые аспекты финансовой деятельности предприятия. На этом этапе изучается государственная политика в области налогообложения, инноваций и инвестиций, составляется прогноз экономического развития страны, прогнозируется изменение макроэкономических показателей.

3. Изучение воздействия внутренних факторов предприятия. В процессе изучения исследуется финансовая политика предприятия, некоторые особенности его финансовой деятельности, взаимодействие с клиентами и поставщиками, управление рисками, дается оценка общему финансовому состоянию. В итоге отмечаются сильные стороны предприятия, определяется потенциал сотрудников, инновационный потенциал и состояние информационной базы предприятия.

4. Определение нынешней стратегической финансовой ситуации предприятия. На данном этапе исследуется способность предприятия к продолжению развития, оценивается компетентность менеджмента, уровень профессиональной подготовки работников. Анализируется нацеленность персонала на реализацию стратегии, их понимание динамики внешней финансовой среды. Изучается методика осуществления финансового анализа на предприятии, а также методы планирования и контроля его деятельности.

5. Определение стратегических финансовых целей предприятия. На данном этапе разрабатываются стратегические цели, с помощью которых предприятие должно достичь предпочтительного рыночного положения. Необходимо выделить те направления финансового развития, где максимально полно используются сильные стороны и возможности предприятия и максимально снижено влияние угроз со стороны внешней среды. На этом этапе выбирается стратегия, способная обеспечить создание необходимого объема финансовых ресурсов, допустимый уровень рисков в результате деятельности предприятия, грамотную инновационную и инвестиционную политику.

6. Моделирование финансовой деятельности и создание целевых стратегических нормативов предприятия. Для разработанных на предыдущем этапе стратегических финансовых целей предприятия должны быть составлены нормативы. Для этого выбирается моделирование финансовой деятельности, с помощью которого анализируется совместимость показателей, взаимосвязь их уровней, уточняется вероятность достижения целей предприятия. На данном этапе выбирается самая подходящая финансовая стратегия, способная привести к достижению стратегических целей.

7. Создание долгосрочного финансового плана хозяйственной деятельности предприятия. Таким планом является отчет о прибылях и убытках, прогнозируемый бухгалтерский баланс и отчет о движении денежных средств. Финансовый план разрабатывается на основе данных, полученных на предшествующих этапах, позволяет дать оценку финансовому положению предприятия в результате достижения стратегических целей.

8. Экономический анализ выбранной финансовой стратегии. Для экономического анализа используются разработанный на стратегический период отчет о прибылях и убытках, бухгалтерский баланс и отчет о движении денежных средств. Анализ дает возможность обнаружить тенденции спада на предприятии, рассчитать финансовые риски и резервы ля повышения конкурентоспособности в будущем.

9. Создание условий осуществления финансовой стратегии. В ходе создания и реализации финансовой стратегии зачастую исследуются альтернативные решения, способные оказать содействие основной финансовой стратегии в случае изменения внешнего финансового окружения. Эти решения являются системой мер, применяемых по рискованным направлениям.

10. Контроль осуществления финансовой стратегии. Контроль происходит в соответствии с целевыми стратегическими нормативами предприятия и может происходить с использованием системы сбалансированных показателей, ключевых показателей эффективности и др.

Финансовая стратегия должна быть выбрана в соответствии со специфическими особенностями предприятия, поэтому очень важно учитывать его направления деятельности. К ним относится производственная деятельность, которая заключается в изготовлении продукции, оказании услуг, выведении нового товара на рынок, удовлетворяющего потребности покупателей; обеспечение производства материально-техническими ценностями – сырьем, материалами, комплектующими, всеми видами энергии; коммерческая деятельность – усилия по сбыту произведенной продукции, продвижению услуг. Также немаловажными направлениями являются маркетинговая деятельность – изучение конъюнктуры рынка, поведения основных конкурентов; инновационная деятельность – научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки, внедрение ноу-хау. Помимо вышеперечисленных, важную роль играют экономическая деятельность (планирование, ценообразование, анализ хозяйственной деятельности предприятия, организация и оплата труда, бухгалтерский учет, аудит), социальная деятельность (поддержание нормальных условий труда, обеспечение социальных гарантий, содержание необходимых образований – столовой, медицинского пункта, комнат отдыха персонала) и послепродажный сервис (гарантийное обслуживание, консультирование, обеспечение запасными частями и т.п.) [10, с.48; 11; 12].

Таким образом, финансовая стратегия должна быть согласована со всеми направлениями деятельности предприятия и образовывать с ними единых механизм, направленный на достижение стратегических целей предприятия. Формирование эффективной финансовой стратегии дает возможность предприятию снижать отрицательное воздействие внешней среды на хозяйственную деятельность предприятия, сформировать взаимосвязь стратегического, тактического и оперативного

управления хозяйственной деятельностью предприятия, позволяет эффективно управлять финансовыми ресурсами, использовать инновационный потенциал, инвестиционные возможности и находить преимущества и недостатки в финансовой деятельности предприятия, сравнивать положение предприятия с конкурентами. Выбор финансовой стратегии предприятия является приоритетной задачей и актуальной проблемой, связанной с важностью принятия грамотных управленческих решений [13, с.186; 14].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Щесняк К.Е. Принципы формирования финансовой стратегии предприятия // Проблемы современной экономики. 2011. №1. С. 21.
2. Прокофьева Е.В. Финансовая стратегия субъектов малого предпринимательства : автореф. дис. … канд. экон. наук : защищена 05.03.2012 / Е.В. Прокофьева. – М.: Изд-во РГТЭУ, 2012. – С. 10.
3. Оводков Д.А. Финансовая стратегия предприятия и механизм ее разработки: Монография [Текст] / В.В. Гаврилов, Д.А. Оводков. Воронеж: Институт ИТОУР, 2008.
4. Вилькомир А.К. Принципы и методы финансовой стратегии предприятий в условиях экономического кризиса // Аудит и финансовый анализ. 2011. №3. С. 28.
5. Клюева Е.Ю., Ерохин А.В. Финансовая стратегия предприятия в период экономической нестабильности / Е.Ю. Клюева, А.В. Ерохин // Системное управление. – 2010. - №4. – С.3.
6. Каратуев А.Г. Финансовый менеджмент: Учебно-справочное пособие. – М.: ИД ФБК-Пресс, 2010. – 496 с.
7. Князева О.М. Методический подход к разработке финансовой стратегии корпорации : автореф. дис. … канд. экон. наук : защищена 24.06.2010 / Л.А. Мочалова, О. М. Князева. – Новосибирск: Изд-во НГУЭУ, 2010. – С. 9.
8. Бланк И.А. Финансовый менеджмент / И.А. Бланк. – К.: Эльга, Ника-Центр, 2009. - 656 с.
9. Степаненко А.В. Теоретические аспекты разработки финансовой стратегии предприятия // Успехи современного естествознания. 2010. №4. С. 95.
10. Курилов К.Ю., Третьяк А.Г. Эмиссия акций как инструмент финансирования развития предприятий дилерской сети российских автопроизводителей // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2012. № 1[25]. С. 47-54.
11. Курилов К.Ю. Повышение рыночной капитализации как цель финансовой стратегии коммерческого предприятия // Карельский научный журнал. 2012. № 1. С. 11-15.
12. Сидорова А.К. Понятие, сущность и факторы, влияющие на возникновение экономических рисков // Карельский научный журнал. 2012. № 1. С. 30-32.
13. Аюпов А.А., Курилов К.Ю., Курилова А.А. Определение инструментов управления компанией, в зависимости от конкретной фазы долгосрочного экономического цикла // Вектор науки ТГУ. 2011. № 1. С. 185-191.
14. Курилов К.Ю., Курилова А.А. Система анализа деятельности предприятия с учетом влияния цикличности // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2012. № 1. С. 34-36.

CONCEPT OF FINANCIAL MANAGEMENT AND STAGES OF ITS FORMATION

© 2012

E.V. Latanova, student
A.A. Kurilova, doctor of economic sciences, professor of the department "Finance and credit"
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: In the article the relevance of the concept of financial strategy, describes the factors that influence the activity of the enterprise. Provides classification definitions of a financial strategy, chosen the most complete definition. The following describes the stages formation of financial strategies and substantiates the necessity choosing an effective financial strategy in accordance with the specifics of the enterprise.

Keywords: financial strategy, determining of the financial strategy, formation of the financial strategy, financial activities, choice of the financial strategy.

УДК 373.3/.5.016

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ГИТАРНЫЕ ЦЕНТРЫ XX В.: КЛАССИЧЕСКАЯ ГИТАРА В СОВЕТСКОЙ И РОССИЙСКОЙ СИСТЕМАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

© 2012

Н.Г. Мавродиева, аспирант кафедры «Народных инструментов»
Санкт-Петербургский государственный университет Культуры и Искусства им. Крупской (СПбГУКИ), Санкт-Петербург (Россия)

Аннотация: В истории развития музыкальной педагогике по классу гитара определение методов и форм организации музыкального воспитания имеет субъективно произвольный характер. Проблема методов и организационных форм воспитания является одной из важнейших проблем теории и методики организации воспитания учащейся по классу гитара.

Ключевые слова: гитарный центр; музыкальное образование; музыкальные школы; класс гитары; гитарная исполнительская школа.

В истории развития музыкальной педагогике по классу гитара определение методов и форм организации музыкального воспитания имеет субъективно произвольный характер. Проблема методов и организационных форм воспитания является одной из важнейших проблем теории и методики организации воспитания учащейся по классу гитара. Следует акцентировать свое внимание на отдельных методах различных школ гитарного искусства.

Уральский музыкальный колледж, при Уральской государственной консерватории им. Мусоргского М.П. (Г. Екатеринбург). Свердловский Мужской Хоровой Колледж (г. Екатеринбург), Свердловский Областной музыкально-эстетический педагогический колледж (г. Екатеринбург), Магнитогорский музыкальный колледж им. М. И. Глинки (г. Магнитогорск), Березниковское музыкальное училище (г. Березники, Пермский край), Пермский музыкальный колледж (Государственное бюджетное образовательное учреждение среднего профессионального образования «Пермский музыкальный колледж»); Чайковское музыкальное училище (г Чайковский, Пермская обл.), Курганский областной музыкальный колледж им. Д. Д. Шостаковича (г. Курган), Орский Колледж Искусств (г. Орск, Оренбургская обл.)

Урал стал одним из крупнейших гитарных центров страны. Уральская государственная консерватория

им. М.П.Мусоргского стала творческим и научно-методическим центром региона. В 1963г. здесь была создана кафедра народных инструментов с классом гитары.

Консерватория обеспечила профессиональными кадрами учебные заведения всех трех ступеней музыкального образования в Свердловске (Екатеринбурге, Перми, Челябинске, Кургане, Тюмени и др. городах. Класс гитары был в Челябинском государственном институте музыки им. П. И. Чайковского с отделением струнных инструментов.

Среднее звено музыкального образования Урала представляли Свердловское музыкальное училище им . П. И. Чайковского с отделением - инструменты народного оркестра (аккордеон, баян, гусли, домра, балалайка, гитара), Тюменское музыкальное училище с отделением народных инструментов и др.

В конце 50-60-хгг. расширилась сеть учебных заведений, программами которых предусматривалось музыкальное образование: институты культуры (Челябинск, Пермь), музыкальные, музыкально-педагогические и культурно-просветительные училища, музыкальные факультеты при пединститутах и педучилищах, детские школы искусств.

Уральский музыкальный колледж. Струнный отдел музыкальной школы-десятилетки был создан одновременно с открытием школы в 1943 году. Во многом открытие школы было связано с эвакуацией на Урал профессора П.С.Столярского, основавшего первую из таких школ в Одессе.

За все время существования десятилетки педагогами отдела поддерживались тесные контакты с кафедрой Уральской государственной консерватории. Неизменное присутствие профессоров консерватории в стенах школы и их участие в воспитательном процессе юных музыкантов, обеспечило принцип непрерывного образования учащихся. В разные годы на отделе работали Паверман М.И., Шварц Н.А., Мирчин Л.М., Ауздайчер М.И., Цомык Г.Д., Гашинский С.И., Мильштейн В.П., Петухов Д. и другие.

На протяжении многих лет работа отдела струнных инструментов связана с Московской государственной консерваторией им.П.И.Чайковского, результатом чего являются ежегодные поступления выпускников в столичный ВУЗ. Опытные педагоги отдела струнных инструментов осуществляют методическое руководство в ДМШ города и области.

Д. Д. Кочнев был первым гитаристом Свердловского музыкального училища имени П.И. Чайковского. Выпускниками этого училища были гитарист-исполнитель Ю.К. Чесноков, гитарист-педагог В.М. Дерун, гитарист-педагог, обладающий собственной методикой подготовки исполнителей Ю. Чесноков. Яблоков М. С., исполнитель и педагог, написавший «Биографический музыкально-литературный словарь-справочник русских и советских деятелей гитары «Классическая гитара в России и СССР» и «Мастера гитары» вел большую просветительскую работу, которая популяризировала гитарное искусство. Выпускниками разных лет В. Деруна были А. Фраучи, В. Терво, А. Виницкий (Москва), В. Козлов, Ш. Мухатдинов, В. Шувалов, В. Штыхван (Челябинск), М. Яблоков (Тюмень), Ю. Зюзин (Самара), В. Осипов, М. Белоглазов (Екатеринбург) и многие другие.

Класс гитары в Уральской консерватории вел А. В. Минеев - ученик по классу гитары профессора М.М. Гелиса. Учениками А. В. Минаева были: В. М. Дерун, Н.А.Комолятов, Н.А.Иванова-Крамская, Е.Баев и др.

В Челябинском музыкальном училище им. П.И. Чайковского класс гитары открылся в 1977 году, преподавал его В. В. Медведев (закончил Уральскую Государственную Консерваторию им. М. Мусоргского).

Музыкант-педагог В.М. Дерун, выпускниками которого были А. Фраучи, В. Терво, А. Виницкий (Москва), В. Козлов, Ш. Мухатдинов, В. Шувалов, В. Штыхван (Челябинск), М. Яблоков (Тюмень), Ю. Зюзин (Самара), В. Осипов, М. Белоглазов (Екатеринбург) и многие другие.

Яблоков М. С. -автор исследования « «Духовная жизнь Тобольской губернии в конце XIX – начале XX века», Биографического музыкально-литературного словаря-справочника русских и советских деятелей гитары «Классическая гитара в России и СССР».

В. Ковба автор методики преподавания игры на классической гитаре [2]. Его «Вопросы методики преподавания игры на классической гитаре» освещает принципы обучения, изложенные Эмилио Пухолем (1933) в его «Школе игры на шестиструнной гитаре» (М., 1986). Эта методика сформирована на основе принципов преподавания педагога Пухоля — Франсиско Тарреги [3].

Композиторы Урала пополнили репертуар классической гитары. Было издано несколько нотных сборников «Уральская коллекция», где собраны лучшие произведения уральских композиторов для гитары [4], например, Д.Милованов - автор пьес «Ностальгия» и «Экспромт» для гитары соло; О. Киселёв – гитарист, педагог и композитор, выпустивший два нотных сборника; Е. Поплянова автор музыка для гитары: Соната для гитары соло; «Адажио для Антонио Вивальди» для флейты, гитары и камерного оркестра; триптих для гитарного трио «Милонга. Танго. Румба.»; две прелюдии для флейты и гитары; детский альбом Юного гитариста; «Мелодии старого дилижанса»; книга о гитаре для начинающих музыкантов «Ветер играющий на струнах»; концерт для гитары и камерного оркестра [9].

На Урале сложилась своя гитарная исполнительская школа, как отдельных исполнителей, так и коллективов.

Ансамбль классических гитаристов «Трио гитаристов Урала»: В.Козлов, В. Ковба и Ш. Мухатдинов является инициатором и организатором международного фестиваля «Классическая гитара на Урале». Специально для «Трио гитаристов Урала» пишут свои произведения С. Ильин, Д. Довгопол, Е. Поплянова (Россия), Паоло Белинатти (Бразилия), Атанас Уркузунов (Болгария), Веза Пельки (Финляндия) и другие. В исполнении трио звучат произведения А. Вивальди - Концерт A-dur; К. Монтеверди - Три мадригала; Де Калль - Трио «Домажор» ор.26 в 4-х частях; Ф. Граньяни - Трио «Ремажор» ор.12 в 3-х частях; Р. Телеманн - Трио «Соль мажор» в трех частях; Ж. Бизе - Сюита из оперы «Кармен» в трех частях; Я. Сибелиус - «Грустный вальс»; П. Чайковский - Сюита из балета «Щелкунчик», Д. Довгапол - «Послеполуденный танец королевского хомячка»; П. Белинатти - Бразилиана; В. Козлов - Буффонада, Былина и праздник; А. Рябчиков - Башкирские эскизы; Е. Поплянова - Милонга, танго и румба; Н. Малыгин - «Не уезжай ты, мой голубчик»; С. Ильин - Июльские фрески в трех частях по картинам Пиросмани и др.

Ансамблевую игру музыканты Трио не ограничивали только своим коллективом. В. Козлов играл с флейтистом А. Абдурахмановым, музицировал с исполнителем на домре Т. Вольской, с балалаечником А. Быковым и другими. В. Ковба творчески сотрудничал с певицей И. Галеевой. Музыканты выступали в таких дуэтах, как гитара и скрипичный альт (Ш. Мухатдинов, Н. Татаринская)и др.

Самарское музыкальное училище им. Д. Г. Шаталова (г. Самара), Чебоксарское музыкальное училище им. Ф. П. Павлова (г. Чебоксары), Саратовский областной колледж искусств (г. Саратов), Саратовский областной колледж культуры им. Е. Н. Курганова (г. Саратов), Балашовское музыкальное училище (техникум) (г. Балашов, саратовская обл.), Дзержинский музыкальный колледж (г. Дзержинск, Нижегородская область.), Нижегородский музыкальный колледж им. Балакирева (г Нижний Новгород), Казанское музыкальное училище (колледж) им. И. В. Аухадеева (г. Казань), Уфимское училище искусств (г. Уфа), Димитровградское музыкальное училище (г. Димитровград, Ульяновская

область) и др.

Развитие классической гитары в Воронеже тесно связано с именем Ю. В. Воронцова, который вел класс гитары в Воронежском государственном институте искусств.

Ю.В. Воронцов написал немало произведений для гитары, издал сборник, в который вошли пьесы собственного сочинения, переложения, обработки. Им был написан цикл романсов на стихи А. Кольцова, И. Никитина, С. Есенина, Р. Рождественского, В. Кубанева, Г. Луткова, А. Голубева, М. Шишлянникова и др., пьес для различных народных инструментов. Его книга «Музыкальная жизнь дореволюционного Воронежа» (1994), содержащую много интересных и ранее неизвестных фактов

Среди учеников Ю. В. Воронцова: Л. М. Конский, С. Н. Корденко, Л. В. Карпов и др.

Л.М. Конский подготовил учебно-методическое пособие для ДШИ и музыкальных училищ, где отражен многолетний педагогический опыт [5].

В конце 70-х в Воронежской области построили Бобровскую фабрику музыкальных инструментов с мощностью чуть не 100000 гитар в месяц.

С 1992г. в Воронеже проходит Международный конкурс «Гитара в России».

Выпускники Нижегородской государственной консерватории им. М. И. Глинки внесли свой вклад в развитие классического гитарного искусства, например, педагоги В. Н. Митяков, А. А. Петропавловский и др.

Митяков В. Н.- музыкант, педагог, композитор. В. Митяков занимается композицией, вышел сборник его пьес для гитары. Некоторые композиторы пишут специально для Владимира Митякова. Например, москвич Г.Джапаридзе (сюита «Интервалы»), нижегородец А. Зеленский и другие. Часто выступает в дуэте с гитаристкой И. Черногоровой. В программе выступлений дуэта произведения А. Пьяццоллы, Ж. Бизе, М. де Фальи, Й. Мертца, Кватромано, С. Руднева. В репертуаре гитаристов: музыка Барокко — И. С. Бах, Д. Скарлатти, Ж. Б. Рамо; музыка XIX века — Дж. Россини, Ж. Бизе, Н. Паганини, Й. Мертц, испанские композиторы — М. де Фалья, И. Альбенис, Э. Гранадос, Х. Родриго, Ф. Таррега, аргентинского композитора Астора Пьяццоллы, бразильских композиторов Э. Вилла-Лобоса и П. Беллинатти и др. [7].

А. А. Петропавловский гитарист, музыкальный педагог, ведет концертную деятельность как соло, так и в ансамбле с О. Петропавловской (фортепиано) и Р. Мамедкулиевым (гитара). Петропавловский А. А. - автор научных статей и методических работ, например, «Гитара в камерном ансамбле», «Музыкально-выразительные возможности гитары в камерном ансамбле». «Диалектика гитарного дуэта», «Некоторые особенности гитарного дуэта», «Начальное обучение в классе гитары в ДМШ»; «Гитара в камерном ансамбле: учебно-методическое пособие для студентов музыкальных вузов.

Митяков В. Н - организатор международного фестиваля и конкурса имени А. К. Фраучи; А. Петропавловский - организатор областного детского фестиваля-конкурса «Гитарный калейдоскоп» (г. Дзержинск Новгородской области) [8].

Мамедкулиев Р.- классический гитарист, лауреат всероссийских и международных конкурсов, преподаёт на кафедре народных инструментов НГК им. М. И. Глинки В репертуаре музыканта произведения от Баха до сочинений современных композиторов, собственные переложения произведений, написанных для других музыкальных инструментов. Для Р. Мамедкулиева был специально написан ряд произведений современными композиторами, в том числе Концерт №3 «Антони» для гитары с симфоническим оркестром Ф. Лемэгра, «Famalicao» для гитары с камерным оркестром Е Е. Лебедевой и др. Помимо сольных выступлений Р. Мамедкулиев с 2004 года играет в дуэте с А. А. Петропавловским. Дуэтом Петропавловский – Мамедкулиев осуществлена запись на компакт-диск концертной программы «Avenida» с произведениями Луи Клода Дакена, Доменико Скарлатти, Энрике Гранадоса, Астора Пьяццоллы и Массимо Диего Пухоля [6].

В Оренбурге открыты две детские музыкальные школы — № 2 и № 3, создан Государственный русский народный хор, учреждено областное отделение Всероссийского хорового общества (в 1988 году переименовано в Музыкальное общество), сформирована композиторская группа (Г. Генделев, А. Цибизов, В. Лебедев). Приглашаются к сотрудничеству композиторы (Г. Пономаренко, В. Лаптев, А. Цибизов), создается соответствующий песенный репертуар.

В 1964 году в Оренбурге по решению местных властей и Министерства просвещения РСФСР образовано музыкально-педагогическое училище. В апреле 1997 года в Оренбурге открылся Государственный институт искусств, а училище стало музыкальным колледжем, вошедшим в структуру образованного вуза вместе с музыкальной школой. Так, в конце века в Оренбуржье завершилось формирование трёхуровневой системы музыкального образования (школа — колледж — вуз), призванной кардинально изменить ситуацию с подготовкой высокопрофессиональных музыкальных кадров в регионе [10].

Свой вклад в развитие классического гитарного искусства внесли выпускники Казанской государственной консерватории (академия) им. Н. Г. Жиганова. Профессиональных исполнителей классической гитары в консерватории готовили на кафедре народных инструментов.

Харисов В. В. - композитор и гитарист (г.Казань), совместно с Д. Бикчентаевым написал и выпустил самоучитель «Гитара для всех».

Харисов первым сделал обработки татарского фольклора для классической гитары. Среди сочинений В. Харисова: Симфония для оркестра, Поэма для оркестра и народных инструментов, Концерт для фортепьяно с оркестром, Концерт-поэма для фагота и струнных инструментов, инструментальные и вокальные произведения, музыка для театра и кино.

Некоторые произведения Виталия Харисова — Сонатина для гитары, Маленькая сюита для 4-х гитар, Четыре прелюдии для гитары, Концерт-симфония для флейты, гитары и струнных инструментов — изданы итальянским издательством VP MusicMedia.

На казанской студии «Сибирский тракт» были записаны и изданы три альбома с музыкой В. Харисова: «Моя улица» (1989, на стихи известных русских и зарубежных поэтов), «И ночь, и день» (август 1992, песни на стихи А. Блока, Б. Пастернака, М. Цветаевой, Н. Гумилева, А. Ахматовой и др.), «Баллады бродячего трувэра» (записи 1989-1998 гг., песни на стихи Р. Бернса, В. Шекспира и др.).

Бикчентаев Д. А. пишет песни на стихи Ю.Мориц, А.Вознесенского, Н.Тряпкина, М.Цветаевой, Г.Шпаликова, Б. Вахнюка, Б. Камянова, И. Доминича и других поэтов.

Нагорнов М. М. - гитарист, педагог, преподаватель кафедры народных инструментов. В Казанской консерватории преподаёт с 2010 г. Ведёт класс гитары. Ведёт активную концертную деятельность, выступая с сольными программами и в качестве солиста с творческими коллективами. Брал мастер-классы у Н. Комолятова (Россия), В. Доценко (Украина), Ф. Виллы (Франция), З. Дукича (Хорватия), Д. Павловича (Венгрия).

Бегутов А. выступал с сольными программами в концертных залах Астрахани, Кисловодска, Махачкалы, Вологды, Самары, Тамбова, Москвы ; гастролировал в Финляндии, Бельгии, на Украине. автор и руководитель нескольких крупных проектов: «Гитарный абоне-

мент», Международный фестиваль «Классическая гитара в XXI веке", Международный конкурс им. М. Т. Высотского(Казань).

В 60-е годы их количество музыкальных школ увеличилось по сравнению с 1945 г. в десять раз. Это потребовало пересмотра существующих принципов работы школы, совершенствования методов, некоторого изменения содержания обучения в них.

Новосибирский музыкальный колледж им. А. Ф. Мурова (г. Новосибирск), Иркутский музыкальный колледж (г. Иркутск), Томский музыкальный колледж им. Э. В. Денисова (г. Томск), Омское музыкальное училище (колледж) имени В.Я. Шебалина (г. Омск), Алтайский государственный музыкальный колледж (г. Барнаул), Кемеровский музыкальный колледж (г. Кемерово), Бийский государственный музыкальный колледж (г. Бийск, Алтайский край) и др.

После войны открылись Хабаровская и Уссурийская культпросветшколы, восстановило свою работу Хабаровское музыкальное училище, в этих учебных заведениях велось преподавание на народных инструментах, сложилась база для становления музыкально-педагогической и исполнительской деятельности.

На Алтае одним из первых музыкантов-педагогов, поддержавших гитаристов в их стремлении учиться на профессиональной основе, был преподаватель Барнаульского музыкального училища Г.А. Иванов. В 1982 году в Алтайском государственном институте культуры на кафедре оркестрового дирижирования и народных инструментов был открыт класс гитары (преподаватель В.Г. Полянцев) [1].

Полянцевым В. Г. написаны учебно-методические пособия «Методы совершенствования музыкально-исполнительской техники гитариста», «Искусство игры на гитаре», сборник партитур для ансамблей народных инструментов.

В Новосибирске гитара начинает развиваться с открытием класса гитары в музыкальном училище в 1969 г. с приходом А.К.Орлова (композитор, гитарист-солист инструменталист, исполнитель старинных романсов, собственных сочинений, написанных на стихи поэтов: Л.Мей, И.Мятлев, А.Блок, С.Есенин, Р.Гамзатов, А.Метелица и др. А.К.Орлов является инициатором Сибирского фестиваля гитарной музыки в Новосибирске, в котором участвовало боле 100 гитаристов, среди которых Ю.П. Кузин, А. Бурханов, М. Гольдорт, Н.Лебедева, В.Горбач и др.

Кузин Ю. П., преподаватель отделения народных инструментов Новосибирского музыкального колледжа имени А.Ф.Мурова, заслуженный работник культуры организует и проводит Международный фестиваль-конкурс «Классическая гитара» для учащихся детских музыкальных школ и школ искусств, студентов средних и высших учебных заведений культуры и искусства. В программе Международного фестиваля-конкурса: конкурсные выступления участников, концерты ведущих отечественных и зарубежных гитарных исполнителей и ансамблей, мастер-классы и дискуссии по вопросам методики и современного состояния обучения игре на гитаре. Задачи Фестиваля-конкурса: популяризация современного исполнительства на классической гитаре, знакомство музыкальной общественности с традиционным и современным репертуаром, выдающимися отечественными и зарубежными исполнителями, достижениями современных гитарных школ; выявление одаренных и талантливых молодых исполнителей на классической гитаре; обмен опытом организации методики обучения игре на классической гитаре и современными достижениями гитарного исполнительского искусства; укрепление международных и общероссийских связей, направленных на развитие и совершенствование гитарного исполнительского искусства (методика обучения, репертуар, организация гитарных фестивалей, конкурсов и т.д.).

Ю. П. Кузин - автор книги «Азбука гитариста»-авторской методики начального обучения игре на гитаре.

С конца 50-х гг. началось формирование системы музыкального образования и на Дальнем Востоке. Открывались музыкальные училища в г. Владивостоке (1957), Благовещенске (1960) с отделениями народных инструментов, в задачу которых входила подготовка музыкантов-педагогов для детских музыкальных школ.

В краевых филармониях появились первые профессиональные инструментальные ансамбли, солисты-инструменталисты. Активизация музыкальной жизни в регионе, которая была вызвана открытием музыкальных училищ, способствовала притоку на Дальний Восток значительного числа творческой интеллигенции.

Функционирование средних музыкальных учебных заведений, приток в регион выпускников центральных консерваторий – подготовили почву для открытия высшего учебного заведения. В 1962 г. во Владивостоке начал работу Дальневосточный педагогический институт искусств, где кафедра народных инструментов открылась несколько позже (1965) ввиду отсутствия специалистов.

Астраханский музыкальный колледж им. П. И. Чайковского, Волгоградский муниципальный институт искусств им П. А. Серебрякова, Краснодарский музыкальный колледж им. Н. А. Римского-Корсакова, Краснодарский государственный университет культуры и искусств, Ставропольский краевой музыкальный колледж им В.И. Сафонова, Сочинский колледж искусств, Таганрогское музыкальное училище.

Ростов-на-Дону, Волгоград, Краснодар, Астрахань, Ставрополь, Сочи, Махачкала, Владикавказ, Таганрог, Волжский, Нальчик.

У истоков Сочинского училища искусств стояли Ю. П. Агафонов, В. И. Абрашкин, Н. Л. Холианская, Ю. М. Казаков, И. М. Маевский и др.

Таганрогское государственное музыкальное училище, открытое в 1960г., возглавил Б. Ф. Роганов, выпускник Российской академии музыки имени Гнесиных, Заслуженный работник культуры России.

Первый набор проводился на специальности: фортепиано, струнные инструменты, духовые и ударные инструменты, народные инструменты, теория музыки, хоровое дирижирование, вокал и составил 45 человек.

Становление училища связано с именами первых преподавателей – Т.А. Литвиновой, В.З. Логиновым, Н.Х. Альпер, Л.В. Садетовой, Б.Я. Садетовым, И.Д. Сапко, И.Л. Горбенко, Е.Л. Белой, В.О. Давидян, М.М. Венгеровской, И.Г. Торопов, В.И. Данильченко, Г.К. Вербицкий.

К середине 60-х годов коллектив преподавателей пополнился выпускниками Московской, Киевской, Горьковской и Бакинской консерваторий: В.А. Анин, Л.А. Холоденко, И.И. Малиновская, Л.Г. Крыштановская, В.П. Торская, М.М. Кузнецов, К.В. Волков, А.П. Шведин, О.И. Гировская, О.П. Колесниченко, Н.С. Синельникова, Н.Н. Гродзская, Ю.И. Красноперов, И.С. Малинко, В.Н. Блохин, В.Д. Малеев, А.А. Чернышев, В. Ковалева, Л.А. Венеровский, О.А. Демидина, Н.П. Сурков, Л.А. Билинская, А.Т. Сухоруков, Т.В. Чебанов.

С первых лет существования училища большое внимание уделялось развитию творческих коллективов, например, существовал оркестр народных инструментов (дирижер К.В. Волков).

С 1988 по 1994 годы училищем руководил Г. В. Галицкий. В 1988 году открылась новая специализация «Руководитель народного хора». В 2007 году училище переименовано в «Таганрогский музыкальный колледж». От 60 до 85% выпускников ежегодно поступают в высшие учебные заведения, в том числе Московскую государственную консерваторию им. П.И. Чайковского, Российскую Академию Музыки имени Гнесиных, Санкт-Петербургскую, Ростовскую, Саратовскую, Астраханскую, Киевскую, Донецкую, Дрезденскую

консерватории, Высшую школу музыки и искусства в г. Франкфурт на Майне.

В 1961 году в Ростове-на-Дону в культпросветучилище открылось оркестровое отделение как специализация; были разработаны четырехгодичные программы обучения, практически не уступавшие по сложности соответствующим дисциплинам в музыкальных училищах. Наборы на указанные отделения достигали 300 человек. Педагогический коллектив Ростовского музыкального училища (далее РМУ) в послевоенные годы представляли: И. Шнейдер, В. Гладких, И. Лещенко, Г. Галкин, А. Крахоткина.

С открытием отделений народных инструментов в Таганрогском и Шахтинском муз.училищах, целом ряде музыкальных школ Ростовской области, появлением аналогичных специализаций на уровне музыкально-педагогического факультета в Таганрогском пединституте окончательно сложился комплекс необходимых и достаточных условий для формирования преемственной системы профессионального народно-инструментального образования «школа – училище – вуз» на Дону.

Основание в 1967 году Ростовского музыкально-педагогического института (далее РГМПИ) послужило импульсом к дальнейшему развитию гитарного исполнительства в областном центре и за его пределами. В августе 1967 года был осуществлен первый набор на факультет народных инструментов РГМПИ, по классу гитара. Зав. кафедрой А. Сахаровым намечались следующие направления её деятельности: учебные планы в соответствие с нормами консерваторского образования: академизация репертуарных требований, обеспечение преемственности в обучении музыканта-исполнителя на стадии начальной (ДМШ, ДШИ), средней специальной (училище) и вузовской (институт) подготовки, создание постоянно действующих форм учебно-методической помощи в рамках системы ШУВ.

С середины 60-х годов центр подготовки профессиональных кадров в области донского струнно-щипкового исполнительства переместился в музыкальное училище, где преподавали С. В. Цыганов, В. С. Шевченко, Н. В. Красавин, А. П. Колонтаев, затем первые выпускники РГМПИ В. К. Савченко, С. А. Пчелинцева, а позднее - А. К. Хлобыстин, П. П. Басенко. В дальнейшем определилась ведущая роль Ростовского музыкально-педагогического института, где в ту пору преподавали С. В. Цыганов, А. С. Данилов, В. В. Кривоносов, В. С. Шевченко.

Совершенствованием системы музыкального образования явилось создание Музыкального лицея (1991 г); ныне – Музыкальный колледж при РГК), объединяющего начальную и среднеспециальную ступени профессионального образования; деятельность таких педагогов, как Л. Кривоносов (по его инициативе в 1973 году начал функционировать специальный класс гитары в Ростовском училище искусств), А. Хлобыстин и Ю. Лихачёв и др.

Необходимо отметить, что, несмотря на особенности рассмотренных нами гитарных школ и сложившихся традиций в области гитарного исполнительства и системы образования в этом направлении есть достаточно много актуальных и дискуссионных вопросов которые требуют внимания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Казанцев С.П. Слово о Красноярской гитаре. – Красноярск, 1981

2. Ковба, В. В. Вопросы методики преподавания игры на классической гитаре [Текст] : учеб.-метод. пособие по дисциплине «Методика обучения игре на народных инструментах» для студентов, обучающихся по специальности 050900 Инструм. исполнительство / В. В. Ковба ; Челяб. гос. акад. культуры и искусства, Каф. оркестрового дирижирования. – Челябинск : Челяб. гос. акад. культуры и искусств, 2006. – 50 с. : нот. – Библиогр.: с. 50

3. Ковба, В. В. Вопросы методики преподавания игры на классической гитаре : учеб.-метод. пособие / Челяб. гос. акад. культуры и искусств; В. В. Ковба. — Челябинск, 2006. — 50с

4. Кочеков В. Ф. Становление академического исполнительства на классической шестиструнной гитаре в Челябинской области кандидат педагогических наук, доцент Челябинской Государственной академии культуры и искусств. На сайте Музыка и жизнь. Режим доступа http://www.rusnauka.com/22_PNR_2012/MusicaAndLife/4_115240.doc.htm

5. Конский Лев. Музыканты, композиторы, гитаристы иллюстрированный биографический словарь http://mp3gorod.ru/page11/page355/index.html

6. Мамедкулиев Р. Гитарный портал Кирилла Дудинского.

7. Музыканты, композиторы, гитаристы http://mp3gorod.ru/page13/page437/index.html

8. Петропавловский А.А. Иллюстрированный биографический энциклопедический словарь http://www.abc-guitars.com/pages/petropavlovsky.htm

9. Трио гитаристов Урала. Музыканты, композиторы, гитаристы иллюстрированный биографический словарь http://mp3gorod.ru/page19/page552/index.html

10. Хавторин Б. Оренбург — «всем азиатским странам и землям… ключ и врата». — Оренбург: ИПК «Газпромпечать» ООО «Оренбурггазпромсервис», 2010. — 704 с.

REGIONAL GUITAR CENTERS OF THE TWENTIETH CENTURY: CLASSICAL GUITAR IN THE SOVIET AND RUSSIAN SYSTEMS OF PROFESSIONAL MUSICAL EDUCATION

© 2012

N.G. Mavrodieva, student of the Department of Folk instruments»
Saint-Petersburg state University of Culture and Arts Krupskaya (University), St. Petersburg (Russia)

Annotation: In the history of music pedagogy in the class of guitar definition of methods and forms of organizing musical education is subjectively considered arbitrary. Problem of the methods and organizational forms of education is one of the most important problems of theory and methods of organization of education of students in the class of guitar.

Keywords: guitar center; musical education; musical school; class guitar; guitar performance school.

УДК 378.046.4

ФОРМИРОВАНИЕ УСЛОВИЙ ГОТОВНОСТИ УЧИТЕЛЯ К САМООБРАЗОВАНИЮ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ИННОВАЦИОННО-МАРКЕТИНГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ

© 2012

О.В. Панченко, преподаватель маркетинга
Тольяттинский институт технического творчества и патентоведения, Тольятти (Россия)

Аннотация: профессиональное самообразование учителя общеобразовательной школы является важной характеристикой его профессионализма и помогает успешно осуществлять инновационно-маркетинговую деятельность с учетом интересов всех участников образовательного процесса.

Ключевые слова: готовность, самообразование, мотивация, актуализация, умение, инноватика, обучение, профессионализм, условия, уровень.

Профессиональное самообразование для учителя общеобразовательной школы составляет значимую самостоятельную деятельность, которая является важнейшей характеристикой его профессионализма. Сочетание организованного обучения и самообразования, является одним из условий готовности педагога к осуществлению инновационно-маркетинговой деятельности в общеобразовательной школе.

Самообразование, как и другие формы профессионального обучения (обучение по месту работы, переподготовка, повышение квалификации, стажировка), обеспечивает постоянное профессиональное совершенствование учителя.

Именно целенаправленное образование, являясь психолого-педагогическим процессом, для которого характерно преобразование внешнего во внутреннее, позволяет сделать процесс подготовки результативным, интенсивным, оптимальным. Начало его и залог успеха в превращении внешних целей во внутренние – мотивация и актуализация [6].

Наличие мотивации определяет потребность учителя в осуществлении процесса самообразования, а затем впоследствии внедрения инновационно-маркетинговой деятельности в школе. Это является одним из условий готовности к осуществлению этой деятельности, так как мотив является толчком, внутренней побудительной силой и источником активности личности педагога.

Цель формирования умений профессионального самообразования у учителей состоит в содействии их профессиональному саморазвитию и подготовке к самостоятельному решению проблем возникающих в процессе осуществления инновационно-маркетинговой деятельности в общеобразовательной школе. Умение представляет собой функциональную, приобретенную психолого-физиологическую систему, обеспечивающую осуществление конкретной деятельности на том или ином уровне. Умение также можно представить как совокупность личностных качеств человека, обеспечивающих успешное сознательное достижение им конкретной частной цели деятельности. Умения включаются вместе со знаниями и навыками в подготовленность личности к деятельности [2].

Рассматривая «умение» как одно из свойств личности, имеем в виду высшую стадию развития умений, которая переходит в умелость, и затем, соответственно в готовность.

Умелость – это свойство личности, обладающей умениями. Но существует и такая стадия развития умений, когда они еще не перешли в умелость как свойство личности. Тогда, правильнее бы было при анализе способностей рассматривать качества и особенности человека, выполняющего ту или иную деятельность, а при анализе умений и навыков – качества и особенности деятельности, которую осуществляет человек [2].

В основе процесса формирования умений лежит работа мышления, она носит обобщенный характер и позволяет применять умения в любых изменяющихся условиях, успешно осуществлять процесс самообразования и внедрять инновационно-маркетинговую деятельность в общеобразовательной школе.

Самообразование может осуществляться через изучение специальной литературы и ознакомление с передовым педагогическим опытом других учителей, специализирующихся в области инноватики и маркетинговой деятельности. Отсюда возникает желание перейти от одиночных решений проблем к массово-творческому поиску, от частного поиска к комплексному, от разрозненных усилий к их объединению в оценке и использовании, от закрытости к гласному обмену информацией и взаимовыгодному инициативному сотрудничеству.

Готовность учителя общеобразовательной школы заниматься самообразованием и впоследствии осуществлять инновационно-маркетинговую деятельность, может зависеть от таких факторов, как сила развивающегося инновационного процесса и характера его отношений со средой [1]. С одной стороны – это обоснованность выбора или разработки новшества, его реализация, с другой – заинтересованность в нем всех компонентов учебно-воспитательного процесса: учителей, учащихся и их родителей.

Сказанное позволяет выделить факторы, которые способствуют интенсификации самообразования учителей и осуществлению инновационно-маркетинговой деятельности в школе:

а) творческий потенциал учителей, сюда же можно отнести способности к изменению ценностных ориентаций и конструированию новых образцов личного поведения; разработку новых технологий и обучения инновационно-маркетинговой деятельности участников процесса; организация интенсивного взаимодействия и коммуникации;

б) разработанные комплексные проекты (программы, планы) самообразования, которые включают параметры не только самой инновационно-маркетинговой деятельности, но и среды, на которую она воздействует. Суть этого фактора в том, что любое изменение, новшество должны быть взаимосвязаны и иметь логическое продолжение;

в) консультирование проектов (программ, планов) самообразования и инновационно-маркетинговой деятельности, которые обеспечивают возможность создания альтернативных вариантов, своевременную коррекцию. Роль этих факторов важна, поскольку любое нововведение всегда связано с риском. В условиях школы это не столько экономический, сколько добровольный профессиональный, практический и морально-психологический риск. Отсюда возникает необходимость поиска антипода – гарантий, позволяющих избежать негативных последствий, определить и обосновать условия достижения определенных результатов в ходе самообразования и осуществления инновационно-маркетинговой деятельности и возможность компенсирующих действий в результате неудачи;

г) социально-экономическая среда, которая вступает как гарант инновационно-маркетинговой деятельности с позиций психолого-педагогического, научно-методического и материально-технического ее обеспечения;

д) ролевые позиции участников самообразования и

осуществления инновационно-маркетинговой деятельности. Их можно охарактеризовать как инициативные, содействующие, противодействующие и бездействующие. Вполне понятно, что приоритет тех или других будет сказываться на инновационном потенциале школы в целом, т.е. на способности создавать и реализовывать нововведения, освобождаться от уже утративших свою роль, распространять те новшества, которые значительно влияют на деятельность общеобразовательной школы.

В современных условиях все больший акцент делается на процессе реализации инновационно-маркетинговой деятельности, а также анализе и оценке различных ситуаций в деятельности всех структурных подразделений общеобразовательной школы. Особое внимание уделяется соответствию сформулированных общих целей ценностным ориентациям всех членов школьного коллектива [3-5].

При создании условий для самооценки учителями своего уровня самообразования и осуществления инновационно-маркетинговой деятельности, повышается творческая инициатива всего педагогического коллектива. Педагоги включаются в исследовательскую деятельность, в которой каждый выбирает себе направление и имеет возможность критической оценки своего исследования и полученного результата. С этой целью учителям, для самоанализа, предлагаются разного рода анкеты, проводятся собеседования, консультирование, организовываются обсуждения на научно-практических конференциях, педагогических советах. Все это позволяет создать творческий коллектив, самообразование и инновационно-маркетинговая деятельность которого обеспечивается личной заинтересованностью, интересами общеобразовательной школы и учитывает интересы потребителей этих услуг, а именно детей и их родителей.

Сторонники, появившиеся на самых ранних этапах жизненного цикла нововведения, как правило, знакомы с предметом инновационного процесса. Убеждения и положительные установки развиваются у учителей в результате получения информации в процессе социальных интеракций, чтения аналитических обзоров и т. д. Важное значение имеет наблюдение за поведением других педагогов, поддержка и одобрение с их стороны, достаточная степень творческой свободы в совместной деятельности учеников и учителей, а также грамотное управление со стороны администрации и руководства общеобразовательной школы.

Таким образом, формируется определенный инновационный климат, где учитель чувствует себя свободным, полностью мотивированным, готовым к творческой работе. Его можно создать в результате использования принципов инновационного менеджмента в педагогической деятельности:

- стимулированием чувства ответственности и решимости в достижении намеченной цели;
- внесением полной ясности относительно поставленных перед педагогическим коллективом задач;
- формулированием задачи коллективу и отдельным его членам в полном объеме, объясняя, что они должны делать и к чему стремиться;
- обеспечением условий для творческого труда;
- созданием оптимальных условий для успешного выполнения поставленной задачи;
- поддержанием коллектива при решении возникающих проблем.

Восприимчивость общеобразовательной школы к новым достижениям научно-технической мысли зависит во многом от организационного климата, который в наибольшей степени благоприятствовал бы инициативному поиску нетрадиционных, новаторских решений, самостоятельной подготовкой педагогов и выбору средств и путей их достижения.

Таким образом, можно сделать вывод, что к необходимым условиям готовности учителя к самообразованию и успешному осуществлению инновационно-маркетинговой деятельности в общеобразовательной школе относятся следующие: сочетание организованного обучения и самообучения педагога, наличие у него мотивации, создание благоприятного организационного климата, которые в дальнейшем помогают учителю, обеспечить собственное качественное самообразование и продвижение инновационно-маркетинговой деятельности в общеобразовательной школе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Внутришкольное управление: теория и опыт педагогических и управленческих инноваций / Под ред. Н.В. Горбуновой. – М.: Новая школа, 1995.

2. Крутецкий В.А. Основы педагогической психологии. М.: 1979.

3. Панченко О.В. Сущность понятия «готовность» и уровни готовности учителя к инновационно-маркетинговой деятельности // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2012. № 1. С. 48-50.

4. Панченко О.В., Коновалова Е.Ю. Применение информационных и коммуникационных технологий в подготовке учителя к инновационно-маркетинговой деятельности // Самарский научный вестник. 2012. № 1 (1). С. 32-34.

5. Панченко О.В. Подготовка учителя к управлению инновационно-маркетинговой деятельностью учащихся при помощи использования четырехэтапного обучения // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2012. № 1. С. 61-62.

6. Шингирей Т.А., Шинкаренко В.А. Диагностика умений самообразования у слушателей курсов повышения квалификации педагогических кадров // Педагогический процесс как культурная деятельность: Сборник материалов и тезисов докладов VI международной научно-практической конференции 16-17 октября 2008 г. в 2-х томах. Т.1 / Сост. и ответ. ред. Н.В. Цицилина, Л.Н. Разина – Самара: Изд-во ГОУ СИПКРО, 2008. -500 с.

FORMATION OF READINESS TO TEACHERS AND IMPLEMENTATION OF SELF-EDUCATION INNOVATIVE MARKETING ACTIVITY IN SECONDARY SCHOOLS

© 2012

O.V. Panchenko, lecturer marketinq
Togliatti Institute of Technical Creativity and Patents, Togliatti (Russia)

Annotation: professional self-education of secondary school teachers is an important characteristic of his professionalism and help to successfully implement innovative marketing activities, taking into account the interests of all participants in the educational process.

Keywords: readiness, self-motivation, actualization, skill, Innovations, training, professionalism, conditions, levels.

УДК 81’367:1673

СИСТЕМНОСТЬ КАК ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАМКА ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА ПОВТОРЕНИЙ В ЛИНГВИСТИКЕ

© 2012

З.А. Пахолок, кандидат филологических наук, доцент кафедры
«Филология и методика начального образования»
Восточноевропейский национальный университет им. Леси Украинки, Луцк (Украина)

Аннотация: Объекты окружающей действительности образуют системы, изучение которых привело к возникновению методологического принципа научного познания. Выдвижение на первый план принципа синергизма не перечеркнуло представления о системности окружающей действительности, а указало на сложность структурных отношений в ней. Отражением таких отношений является повторение в материальных и абстрактных системах.

Ключевые слова: системные исследования, синергизм, материальные и абстрактные системы, принцип повторяемости, языковая система.

Материальный мир является целостной и взаимосвязанной системой, находящейся в беспрерывном движении, изменении и развитии, «совокупностью элементов, между которыми существуют общие отношения» [1, с. 20]. При этом каждый человек осознает наличие систем и «достаточно сказать «система Коперника», чтобы в памяти возобновилась история научного переворота, который дал возможность человеку увидеть небесную механику Солнца и Земли в динамике. Периодическая система элементов Менделеева, система высшей нервной деятельности Павлова, система Станиславского…» [2, с. 3–4].

В связи с изучением систем в разных отраслях науки перед учеными возникла проблема определения системы как понятия. Основатель общей теории систем австрийский биолог и философ Людвиг фон Берталанфи понимал под системой взаимодействующий комплекс элементов [3, с. 33]. Такое общее определение повлекло за собой попытки представителей разных наук определить систему с учетом специфики собственного предмета исследования. Необходимо констатировать, что это понятие до сих пор не нашло единой, общепринятой дефиниции. Тем не менее, всемирно известный ученый сыграл огромную роль в становлении и популяризации системного подхода. В 30-е и 70-е гг. XX века он работал в США и Канаде. Плодотворной для системных идей стала его деятельность в Чикагском университете – мировом центре методологии. Однако многие философы, среди них Ю. Сурмин [4, с. 25] и В. Канке [5, с. 30], указали на существенный недостаток Берталанфи в понимании общей теории систем, поскольку исследователь объявил ее такой, которая заменяет философию.

В последнюю четверть XX века вместе с выдающимися успехами системности начали проявляться кризисные процессы, вызванные нововведениями, что повлекло появление общества, которое состояло из беспрерывно изменяющихся систем. Такое общество «нуждалось в принципиальном обновлении системной методологии, что и произошло благодаря формированию И. Пригожиным (лауреат Нобелевской премии 1977 г. в области химии за вклад в термодинамику неравновесных процессов, особенно в теорию диссипативных структур) концепции хаоса и переходных процессов. Дальнейшее развитие идеи системности привело к возникновению концепции синергетики Г. Хагена и принципа синергизма, который сформировался к 80-м годам, когда системность потрясли первые кризисы. Принцип синергизма, или мультипликационный подход, обособился от системного и выдвигается на первый план среди других методологических принципов потому, что научно-техническая революция и социальные преобразования потребовали исследования проблемы эффективности. Благодаря этим открытиям системность оказалась способной объяснить переходные, нестационарные процессы, что и обеспечило преодоление ее кризиса» [4, с. 12].

Исходя из таких посылок, перед автором данной статьи стоит задача: определения основных методологических принципов изучения феномена повторений в лингвистике на современном этапе.

Суть теоретических разработок И. Пригожина, полагающего, что мы находимся на поворотном пункте истории науки, можно свести к следующим положениям: «… родилась новая наука – физика неравновесных процессов, развитие которой привело к возникновению таких новых понятий, как самоорганизация и диссипативные структуры, повсеместно используемые ныне в широком спектре дисциплин от космологии, химии и биологии до экологии и социальных наук» [6, с. 10]. Под самоорганизацией понимается выбор одного из решений, которое возникает в точке бифуркации (деление решения на несколько частей при изменении параметра системы) и определяется законами вероятности. Диссипативные структуры – это пространственно-временные структуры, возникающих в очень неравновесных условиях: в колебательных химических реакциях при регулярных пространственных структурах.

Примером неоднородного и далекого от равновесного состояния является Вселенная, она «мешает системам достигать равновесного состояния. Например, поток энергии, источником которого служат необратимые ядерные реакции в недрах Солнца, поддерживает нашу экосистему в очень неравновесном состоянии и тем самым сделало возможным возникновение жизни на Земле» [6, с. 139].

Объекты окружающей действительности находятся в связях и отношениях друг с другом, образуют определенные целостности, единства, то есть системы, которые по природе элементов могут быть как материальными, так и абстрактными. Первый тип систем – материальные – содержит в себе два вида объектов: органической природы (живые) и неорганической природы (неживые). К объектам неорганической природы причисляют физические, геологические, химические и др., к живым объектам – биологические, социальные и др.

Второй тип систем – абстрактные – объединяет результаты человеческого мышления, зафиксированные объектами языковыми, логическими, семиотическими и др. В трактовке семиотики со второй половины XIX в. разграничивают европейское направление, у истоков которого стоит Фердинанд де Соссюр [7], и американское, основателем которого является Чарльз Моррис [8]. К этому типу причисляют сложные информационные системы, которые содержат в себе технические, экономические, биокибернетические, гуманитарные системы.

Два типа систем тесно связаны между собой: материальная система обусловила существование абстрактной системы. В середине XX века возникла наука систематология, занимающаяся изучением разных типов систем.

Языковая система взаимодействует с окружающей средой познавательной деятельности человечества, что приводит к необходимости изучения ее внешних и внутренних связей. Отношение к языку как материальной субстанции, наделенной разумом, известно во многих этнокультурах. Славяне считают, что слово может быть сказано в добрый час или злой. С давних времен на

Украине говорили: «Не проти ночі кажучи».

Термин «система» широко распространен в лингвистике, поскольку его употребляют, говоря о системе гласных и согласных звуков, частей речи, окончаний, словоизменений, спряжений определенной части речи; видах систем (фонетическая, фонологическая, графическая, лексическая, семантическая и т. д.).

По мнению Л. Ивановой, в XXI веке продолжается «становление и эволюция системного подхода к языку» [9, с. 176], происходящее на фоне общего поворота науки от «атомистических» взглядов к «холистическим», то есть признается примат целого над частями и всеобщей связи явлений. В современной систематике принято выделять три признака систем: относительную неделимость элементов системы, ее иерархичность и структурность [9, с. 178–179].

Относительная неделимость элементов системы проявляется в том, что ее элементы неделимы только с точки зрения данной системы. Однако они могут быть разделены и входить в состав других систем. Иерархичность системы состоит в возможности выделить в ней другие системы или подсистемы, а также вхождение данной системы в более широкую систему. Структурность системы связана со способом организации ее элементов, связей отношений, которые возникают между ними.

По характеру элементов, входящих в систему, принято выделять гомогенные и гетерогенные системы. Гомогенные системы состоят из однородных элементов, которые определяются противопоставлением друг другу и порядком расположения. Гетерогенные системы состоят из неоднородных элементов, которые образуют подсистемы однородных элементов и взаимодействуют с элементами других систем. К таким системам принадлежит язык, который состоит из нескольких гомогенных подсистем, которые называются ярусами или уровнями.

На определенном этапе исследования языка возникла необходимость объединить все, что ранее было достигнуто во время изучения фонетики, морфемики, словообразования, морфологии, лексики, синтаксиса, чтобы постичь язык в его целостности, во всем функциональном разнообразии, и представить его в виде системы.

Однако против переоценки системного подхода, являющегося философским направлением, предостерегает В. Канке, считая его «аргументом против идеологии диалектического материализма, который не справился с исследованием сложных многоуровневых систем» [5, с. 230].

Понятие «система» в лингвистике чаще всего связано с понятием «структура». Многочисленные и нередко противоречивые объяснения этих понятий прослежено в статье «Понятия системы и структуры языка в свете диалектического материализма» А. Мельничука [10, с. 19–32].

Понятия «система» и «структура» в нынешнее время вошли во все отрасли знаний, а изучение системно-структурных свойств объекта знаний стало одним из главных заданий научного поиска. Очевидно, что системно-структурная методология науки ведет от фрагментарного и разделенного представления об окружающей среде к пониманию ее единства и целостности. Однако термины «система» и «структура» часто представляют как тождественные и в научных трудах используют как детерминологизированные общенаучные слова дейктического характера.

Структура – это схема отношений между элементами целого. Система содержит в себе и элементы (субстанцию), и отношения между ними (структуру).

Язык, так же как и мышление, своими средствами отражает реальный мир, экстралингвистическую действительность, которая проявляется в конкретных значениях, в лингвистических абстракциях слов и грамматических форм. В языке отражаются не только предметы, но и присущие им связи. Поскольку связи явлений реальной действительности имеют диалектические зависимости, то и языковой действительности тоже свойственны проявления диалектики.

В системное описание языка входит также выяснение материальных и семантических, функциональных и генетических, двусторонних и односторонних, парадигматических и синтагматических, одноуровневых и межуровневых, одно- и разнонаправленных связей и отношений. Система языка должна быть представлена как исторически сложное целое, в рамках которого функционируют в неразрывном единстве отдельные подсистемы.

В лингвистике интерес к системному описанию в значительной степени проявился в последние десятилетия XX века, когда начался разрабатываться вопрос о сущности языковой системы, об иерархии уровней и единиц языка, о соотношении отдельного и общего в языке, о системных соотношениях в родственных и разноструктурных языках.

В современной лингвистике к выделению в системе языка отдельных его сфер (подсистем) подходят на основе так называемого стратификационного принципа. В соответствии с этим принципом, языковая система состоит из подсистем, вроде бы наслаивающихся одна на другую, располагающихся одна над другой в четко регламентированном порядке. Отдельные системы выделяются по вертикали и являются разными уровнями иерархии системно организованых языковых единиц.

В 1987 г. американский языковед Роберт де Богранд выступил с программным докладом «Текст как новый фундамент для лингвистики», в котором подал свое видение языка как сложной нелинейной системы, природа и функции которой могут быть раскрыты посредством термодинамики, квантовой теории и молекулярной биологии. Согласно теории исследователя, носители языка воспринимают речь, в ее разных ипостасях как постоянные колебания, флуктуации, которые вызывают излучение усиливающейся или уменьшающейся энергии [11, с. 360–362].

Синергетика появилась из философских проблем, переформулирующиеся и обговаривающиеся в связи с ситуацией. Один из вопросов, который находится в кругу синергетических проблем: что такое новое, возникает ли оно, или любое событие является «déjà vu», повторением события, которое состоялось ранее.

Для нашего исследования результаты, полученные синергетикой, представляют бесспорный интерес, потому что «обобщая данные о повторяющихся явлениях, накопленные в самых различных областях знания, синергетика доказывает, что, несмотря на качественные отличия, между механическими процессами, растительным и животным миром, мыслящим человеком и человеческим обществом существует принципиальное единство. В современном научном познании синергетика является скорее парадигмой, чем теорией, знаменуя собой утверждение особенного стиля научного мышления, предельно кратко можно охарактеризовать тремя ключевыми идеями: нелинейность, самоорганизация, открытые системы» [12, с 155].

Основой синергетической парадигмы является теория систем Берталанфи, которая охватывает природные и социальные явления. Синергетика осуществляет описание самоорганизации, то есть анализирует процессы и категории, которые ассоциируются с понятием развития (эволюции). При этом базовым понятием, характеризующим присущее синергетике новое понимание процессов развития, является неустойчивость, которая рассматривается как гарантия и симптом развития. Источником саморазвития и условием для возникновения новых свойств служат внутренние противоречия «Согласно закону единства и борьбы противоположностей, происходит раздвоение единого – так называемая бифуркация» [12, с 156]. Под нею понимается точка, «где происходит разветвление путей эволюции системы, то есть возникновение вариантов (дифференциации). Поблизости

точек бифуркации обычно возникает определенное количество флуктуаций, благодаря которым всегда сопровождается процесс развития» [12, с. 156].

Теория самоорганизации применяется в сложной неравновесной системе поэтического языка, где она открывает «ее принципиальную гетерогенность, объединение подсистем второго, третьего и других порядков, с чем связано внутреннее разнообразие системы, ее гибкость и динамичность, а следовательно и историзм системных образований» [13, с. 307].

Однако необходимо отметить, что синергетика не получила единогласных положительных отзывов. В частности, приведем мнение философа И. Данилевского: «Сама синергетика в ее мировоззренческих аспектах чаще всего базируется на подмене понятий, поэтому есть или банальностью, или ложью с вкраплением истины, за счет которой и создается эффект ее правдоподобности» [14, с. 309].

Безусловно, в лингвистической науке синергетика является модной теорией. Насколько она окажется жизненной, покажет время, но мы признаем необходимость перенесения трансдисциплинарных моделей и когнитивных схем синергетики из одной дисциплинарной области в другую для осуществления кросс-дисциплинарного диалога.

Повторение, под которым понимаем воссоздание чего-либо полностью или частично, присутствует в объектах неорганической природы материальных систем, например: в системе, изучающей физические свойства. Неотъемлемой чертой явлений и процессов является колебание – размеренное движение, раскачивание вперед или назад, со стороны в сторону или сверху вниз. По своей физической природе колебания достаточно разнообразны: механические (движение маятника, колебание струны); электрические (переменный электрический ток); электромагнитные (свет, радиоволны); периодические, в которых значения физических величин повторяются через одинаковые промежутки времени. Количество повторений одинаковых колебаний, движений за какую-либо единицу времени измеряется частотой (частота колебания маятника, частота вращения).

В объектах живых, в частности, биологической системы отмечено повторение элементов через равномерные промежутки времени. Американский ученый чешского происхождения Станислав Грофф писал: «человеческое бессознательное содержит хранилище или матрицы, активизация которых ведет к повторному проживанию биологического рождения и серьезной конфронтации со смертью» [15, с. 56].

Периодически повторяемые изменения интенсивности и характера биологических процессов и явлений – биологические ритмы – отмечаются на всех уровнях организации: от внутриклеточных процессов до популяционных и биосферных. Они возникают как реакция на периодические изменения среды или генерируются самим организмом. Способность к таким изменениям жизнедеятельности передается по наследству и проявляется во всех живых организмах. Биоритмы делятся на: физиологические и экологические. Физиологические ритмы имеют периоды от доли секунды до нескольких минут (ритмы дыхания, ударов сердца и артериального давления). Экологические ритмы по продолжительности совпадают с любым природным ритмом окружающей среды. К ним принадлежат суточные, сезонные, приливные и месячные ритмы. Экологические ритмы служат организму биологическими часами. Главный земной ритм – суточный, обусловленный вращением Земли вокруг своей оси, именно поэтому все процессы в живом организме имеют суточную периодичность.

Значительную роль играет повторение в абстрактных системах, поскольку оно приводит к очень важному результату – организует множество отдельных элементов в единое целое, уменьшая тем самым нагрузку на память.

Особенность живых систем, к которым принадлежит язык, состоит в том, что «живые системы не отменяют законов неживой природы. Они включают их в себя в диалектически снятом виде» [16, с. 23].

В абстрактных системах повторение, например, в языковой, отражает связь с окружающей действительностью, что приводит к необходимости изучения ее внешних и внутренних связей.

Г. Хабургаев выделил четыре элемента мыслительно-речевой системы: мышление, рассуждение, язык, речь и предложил схему соотношения их элементов [17, с. 296]. Исследователь пришел к выводу, что мышление непосредственно связано с рассуждением и языком и лишь с их помощью – с речью. Рассуждение, связанное с мышлением, формируется на базе речевого опыта и непосредственной связи с языком не имеет. С языком рассуждение связано с помощью мышления и речи. Такие же связи существуют в языке, который является системой, параллельной рассуждению [17, с. 296–297].

При этом «основным источником строительных эволюционных процессов являются не замены единичных букв, а рекомбинации – перемещения и новые соединения отдельных генных фрагментов, генов и целых блоков генетических программ» [18, с. 7]. Именно рекомбинации играют «действительно выдающуюся роль в процессах построения нового» [18, с. 13].

Подобно объектам материальной системы, «в языке воссоздается тот же глубинный принцип структурной организации, что и в природе. Простота принципа повторения делает объекты и системы более надежными, а «творческие неудачи» и «ошибки» природы самоустраняются» [19, с. 17].

В речи проявляется принцип рекомбинации как основной «творческий» прием природы и человеческой деятельности. Общеизвестно, что «набор фонем и графем для их передачи достаточно ограничен, но позволяет создавать неограниченное количество разнообразных текстов» [19, с. 17].

Повторения присутствуют в объектах материальных систем, поэтому описание фактов, связанных с повторением действий, является первым шагом в изучении онтологической концепции, истолкование которой базируется на фактическом материале.

Язык, являясь абстрактной системой, вмещает неоднородные элементы, которые образуют подсистемы однородных элементов, взаимодействующих с элементами других систем. Кроме того, язык является открытой системой, поскольку новые элементы могут прибавляться к ней. Такой характер языка обеспечивает влияние окружающего мира на его строение, структуру, функции.

Повторяемость – общее название процесса воспроизведения разных форм бытия. Физика описывает воспроизведение периодического движения волн, гравитации; биология занимается физико-химическим воспроизведением через появление новых поколений.

Принцип повторяемости проявляет себя на всех уровнях организации материального мира как фактор структурообразования природных объектов. Колебания состояний структуры природного объекта, отличаясь, определяют функциональные режимы существования всего живого и неживого. Повторения с рекомбинациями выявляют глубинную сущность структурообразования биологических и физических объектов.

Перефразируя слова Людвига фон Берталанфи, можно сказать: «Повторения повсюду». Как системное явление повторение состоит из подражания, периодичности, цикличности, ритма, которые следует рассматривать в диахронии и синхронии, в онтогенезе и филогенезе.

Система повторений является программной оболочкой, на основе которой можно сконфигурировать речевую и языковую систему повторений, объяснив при этом природу явления.

Системность относительно разных видов повторов заключается в рассмотрении их как единого целого, так и как подсистемы других высших уровней, когда эле-

менты нижнего уровня подчиняются элементам высшего уровня, находясь в пределах конкретной организационной структуры и будучи описанными с использованием разных моделей; при этом один элемент имеет свойства всей системы.

Сущность системы элементов может быть описана в двух измерениях: онтологическом и гносеологическом. Обычно, «в онтологии состояние элементов, их место в системе и отношения, которые их связывают, от исследователя не зависят, т. к. являются сущностными характеристиками объекта, благодаря которым он остается самим собой и отграничивается от подобных ему объектов. В этом случае включение или невключение элементов в некоторое множество, которое, очевидно, является системой, от исследователя также не зависит» [20, с. 5]. А вот «с гносеологической точки зрения, составные части системы и их соотношения могут быть выявлены и включены в описание самим исследователем, который при этом руководствуется целью анализа и рассуждением соответствия форме представления результатов поставленной или достигнутой цели» [20, с. 6].

Подводя некоторые итоги, следует сказать, что позиция автора при определении характера и удельного веса феномена повторений в детерминации результатов мышления является материалистической. Рассмотрение повторения в двух типах систем демонстрирует сквозной характер и не противоречит основным положениям, представляющим систему как совокупность элементов, которые находятся в отношениях друг с другом и создают целостность, единство. Кроме того, принимая во внимание существующую специфику двух типов систем, подчеркнем, что они имеют общие свойства: колебания, частоту, ритм в материальных системах; частотность, повтор, ритм – в абстрактных. Отличие заключается лишь в объектах и их элементах, представляющих названные свойства. Обобщая опыт в теоретическом осмыслении наличия повторяемости в материальных и абстрактных системах, необходимо признать, что она является мегаконцептом, отражающим целостность мироздания.

В последующих наших статьях планируем исследовать другие аспекты феномена повторений в лингвистике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахлибининский Б. В. Информация и система (Философский аспект): автореф. дис… д-ра филос. наук. Л., 1969. 33 с.

2. Кодак М. П. Поетика як система. К.: Дніпро, 1988. 159 с.

3. Bertalanffy L. von. General System Theory. Foundations. Development, Applications. – N.Y.: Braziller, 1968. 289 p.

4. Сурмин Ю. П. Теория систем и системный анализ. К.: МАУП, 2003. 368 с.

5. Канке В. А. Философия науки. М.: Омега-Л, 2008. 328 с.

6. Пригожин И. Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы. М.; Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001. 208 с.

7. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 695 с.

8. Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика. М., Радуга, 1983. С. 37–89.

9. Иванова Л. П. Общее языкознание. Курс лекцій. К.: Освита Украины, 2010. 434 с.

10. Мельничук А. С. Понятия системы и структуры языка в свете диалектического материализма // Вопросы языкознания. 1970. № 1. С. 19–32.

11. Beaugrande R. de. Text as the new foundation for linguistics // Proceedings of the Fourteenth International Congress of Linguistics. Part 1. Berlin: Akademie-Verlag, 1987. P. 355–387.

12. Тарасова Е. В. Проблемы развития языка в терминах синергетики // Вісник Харківського державного університету: Актуальні проблеми теорії комунікації та викладання іноземних мов. 1997. № 390. С. 154–159.

13. Семенець О. О. Синергетика поетичного слова. Кіровоград: Імекс ЛТД, 2004. 338 с.

14. Данилевский И. В. Структуры коллективного бессознательного: Квантоподобная социальная реальность. М.: КомКнига, 2005. 375 с.

15. Гроф С. За пределами мозга: Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. М.: Изд-во Трансперсонального Института, 1993. 498 с.

16. Афанасьев В. Г. Мир живого: системность, эволюция, и управление. М.: Политиздат, 1986. 334 с.

17. Хабургаев Г. А. Схема соотношения элементов мыслительно-речевой системы // Язык и мышление. М.: Наука, 1967. С. 295–302.

18. Салганик Р. И. Рекомбинации как творческий прием в искусстве, науке и природе // Монтаж: литература, искусство, театр, кино. М.: Наука,, 1988. С. 5– 13.

19. Москальчук Г. Г. Структура текста как синергетический процесс. М.: Едиториал УРСС, 2003. 296 с.

20. Шехтман Н. А. Семантическая редупликация и проблема тезауруса: автореф. дис… д-ра филол. наук. Л., 1977. 42 с.

SYSTEMATIZATION AS THE GNOSEOLOGICAL FRAME OF REPETITION PHENOMENON'S RESEARCHES IN LINGUISTICS

© 2012

Z.A. Pakholok, candidate of philological sciences, associate professor of the department «Philology and Methodology of Primary Education»
Lesya Ukrainka East European National University, Luzk (Ukraina)

Annotation: The objects of surrounding reality form the systems, studying of which has led to the emergency of methodological principle of scientific cognition. Highlighting the synergism principle did not cross out the conception of surrounding reality systematization but indicated the complexity of structural relationships in it. The repetition in material and abstract systems is the reflection of such relationship.

Keywords: systemic researches, synergism, material and abstract systems, repetition principle, language system.

УДК 811.112.2

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ КОД РАЗВИТИЯ СИСТЕМНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЛЕКСИКЕ

© 2012

***В.Ф. Прохоров*,** доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры немецкой филологии и перевода
Запорожский национальный университет, Запорожье (Украина)

Аннотация: Статья посвящена изучению этимологического развития системных отношений в лексическом массиве немецкого языка и перспектив сопряжения этимологии с фреймовым описанием реальной действительности.

Ключевые слова: этимология, синонимия, комбинаторика, референт, фрейм.

На основе достаточно известных критериев описания синонимического гнезда лексических единиц и его структурирования по грамматическим, семантическим и функциональным параметрам в статье предпринимается фрагментарная попытка изучения «механизма» формирования и развития синонимических отношений с точки зрения сближения отдельных значений глаголов. При этом основное внимание уделяется хронологической периодизации становления синонимии на материале немецкого языка. Попутно при этом предполагается изучение лингвистических источников происхождения синонимичных форм. Этот аспект специально принимается во внимание с целью проверки выдвигаемой гипотезы о том, что синонимия в своем развитии имеет волновую природу в условиях исконной лексики. Проверка этой гипотезы осуществляется на примере глагольной синонимии. Этот слой лексики выбран на том основании, что он, по существующим представлениям [1, с. 12–13], является изначальным в лексической системе языка. Хотя эта точка зрения и представляется достаточно спорной. Кроме того, глаголы обнаруживают широкий спектр полисемии, следовательно, и более сложную картину синонимических отношений, чем иные грамматические классы слов.

Представляется целесообразным осуществлять изучение указанных аспектов проблемы синонимии на примере лексико-семантических групп глаголов, описанных в рамках специальных диссертационных исследований либо признанных учебно-лингвистических пособий. Этот материал признается приемлемым для изучения с точки зрения полноты его представления на основе специальных научных критериев, а также определенной общности семантического содержания. В основу предлагаемой статьи положен лексический материал современного немецкого языка.

Наиболее оптимальным методом решения интересующей нас проблемы может послужить этимологический анализ, поскольку «никакая другая лингвистическая дисциплина не собирает такую полноту информации о значении слова, как этимология, объединяющая в целях своего исследования современные данные, письменную историю, дописьменную реконструкцию и семантическую типологию» [2, с. 272–273]. Суть его состоит в том, что на основе принципов, разработанных основоположниками сравнительно-исторического языкознания, отыскивается одновременно ответ на три вопроса: «Каков возраст слова и откуда оно происходит? Что следует рассматривать в качестве его самого раннего, изначального значения? С какими словами нашего и других языков оно связано?» [3, с 11]. Примерно также понимает задачу этимологического анализа В. Топоров, усматривающий ее в определении «координат разных систем (фонологической, словообразовательной, лексической, семантической, поэтической и т. п.), пересечение которых порождает данное слово», и в определении «последующей траектории слова» [4, с. 49].

Метод этимологического анализа, если его рассматривать с позиций эволюции этимологии, представленной в статье М. Маковского [5, с. 13–20] трудно поддается однозначному определению. Скорее, он проявляется в широком разнообразии подходов к изучению лексики, основанных на этимологических реконструкциях, но преследующих различные цели. Узкое понимание его как бесперспективного поиска «так называемых первоэлементов языка – лексических ... или семантических» [5, с. 13] послужило основанием для объявления несостоятельности этимологии в целом. Хотя следовало бы отдать должное даже такому поиску, как начальному этапу накопления эмпирического материала. Как продолжение этого поиска, пожалуй, следует рассматривать эргологический принцип Й. Трира, давший блестящие результаты [6]. Тем не менее, выход из ситуации якобы гипотетической описательности был найден М. Маковским, предложившим такой подход, как лингвистическая комбинаторика. Она определяется автором как «отрасль языкознания, изучающая в рамках лингвистического времени качественные и количественные характеристики как языковых континуумов, так и входящих в них языковых элементов с целью определения возможности (нескольких возможностей или невозможности) и результатов различных видов их взаимодействия» [7, с. 5]. Развивая принципы этого подхода, автор отмечает, что «комбинаторика изучает, а частности, возможности группировки фонетических и семантических единиц (в количественном, качественном, порядковом и типологическом отношении), а также условия, возможности (варианты) и результаты соединения между собой единиц этих таксономических уровней. В центре внимания комбинаторики-науки находится также, во-первых, зависимость определенной комбинаторики от функционального и иерархического статуса комбинируемых единиц, а с другой стороны – создание определенной комбинаторики тех или иных языковых единиц в зависимости от их функционального и иерархического статуса» [7, с. 6]. Этот подход привел автора к разработке положений лингвистической генетики [8], исследованию «скрытых языковых процессов, своеобразных явлений «черного ящика» – генетических механизмов, управляющих жизнью и смертью языковых элементов» [9, с. 156]. Исследование синонимии могло бы быть построено на основе лингвистической комбинаторики. Однако она отталкивается главным образом от семантических параллелей в самых разных языках, что создает впечатление о некоторой хаотичности исследования, игнорировании либо формы в угоду семантике, либо семантики в угоду форме. Комбинаторику в строго математическом смысле следует понимать как учение о возможном упорядочении элементов из заданного множества. Применительно к языку это множество исследуемых величин может объективно задаваться только семантическими отношениями между единицами, находящимися в системных отношениях. Поэтому как одно из направлений лингвистической комбинаторики мы предлагаем в качестве научного метода семантико-этимологическую комбинаторику [10]. Постановка во главу термина понятия «семантика» указывает на то, что определение заданного комбинаторного множества осуществляется на основе смысловых отношений между единицами современного языка, которые далее подвергаются фонетическому и семантическому этимологическому анализу.

Определенную роль в сдерживании этимологических исследований, как представляется, сыграло мнение, выраженное в предостережении Б. Дельбрюка не касаться

реконструкции предложений и слов [11] и Й. Трира не заниматься в этимологии словесными комплексами [6]. Тем не менее, заниматься словесными комплексами вовсе не то же самое, что заниматься комплексами слов. Именно с этой позиции семантико-этимологическая комбинаторика представляется перспективным направлением.

Первичное изучение синонимических отношений глаголов в немецком языке показало, что исходные значения реконструированных корней синонимичных структур, выстроенные в хронологической последовательности появления современных слов, при оформлении соответствующих операций обнаруживают черты завершенного высказывания. Вопреки образному выражению М. Маковского о том, что «в каждый период существования языка слова «молчат», как сфинксы» [5, с. 14], создается впечатление, что они сами хотят что-то о себе сказать. И «услышать» их можно попытаться в рамках семантико-этимологической комбинаторики, т.е. восстановления праязыковых форм и значений в корпусе лексики современных языков, находящейся в определенных системных отношениях. Такими отношениями может быть синонимия, антонимия, единая ЛСГ и даже тематическая группа. Цель поиска – обнаружение путем комбинаторных операций завершенных смысловых конфигураций и выявление генетического языкового кода, обусловившего формирование структуры рассматриваемого лексического массива. Основная гипотеза предлагаемого направления состоит в том, что латентные кодовые ситуации, лежащие в основе лексических группировок современных языков, должны иметь общие признаки. Не исключено, что они могут иметь поверхностные проявления в виде известных крылатых выражений.

Исследования, проводимые в русле семантико-этимологической комбинаторики, должны строиться с учетом ряда принципов, обеспечивающих объективность полученных результатов. Основной среди них принцип диахронии, позволяющий проследить динамику развития рассматриваемого лексического массива. Желательным, но не обязательным представляется сопоставительный характер исследования, который дает возможность наблюдать одно явление в разной языковой среде.

Особое внимание хотелось бы обратить на особенности процедуры этимологических реконструкций. Как известно, они традиционно представляются символикой, восходящей к письменности санскрита.

Обратимся к практической проверке изложенных выше положений на материале глаголов mitteilen и bekanntgeben, с обобщенным значением «jmdm. etwas zur Kenntnis bringen» («сообщать»), занимающие важное место в организации деятельности человеческого общества.

Синонимические отношения рассматриваются в комплексе с этимологическими характеристиками глаголов. При этом во внимание принимаются хронологические характеристики корневых глаголов, хотя при необходимости приводятся и показатели производных. Этот подход является наиболее оптимальным с точки зрения комбинирования исходных значений, представляющих тенденцию заполнения латентного референта лексическими единицами в исторической перспективе.

Синонимические гнезда глаголов имеют следующую структуру:

mitteilen (Mhd., ie. *da(i)-, *di- «teilen, zerschneiden, zerreißen») – <eine Information [weiter]geben> sagen (8.Jh., ie. *sekÍ– «wittern, spüren (vom Hund bei der Jagd))» • übermitteln (20.Jh., ie. *medhio – «mittlerer») • melden (9.Jh., ie. *meldh- «rituelle Worte an die Gottheit richten») eröffnen (8.Jh., ie. *upo; *up, *eup «unten an etw. heran»; «von unten hinauf, über») ¨ dicht: vermelden (9.Jh.)¨ umg: beibringen (8.Jh., ie. *bher(∂)– «nehmen, tragen»), bekanntgeben (Mhd) (9.Jh., ie. *gen(∂) «erkennen; kennen» + 8.Jh., ie. *ghabh– *ghab– *ghap– «fassen, nehmen»), berichten (8.Jh., ie. *reg- «gerade, geraderichten, lenken, recken, strecken, aufrichten»), unterrichten (ie. *reg-).

Анализ этимологических показателей свидетельствует о том, что синонимическая структура формируется главным образом на базе первичного в хронологическом отношении слоя лексики, восходящей к и.-е. корням. Следует отметить большое число производных конституентов гнезда. Однако анализ несколько осложняется лишь наличием глаголов, образованных на базе основосложения и восходящих к двум корням, хронологические показатели которых разнятся. Тем не менее, эта сложность преодолевается путем учета исторического времени засвидетельствования производного глагола. Подобная процедура ранее не применялась, однако она представляется единственно корректным выходом из сложной ситуации.

Хронологическая упорядоченность исходных значений основ современных глаголов открывает смысловую последовательность: «wittern, spüren» / «gerade, geraderichten, lenken, recken, strecken, aufrichten» / «nehmen, tragen» / «unten an etw. heran»; «von unten hinauf, über» / «rituelle Worte an die Gottheit richten / «erkennen; kennen» + «fassen, nehmen / «teilen, zerschneiden, zerreißen» / «mittlerer». Эта последовательность моделируется в виде генетического референта смысловой структуры синонимического гнезда: *Почуять, поднять, выпрямившись (и) взяв снизу, помолиться, опознав, схватить, поделить пополам. Данный референт раскрывает шесть валентностных мест в синонимической структуре гнезда. Следует подчеркнуть, что шесть мест основных, которые могут быть расширены за счет факультативных элементов, сопрягаемых с основными глаголами в качестве речевых эквивалентов.

Bekanntgeben - (Mhd) (9.Jh., ie. *gen(∂) «erkennen; kennen» + 8.Jh., ie- *ghabh- *ghab- *ghap-“fassen, nehmen”) - *bekanntmachen* (Mhd) (8.Jh. ie. *gen(∂)- «erkennen; kennen» + 8.Jh., ie. *mag- «kneten, drücken, streichen») • *verlautbaren* (15.Jh.) (8.Jh., ie. *kleu- «hören; wovon man viel hört, berühmt, Ruhm») • *kundtun* (ahd. kund tuon) (8.Jh. ie. *gen(∂)- «erkennen; kennen» + 8.Jh., ie. *dhe- «setzen, stellen, legen»)• *kundmachen* (8.Jh. *gen(∂)- «erkennen; kennen» +8.Jh., ie. *mag- «kneten, drücken, streichen») • *kundgeben* (18.Jh.) (8.Jh. ie. *gen(∂)- «erkennen; kennen» + 8.Jh., ie. *ghabh- *ghab- ghap- «fassen, nehmen») • *verkünden* (8.Jh. ie. *gen(∂)- «erkennen; kennen») • *ausrufen* (8.Jh. ie. *kar(∂)- «laut preisen, rühmen»); *abkündigen* (Rel.) (8.Jh. ie. *gen(∂)- «erkennen; kennen»); *ausschellen* (11.Jh., ie. *skel-<*kel(∂)- «rufen, schreien, lärmen, klingen») • *ausläuten* (landsch. veraltend) (8.Jh., ie- *kleu- «hören; wovon man viel hört, berühmt, Ruhm») ¨ gehoben: *verkündigen* (15. Jh) (8.Jh., ie. *gen(∂)- «erkennen; kennen») • *künden* (von) (8.Jh., ie. *gen(∂)- «erkennen; kennen») ¨ umg.: *ausklingeln* (11.Jh., ie. *gal- «rufen, schreien»)• *austrommeln* (15.Jh., eine Schlaglautnachahmung); ¨ salopp: *ausposaunen* (Mhd., entlehnt aus frz., geht auf lat. *bucina* «Wald-, Jagd-; Hirten-, Signalhorn» zurück) • *austrompeten* (Mhd., aus afrz. entlehnt); auch *ankündigen* (8.Jh., ie. *gen(∂)- «erkennen; kennen»), *anzeigen* (15.Jh.) (8.Jh., ie. *deik- «zeigen»), *erklären* (12.Jh., lat. *clamare* «laut rufen, schreien, ausrufen, verkünden»), *erzählen* (8.Jh., ie *del- «zielen, berechnen, nachstellen, listig schädigen, zählen, erzählen»), *mitteilen* (Mhd., ie. *da(i)-, *di- «teilen, zerschneiden, zerreißen»).

Данное синонимическое гнездо характеризуется, с одной стороны, выраженной стилистической дифференциацией, а с другой – значительным разбросом хронологических характеристик и соотнесенностью в происхождении с самыми разными основами. Среди двадцати двух компонентов гнезда выделяются двенадцать изонимов: десять с основой kund- и два с laut-. Четыре глагола образованы на основе звукоподражания и их основы связаны с обозначением звукоиздающих инструментов. Правда, все эти глаголы не отвечают уровню языковой нормы, поэтому могут быть исключены из анализа. Сюда же может быть отнесен и устаревший изоним ausläuten. Таким образом, гнездо включает восемь корней.

Хронологическое упорядочивание нормативной лексики дает следующую последовательность исходных значений: «zielen, berechnen, nachstellen, listig schädigen, zählen, erzählen» / «erkennen; kennen» / «laut preisen, rühmen / «hören; wovon man viel hört, berühmt, Ruhm» / «laut rufen, schreien, ausrufen, verkünden» / «teilen, zerschneiden, zerreißen» / «zeigen». Из этой последовательности формируется следующий латентный референт: *Поставить цель, познать, громко похвастаться, прославиться, объявить, поделить (и) показать. Исходя из этого референта, можно полагать, что в синонимической структуре генетически заложено семь валентностных направлений стяжения лексем. При этом лишь одно из них связано с глаголом романского происхождения, помещенным в структуре референта на первой позиции, поскольку хронологически он тождественен следующим за ним глаголам индоевропейского происхождения.

Здесь уместно задаться вопросом: действительно ли можно рассматривать моделируемый латентный референт в качестве генетического кода синонимической структуры, или же он должен рассматриваться как показатель уже сложившейся системы? Можно допустить второе, т. е. действовать, как принято в математике, «методом от противного». В этом рассуждении попробуем обратиться к простому примеру. Цифра «1» имеет, скажем, в русском языке названия «один», «единица» и в среде школьников или студентов «кол». Почему? Да потому, что изначально значение символа определяется как «единичность». И если в двух первых формах указание на это значение эксплицировано звуковым кодом, то в третьем случае форма слова связана с изначальным значением существенной трансформацией. Во всяком случае, здесь трудно отрицать тот факт, что значение символа послужило генетическим кодом ряда наименований. В нашем случае исходные значения, как показал анализ, не имеют непосредственной связи с семантической структурой синонимического гнезда или даже с современными значениями входящих в него элементов. Таким образом, гнездо формировалось по направлениям референции, изначально определенными исходными значениями входящих в структуру корней.

Результаты изучения синонимических отношений немецких глаголов методом семантико-этимологической комбинаторики подтверждают правомерность такого подхода и дают основание для утверждения о том, что предлагаемая исследовательская методика, основанная на реконструкции исходных показателей и моделировании латентного семантического референта, позволяет достаточно надежно определить степень синонимичности лексических единиц. В то же время получено подтверждение предположения о том, что именно латентный референт представляет собой генетический код развития синонимической структуры, определяющий основные направления стяжения лексических единиц, прежде всего в количественном выражении.

Полученный результат свидетельствует также о возможности корреляции этимологии и когнитивной лингвистики в области фреймового подхода к моделированию языка, поскольку семантический референт представляет собой изначальную «рамку», накладываемую носителями языка на элемент внеязыковой действительности. В таком сопряжении двух направлений следует усматривать перспективу современных исследований языковой картины мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т.III. М.: Наука, 1968., 551 с.

2. Трубачев О. Н. Этимологические исследования и лексическая семантика // История советского языкознания: Некоторые аспекты общей теории языка: Хрестоматия / Сост. Ф. М. Березин. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1988. С. 272−282.

3. Pfeifer W. Vorwort // Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. Berlin: Akademie, 1989. Bd. A – G. 622 S.

4. Топоров В. Н. О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа // ВЯ № 3 1960. С. 49.

5. Маковский М. М. Что такое этимология // ИЯШ 1986. №1. С. 13−20.

6. Trier J. Wege der Etymologie /Nach d. Druckvorlage mit e. Nachw. von Hans Schwarz. Berlin West: E.Schmidt, 1981. 244 S.

7. Маковский М. М. Лингвистическая комбинаторика: Опыт типологической стратификации языковых структур. М.: Наука, 1988. 231 с.

8. Маковский М. М. Лингвистическая генетика. Проблемы онтогенеза слова в индоевропейских языках. М.: Наука, 1992. 200 с.

9. Караулов Ю. Н. /Рецензия/ Маковский М. М. Лингвистическая генетика // ВЯ – 1993 – № 1. С. 154–156.

10. Прохоров В. Ф., Фадеева Т. Н. Семантико-этимологическая комбинаторика: перспективы и принципы нового научного направления в изучении языка // Культурологічний вісник: Науково-теоретичний щорічник Нижньої Наддніпрянщини. Вып. 2. Запорожье: ЗГУ, 1995. С. 64–67.

11. Delbrück B. Einleitung in das Studium der indogermanischen Sprachen. – 6.Aufl. Leipzig, 1919. 290 S.

ETYMOLOGICAL CODE OF EXTENSION OF SYSTEM RELATIONES IN LEXICON

© 2012

***V.F. Prokhorov*,** doctor of philology, professor of the department of German philology and translation
National University Zaporozhye, Zaporozhye (Ukraine)

Annotation: The article deals with the actual directions of system relationes in a lexica of German language and prospects of interface of etymology with frame description of reality.

Keywords: etymology, synonymic, combinationatoric theory, referent, frame.

УДК 811.112.2’282

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ГЕНДЕРНОГО КОНЦЕПТА «FRAU» В ДИАЛЕКТНОЙ КАРТИНЕ МИРА

© 2012

П.В. Прохорова, кандидат филологических наук, доцент кафедры
«Иностранных языков профессионального общения»
Запорожский национальный технический университет, Запорожье (Украина)

Аннотация: В статье рассматривается проблема исследования диалектной немецкоязычной картины мира в лингвокультурном аспекте. Представляется характеристика проблемы и обзор последних достижений в этой области, обосновывается актуальность и практическая значимость изучения диалектной картины мира, называются нерешенные в этой сфере задачи и намечаются возможные перспективы исследований.

Ключевые слова: диалектная картина мира, лингвокультура, когнитивная сфера.

Актуальность исследования определена антропоцентричной природой объекта и направленностью современной лингвистики на интеграцию лингвокультурологического подхода в языковой системе, необходимостью более детального и глубокого анализа гендерних концептов, являющихся уникальными фрагментами диалектной картины мира, при помощи которых познается культурная специфика диалектных лингвосоциумов.

Материалом исследования послужили диалектные словари, позволяющие воссоздать в полной мере лексический состав гендерного концепта FRAU в немецкоязычной диалектной картине мира.

Критерием отбора когнитивно-связанных единиц послужило наличие в их семантике идентификаторов, соответствующих классу «Frau».

С начала 90-х гг. в лингвистической литературе начал активно употребляться термин «концепт» и его аналоги «лингвокультурема» [1], «логоэпистема» [2], «архетип» [3] и др. И хотя понятие «концепт» находится в центре внимания современных исследователей, оно не получило однозначного и общепризнанного толкования.

Цель статьи – выявить специфику вербализации немецких диалектных номинаций, которые фиксируют пол референта и определяют сходства и различия признаков концептуализации в немецких диалектных группах. Именно гендерные концепты (их вербализация в границах диалектной картины мира) позволяют исследовать и глубже понять гендерные отношения в микроэтническом социуме, а также уровень развития культуры данного этноса.

Сущность концепта Е. Кубрякова определяет, как понятия, служащего объяснению единиц ментальных и психологических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; как оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка, всей картины мира, отраженной в человеческой психике. Концептом может быть понятие, способ, схема действий, гештальт [4, с. 141]. Главное в том, что при осмыслении бытия, человек использует данное образование целостно. Эту мысль разделяет и С. Жаботинская, рассматривающая концепт как любую оперативную единицу мышления, которая может предполагать или не предполагать наличие четкой логической формы [5, с. 421]. Мы думаем, что «концепт», в первую очередь, отображает фрагмент наивной картины мира и является одним из способов объективизации культурного пространства, подчеркивающего своеобразность этнического мировосприятия в ментальных категориях. Этноспецифичность концепта не подлежит сомнению, его семантико-содержательная база имеет во многом общекультурный и ментальный характер.

Гендерный концепт «женщина» рассматривается как ключевой для любой культуры, поскольку относится к сфере межличностного взаимодействия среди носителей языка и играет ведущую роль в формировании языковой личности. Лингвокультурологические исследования, выявляющие специфику гендерных отношений, позволяют установить степень когнитивного превалирования диалектных групп и культур.

Опираясь на классификацию, предложенную А. Мартинюк, гендерные номинации мы делим на: антропометрические, социокультурные, естественные и личностно-психологические [6, с. 215].

I. Антропометрические номинации включают единицы, указывающие на экзистенциальные параметры референта (пол, возраст). Если рассмотреть баварско-австрийський диалектный вариант, то можно сразу установить ядро концепта, формирующиеся нейтральной лексемой: Fro, Langhoorde – «Frau» (женщина); Deern, Mädle, Dirndl, Gitsche, Marjell, Famen, Metze – «Mädchen» (девушка); oide Schäsn, Olte Wawe – «alte Frau» (пожилая женщина).

Следует отметить, что концепт «женщина» в менталитете большинства микроэтносов Германии, в том числе и жителей Баварии и Австрии, получает в основном отрицательную гендерную оценку. Оперируя словами Е. Бессоновой, смеем утверждать, что в данном случае существует семантическая связь между понятиями «женщина» и «отрицательная квалификативная сфера» [7, с. 42]. Думаем, что это связано с «первородным грехом» Евы, вина и последствия которого переходят на всех живших или живущих на земле людей в силу наследования осуждённой и повреждённой человеческой природы.

В отображении рассматриваемого концепта выделяются отдельные лексемы, отрицательно характеризующие женщину, без конкретизации причины (22 единицы): Amsl – «Schimpfwort für eine Frau» (bayr.), Gschuich – «schlechtes Weib» (tirol.), Alsche – «Frau», Miestluder – «Schimpfwort für eine Frau», Orbe – «negatives Wort für Frau» Gesteck / Ische – «Frau mit einer Eigenart», Weiberleut / Dain – «Frau (allgemein, nicht Ehefrau)», Fraa / Wejbeslöüj / Dunsel / Treapn / Wabn – «Frau», Waißleu – «Frauen», Junggesellin – «noch nicht verheiratete Frau», Gummibeidl / Tildo – «wird von Damen verwendet, wenn gerade einmal kein Mann da ist», Guglhupfåide – «die eigene Frau, die man am liebsten in der Irrenanstalt sehen möchte», Drajoner – «(von Drache) dieses Schimpfwort wird meist für Ehefrauen benutzt», Rauschebeijl – «Schimpfwort für Frauen, Furie», Hutte – «1) Rückentragkorb; 2) Person, meistens Frau».

II. Социокультурные номинации включают единицы, содержащие информацию о постоянной и меняющейся социальной роли женщины. Они функционируют в двух основных разновидностях как статусно-маркированные и статусно-немаркованные. К статусно-маркированным относятся номинации, отображающие позицию референта в социальной иерархии немецкого социума (напр. социальных привилегий, богатства, уважения, власти и т.п.). К статусно-немаркированым относятся номинации, обозначающие социальные роли референтов, не связанных с социальной иерархией и не содержащих оценки. Напр., Huzzel – «arme, alte Frau» (westfäl.). Семантическая структура данной лексемы включает в себя два коррелирующихся признака – «бедность» и «старость».

III. Группа естественных номинаций охватывает единицы, включающие неконтролируемые свойства рефе-

рента «от природы». К этой группе засчитываем:

1) природно-телеологические, показывающие интеллектуальный потенциал референта: Baabä – «dummes Weib» (reg.: Prättigau), Griitä – «dumme Frau» (abwertend), Gritä – «dumme Frau», Noggä – «dummes Weib»(reg.: Prättiga), Scheesä – «dumme Frau», Ürbsi – «dumme Frau», Gumslä – «plumpes Weib», Tuäch – «missratenes Mädchen, Frau».

2) природно-эстетичные, обозначающие внешность референта, подлежащие эстетичной оценке. Языковые единицы, с помощью которых происходит апелляция к когнитивному разряду «внешность», содержат в своей семантической структуре признаки, «недостаточный вес», «полнота», «неопрятность» и т.п.: Scherba – «unsympathische Frau», Ripp – «unangenehme Frau», Aggrbuddz – «hässliche Frau», Schardeeg – «altmodische, unsympathische Frau», Schreckschraub – «gefürchtete Frau», Trutscherl – «unscheinbares Mädchen», Gurk'n – «1) unsympatische Frau; 2) schlechtes Auto», Schlumpl – «eher weniger hübsche Frau (von «Schlampe»)», Zäschga – «unvollkommene Frau», scheanglate Eun – «(schielende Eule) häßliche Frau».

Оценку женской внешности мы находим также в паремийном фонде швейцарских диалектов. Так, с одной стороны, отрицательную оценку получит женщина, выглядевшая по разным причинам непривлекательно. С другой стороны, встречаются примеры паремий, указывающие на то, что одной красоты мало для положительной оценки представительницы слабого пола. В этом случае речь идет о связи между ее внешними характеристиками и поведением или характером: E schöni Frau macht noch kein guete Huusstand. – «Eine gute Frau macht noch keinen guten Hausstand». Если мужчине и посчастливится найти молодую красивую женщину, то она все равно не принесет ему счастье и покоя, ведь она является объектом внимания других мужчин:

1) E schöni Frau ist liecht übercho, aber schwer zu bhalte. – «Eine schöne Frau ist leicht zu bekommen, aber schwer zu behalten».

2) Wer e hübsche Frau hürotet, het guet Nächt und bös Täg. – «Wer eine hübsche Frau hat, der hat gute Nächte und böse Tage».

Наряду с приведенными примерами выделяются лексемы, лишенные узуальных оценочных интерпретаций. Тем не менее они выражают отрицательное отношение к женщине (6 единиц): Luader / Luder – «Frauenzimmer», Mensch – «sehr gemein über Frauen», Schnall – «abwertend über eine Frau», Sauluder – «Schimpfwort für Frauen (schwäb.)», «Chlöpfschiit – «Tussi» (schweiz).

В основе образности этих диалектных лексем лежит противоречие между прямым и переносным смыслом словарного комплекса, являемого базой для образования метафор или метонимий. Женщина часто сравнивается с мифическими или сказочными существами: Weddrhex / Hausdeifl / Hausteufel / Xanktippe – «Xanthippe»; артефактами разных сфер человеческой деятельности, имеющих специфическую форму: Hopfastang / Hutte – «1) Rückentragkorb; 2) Person, meistens Frau» или физическими качествами. Благодаря последним определенные предметы могут повредить (поцарапать) поверхность другого предмета, с которым они контактируют: Graddzbirschd / Kratzbürst / Giftschpritz / Hääkeltewwe / Hääkeldosker / Peckeltewwe – «1) spitze Dreschmaschine; 2) klatschsüchtige, schimpfende Frau».

IV. Личностно-психологические номинации охватывают лексические единицы реальных и стереотипно-приписываемых признаков референтам женского пола с точки зрения психологически-поведенческих характеристик.

Для того, чтобы увидеть, что понятие «женщина» в швабско-алеманских диалектах находится в зоне семантической деградации, а сам носитель номинации находится на более низкой ступеньке в иерархии «мужчина» – «женщина», следует обратиться к паремийному фонду этого диалекта. По его данным ценность женщины в хозяйстве считается даже меньшей, чем ценность домашних животных: Weibersterba isch koi Verderba, aber Kuah verrecka, des isch a Schregga [Schwäbische Prioritäten-Liste].

Женщина рассматривается, как носитель проблем и беды:

1) Gib dem Bär es Weib, so gsteit er bald. – «gib dem Bären Weib, und er stirbt bald»; 2) Was tuet dän Alpa am mäischta wei? Ds Wybervolch und dr Schnei. – «Wer tut den Alpen am meisten Weh? Das Weibervolk und der Schnee»; 3) Es isch eis en arme Maa, wenn er nüüd hat as Wyb und Chind. – «Es ist ein armer Mann, wenn er nichts als Weib und Kind hat»; 4) Wer mit Wiibervolch und Söu ztue het, chunnt is Gschrei. – «Wer mit Weibervolk und Sauen zu tun hat, kommt zum Geschrei».

С существованием женщины, по мнению носителей диалектов, можно смириться, если она приносит финансовую пользу: Haubdsach, mr isch gsond ond d´Frau hot a Ärbad. – «Hauptsache, man ist gesund und die Frau verdient die Kohlen». Но это с одной стороны.

С другой стороны, важное место в паремиофонде занимают паремии, демонстрирующие со стороны мужчин осознание необходимости существование женщины (Oni Fraue und oni Gäld wääris truurig i de Wält. – «Ohne Frau und ohne Geld wäre es traurig in der Welt»), признания первичности и вторичности женских качеств (E bravi Frau und en warmen Ofe i der Stube sind der best Husrot. – «Eine brave Frau und ein warmer Ofen in der Stube sind der beste Haushalt»). При этом отмечается, что очень тяжело найти такую женщину, которая бы синтезировала в себе только положительные качества: S ist besser e Nodlen ime Heustock z suechen, as e gueti Frau. – «Es ist besser eine Nadel im Heu zu suchen, als eine gute Frau».

Самооценка мужнин часто обосновывается на овладении женщиной:

1) Wer nüt mit Freude wybe cha, sölls lieber unterwege l*a.* – «Wer nicht mit Freude Weiber kann, soll lieber unterwegs sein»;

2) S isch eine schoe ganze Ma, wenn er mit Freude wiibe cha. – «Es ist ein echter Mann der eine Frau kann».

Рассмотренный материал доказывает существование в диалектной картине мира широкого спектра гендерных вариативов, служащих для конкретизации концепта «FRAU».

Расширение концептуального поля гендерних лексем сегодня приобретает признаки типологичности, что указывает на существование богатой палитры номинаций в немецком языке и их активное использование в устной речи.

Перспективой дальнейших лингвистических исследований может быть анализ квазиэталонов и атрибутивных номинаций разных идеографических категорий, репрезентирующих концепт «FRAU» в диалектной или наивной картине мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. М.: Academia, 1997. С. 280–287.

2. Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. В 3 томах. Том 2. Индоевропейские языки и индоевропеистика. Книга 1. М.: Изд.-во «Языки славянских культур», 2006. 544 с.

3. Колшанский Г. В. Обьективная картина мира в познании и языке / Отв.ред. Шахнарович А. М.; АН СССР. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1990. 108 с.

4. Кубрякова Е. С., Шахнарович А.М., Сахарный Л.В. Человеческий фактор в языке / под ред. Е. С. Кубряковой. М.: Наука, 1991. 239 с.

5. Жаботинская С. А. Концепт/домен: матричная и сетевая модели // Культура народов Причерноморья, 2009. № 168. Т. 1. С. 421–422.

6. Мартинюк А. П. Конструювання гендеру в англо-

мовному дискурсі. Харків: Константа, 2004. 292 с.
7. Бєссонова О. Л. Нова філологія № 3(14) Способи вираження оцінки і оцінні стратегії в мовленнєвій поведінці чоловіків і жінок 2002, С. 41–48.

VERBALIZATION GENDER CONCEPT «WOMAN» IN THE DIALECT PICTURE OF THE WORLD

© 2012

***P.V. Prokhorova*,** candidate of philological sciences, associate professor of the department of «Foreign languages of professional communication»
Zaporozhye National Technical University, Zaporozhye (Ukraine)

Annotation: The problem of researching dialect German-speaking picture of the World in the cultural-linguistic aspect is considering in this article. The characteristic of the problem and the last achievements in this sphere are showed, the actual and practical meaning of the studying dialect picture of the World are given proof. The undecided problems in this sphere are named and the possible perspectives researching are projected.
Keywords: dialect picture of the World, linguistic culture, cognitive sphere.

УДК 82.

СОВРЕМЕННАЯ НЕМЕЦКАЯ АВТОБИОГРАФИЯ: МОНТАЖНОСТЬ КОМПОЗИЦИОННОГО И СЮЖЕТНОГО УРОВНЕЙ ТЕКСТА

© 2012

Н.В. Скляр, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии
Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко, Луганск (Украина)

Аннотация: В современном литературоведении исследование художественно-документальных жанров не теряет своей актуальности. Необходимым компонентом данной системы является изучение художественного своеобразия немецкой автобиографии, расширяющее представление о всей структуре автобиографического произведения.
Ключевые слова: немецкая автобиография, поэтика, композиция, сюжет, приём монтажа.

Главными составляющими художественно-документальной прозы являются достоверность информации и богатство литературных возможностей, именно поэтому произведения автобиографического характера становятся все популярнее у исследователей-литературоведов. Общая картина изучения автобиографии будет неполной без рассмотрения вопроса художественного своеобразия немецкой автобиографии. Среди научных достижений современных ученых особенно выделяются работы А. Галича [1], А. Цяпы [2], которые исследуют специфику мемуарной литературы и автобиографического письма; И. Кабановой [3], О. Болдыревой [4], Л. Савиной [5], Л. Бронской [6], чьи работы свидетельствуют о развитии тенденции к систематическому изучению автобиографии. Немецкие специалисты в области автобиографического письма Р.-Р. Вутэнов [7], Б. Нойманн [8], М. Эгэльхааф [9], К. Гронэманн [10] рассматривают сущность современного автобиографического произведения, особенности процесса восприятия читателем автобиографии, проблему правдивости и смешения жанров в художественно-документальном произведении. Но теоретическая база, сложившаяся вокруг понятия «современная немецкая автобиография» требует дополнения, развития и систематизации. Актуальность затронутой темы обусловлена тем, что компоненты сюжета и композиции немецкого автобиографического произведения, а тем более такой приём как монтаж, является мало изученной лакуной в литературоведении.

Обращаясь в предложенной статье к композиционному и сюжетному уровням построения автобиографичного текста, мы преследуем цель изучить специфику употребления приёма монтажа в современной немецкой автобиографии на примере анализа поэтики автобиографий «Луковица памяти» Г. Грасса, «Я не» Й. Феста, «Промежуточный баланс. Молодость в Берлине» Г. де Бройна.

В сюжетной структуре немецкоязычных автобиографий заметны элементы монтажной организации текста, являемой проявлением специфического видения, заимствованного в XX веке литературоведением из категорий киноискусства. Там термин «монтаж» – это логически соединенные фрагменты, полностью передающие смысл только вместе, в совокупности.

В теории литературы значение этого термина приобретает несколько иной оттенок. «Им обозначают способ построения литературного произведения, при котором преобладает прерывность (дискретность) изображения, его разбитость на фрагменты. При этом монтаж связывают с эстетикой авангардизма. И его функцию понимают как разрыв непрерывности коммуникации, констатация случайных связей между фактами, обыгрывание диссонансов, интеллектуализация произведения, отказ от катарсиса, «фрагментаризация» мира и разрушение естественных связей между предметами» [11, с. 1]. Сегодня в литературоведении введения монтажной организации является одной из продуктивных композиционных возможностей в создании текста, в частности при воспроизведении его пространственной организации.

Монтаж в автобиографии составлен из разноплановых, отдельных фрагментов, которые все-таки объединены в некое целое единством стиля, техники. Как отмечают исследователи, «он «аранжирован» как уравновешенная и продуманная композиция, передает ощущение симультанности, воспроизводит одну и ту же вещь с разных точек зрения» [12, с. 56]. Итак, отдельные эпизоды или сцены трансформируются в единую цепь.

Среди немецких автобиографий монтажно организованную композицию имеет произведение Г. Грасса «Луковица памяти». Автобиограф разворачивает перед читателями множество историй, анекдотические ситуации, короткие и длинные рассказы о собственной жизни, представленные в его особом стиле через отточенные предложения, метафорические обороты, иронию, своеобразно построенные характеры персонажей. Замечаем, что все они крепко сплетаются в единый текст.

Во-первых, его начало, уже само название первой главы «Пергамент под пергаментом» свидетельствует о влиянии модернистских и постмодернистских тенденций на построение текста и намекает на такой распространенный у современных авторов прием, как использование палимпсеста. В текстовой плоскости он приобретает двусмысленный характер. Его прямая семантика отражается при создании метафорического образа луковицы, нежные шкурки, которой автор сравнивает с древней рукописью на пергаменте. Вторую грань использования палимпсеста видим, рассматривая композицию этой главы. С помощью памяти созданы нехронологически представленные отдельные «ассоциативные картинки» или кадры фильма, отражающие яркие, эмоционально окрашенные воспоминания из детства, философские

размышления о войне, вине, о ситуациях, формирующих личность автора, и рассуждения, что такое человеческая памяти. Эти моменты не связаны логикой наррации, но сцепленные между собой авторским видением событий, ассоциацией, ходом мыслей.

Во-вторых, вся сюжетная структура «Луковицы памяти» представлена различными, иногда оторванными друг от друга эпизодами, сложенными в главы, часто также монтажно соединенные и образующие композицию произведения. Такое построение этой автобиографии возможно благодаря реализованному «четвертому времени».

Движение во времени и пространстве происходит на основе ассоциаций, когда одно воспоминание вызывает другое. Переход от одной сцены к другой бывает довольно резким даже в пределах одной главы. Игра со временем позволяет внезапные или немотивированные переходы между эпизодами. От одной сцены, изображающей жизнь героя, происходит перенос к ранним или будущим событиям. Такие пространственно-временные трансформации наблюдаем в рассказах Гюнтера Грасса о его военных буднях. На основе ассоциативного воспоминания автор неожиданно прикрепляет следующий фрагмент, передающий сцену через много лет. Во время обеда солдаты ведут обычную беседу, кто-то спрашивает, что это за местность, где стоит их часть. Звучит ответ: «Лаузиц. Сразу находится знающий человек: «Здесь полно бурого угля». Весной девяностого года несколько причин привели меня к сёлам и городкам этого края между Котбусом и Шпрембергом. Горячо заинтересованный всем, что происходит вокруг, я записывал все, что поражало новизной, но в мыслях не мог оторваться от прошлого» [13, с. 191]. Продолжается рассказ об этом периоде жизни, а на следующей странице происходит резкий переход: «Но потом – между одним рисунком и другим – кинопленка закружилась назад и я снова пускаюсь по собственному следу. Со сдвигом во времени мне придется найти у дороги, ведущей из Зенфтенберга в Шпремберг, рядового мотопехоты, стоящего возле старшего ефрейтора, который говорит на берлинском диалекте с ноющими интонациями, рассматривает местность и кривится» [13, с. 192]. Через монтажные связки в композиции автор может разворачивать свои воспоминания как кадры кинопленки и представлять их в любой последовательности.

Композицию, где сочетание фрагментов происходит благодаря введению того же мотива или героя, можно назвать монтажной. Такое же строение имеет эпизод, где речь идет об американском солдате Бене, который тайно давал еду в лагере для военнопленных. Абзац заканчивается рассказом о нем, а следующий начинается описанием доклада «Речь о привыкании», с которой Г. Грасс выступал в Тель-Авиве в местном университете, рассказывая о жизни в лагере в те времена. В докладе были упомянуты образ солдата Бена и вымышленный образ солдата Дитера. То есть связь между этими эпизодами базируется на введении образа солдата Бена. Переход к следующей сцене также довольно резкий. Вдруг снова всплывает рассказ о его друге по камере Йозефе, в этом эпизоде также есть упоминание о Бене.

Сам текст свидетельствует о том, что многие отрезки жизни представлены смонтированными сценами: «Что же еще сохранила моя память о войне и лагерной жизни, кроме эпизодов, которые превратились в смешные анекдоты или варьируются как реальные события» [13, с. 260]. Функцию монтажа, дающую определенному фрагменту метафорически обобщающую окраску, часто видим в конце глав, когда от изображения каких-то событий автор переходит к философским размышлениям или делает выводы из сказанного, например, так заканчивается описание военной и лагерной жизни и происходит связь со следующим фрагментом в конце главы «С гостями за столом»: «...меня освободили в британской оккупационной зоне, я оказался в крае, который был весь в развалинах, здесь меня ждало освоение неизвестной мне свободы. Впечатления от первого взгляда обманчиво: при чистке луковицы глаза теряют резкость восприятия. Расплывается то, что раньше читалось вполне отчетливо. А вот янтарь сохраняет свои инкапсулы неизменно четкими, то ли это мошка, то ли паучок. Не дают забыть о себе и другие инкапсулы, скажем, осколок в моем левом плече – так сказать, военный сувенир» [13, с. 259]. Далее переданы только те воспоминания, которые связаны с эмоциональными переживаниями во время войны.

Использование приёма монтажа позволяет автору фантазировать, не отходя далеко от основной сюжетной линии, ведь все фрагменты так или иначе скреплены. При этом использованы образы исторических лиц. Рассказ о шеф-поваре, выдающейся личности в судьбе автора, научившего его готовить, и о его таинственном исчезновении якобы потому, что он готовил для генерала Паттона, прерывает описание мечты о создании детективного киносценария. Далее в двух больших абзацах кратко представлен этот детектив с убийством Паттона в конце. За ним следует серьезное замечание автора: «Примерно так могли бы выглядеть в киносценарии новые приемы «холодной войны», там можно было бы подробно описать возникновение «Организации Хелена» как зародыша западногерманской разведки; подобный фильм мог бы стать неплохим подспорьем для развития киноиндустрии» [13, с. 249].

Рассказ о повальном послевоенном увлечение танцами прерывает монтажная фраза, отражающая ситуацию создания портрета простого обычного человека: «Среди воспоминаний легко отыскивается четкая картинка, где я сижу во дворе приюта «Каритас». Напротив – старик, я стараюсь воплотить на бумаге его лицо» [13, с. 353], далее идет описание созданного портрета и процесса рисования. Сам автор использует в тексте лексику кинематографа: «Здесь фильм обрывается» [13, с. 159], «Это время похоже на фильм, склеенный из разных эпизодов, прокручиваются то постепенно, то в ускоренном темпе, пленка движется назад, потом опять вперед...» [13, с. 158], «Далее пробел, обрывы кинопленки» [13, с. 279], «Здесь из калейдоскопа картин и сцен, режиссером которых был случай, необходимо выделить и прокрутить эпизод моего первого столкновения с противником» [13, с. 162], «...теперь кинопленка снова выводит меня на экран...» [13, с. 175], «Отматывая кинопленку назад» [13, с. 359], «...двигались заторможено, будто в замедленной киносъемке, и этот слишком растянутый эпизод из кино закончился только тогда, когда мы добрались канавы...» [13, с. 184].

Благодаря использованию приема монтажа Гюнтер Грасс построил многослойный, удачно структурированный текст. По мнению многих критиков, за последнее время это его лучшее произведение.

Упомянутая композиция, воплощенная в монтажных фразах (отдельные текстовые единицы), способствует тому, что часто в середине главы случаются своеобразные отступления, в первом предложении которых нет глагола. Оно задает «подтему» в главе или вводит лирическое отступление. Монтажная организация обуславливает такую структуру автобиографического текста, в которой почти каждая глава имеет логическое построение: введение, кульминацию, развязку и обязательно прямое объяснение или только намек на главную идею этой главы, содержит образ реального человека, который был для героя примером или у которого он учился какому-то делу. Вместе с тем, разделы взаимосвязаны сюжету общим героем, индивидуальным стилем и т.д.

Текст автобиографии Й. Феста «Я не» также наталкивает на мысль, что мы имеем дело с ярким примером монтажа в немецкоязычной автобиографии, ведь он такую же структуру глав, как и произведение Г. Грасса. Здесь также композиционное и смысловое значение зависит от как будто случайного сопоставления эпи-

зодов, внешне связанных между собой лишь каким-то элементом и, конечно, единым главным персонажем, например, четвертая глава автобиографии посвящена детским воспоминаниям автора. Их объединяет только одна тема – детство. Рассказ идет об отдыхе у дяди в деревне, увлечения миром книг, обучении в школе и приключениях вместе со школьным другом Вигбертом Гансом. Эти эпизоды, для изображения которых использованы своеобразные методы, можно выделить из главы и разделить на отдельные рассказы о детстве или на художественные приключенческие рассказы для детей. Так, например, представлены описание дружбы с В. Гансом: «Очень скоро мы подружились и сблизились, уселись за одну парту. Мы обменивались различным опытом, критиковали за необразованность нашего учителя др. Аппельта, вместе читали «Нибелунгов», «Гюпериона» Хёльдерлина и Кнута Гамсуна» [14, с. 134]. Эта цитата передает настроение и художественный характер эпизода, ведь подобное описание можно увидеть в повести или приключенческом рассказе, однако во все подобные сюжетные фрагменты вплетаются короткие рассказы о событиях, связанных с влиянием нацистского правительства на их повседневную жизнь. Такие описания стали общим мотивом в этих отдельных эпизодах.

Хотя для сюжетной структуры этой автобиографии свойственна монтажность, хронология изложения основных событий – жизнь родителей, их бракосочетание, собственное рождение и детство, юность, взрослую жизнь – не нарушена. Тем самым подчеркивается непреклонность мыслей и поступков героя. В середине монтажно построенных эпизодов приоритет изображения предоставлен тем событиям, имеющие особую значимость для автора.

События, не продиктованные логикой сюжета, но воспроизводят авторский ход мыслей и ассоциаций и поэтому могут создавать основу для монтажной композиции, описаны в главе «Если мы все вместе возьмемся...». В основном она рассказывает о юношестве и годах учебы в интернате во Фрайбурге. Сцепление между эпизодами происходит на ассоциативной основе, например, речь идет о случае из школьной жизни, когда учитель восхищался заданием, выполненным Йоахимом. Последний абзац в этом эпизоде заканчивается словами: «В любом случае он сообщит директору обо мне» [14, с. 178]. Следующий начинается так: «Местом моего побега от дурного настроения оставался Фридрих Шиллер. Я взял с собой во Фрайбург том с ранними драмами и во время путешествия прочитал «Разбойников« и начало «Коварства и любви». Однако шум в сочетании с постоянной сменой пассажиров и бесконечными разговорами о маленьких поворотах, произошедших в их жизни благодаря великой судьбе, мешали читать. Прибыв во Фрайбург, я начал читать сначала, чаще под одеялом в спальном зале, когда везде царил покой» [14, с. 178]. Так с подробностями автор вводит новый эпизод – большое по объему описание увлечения творчеством Шиллера, является примером монтажной организации сюжетных единиц.

Благодаря монтажно построенной сюжетной структуре раскрывается авторское видение мира, для которого характерна эпическая широта и многоплановость, это и подтверждает построение главы «Побег» из автобиографии И. Феста. Здесь продолжается рассказ, содержащий атрибуты внутренней организации сюжета как у отдельного художественного произведения: завязка – приезд в лагерь для военнопленных, описание людей, окружавших героя теперь, развитие действия – ряд перипетий: капитуляция, перебранки между солдатами-немцами, которые не могли прийти в себя и поверить, и теми, кто понял обмана, почувствовал разочарование в бессмысленной войне; кульминация – побег из лагеря вместе с другом и их разоблачения; развязка – освобождение из лагеря. Автор вводит подробные описания людей, которых встретил в лагере, их внешности, характера, привычек.

Итак, благодаря монтажному приёму по структурной и сюжетной организации главу можно считать отдельным рассказом о жизни немецкого солдата в американском лагере для военнопленных, концовка которого остается открытой, ведь допускает вопрос, что же ожидает героя за пределами лагеря.

Ярким примером монтажной композиции является специфическая вставка, влияющая на событийный уровень произведения и обеспечивать кратковременный уход от жанра чистой автобиографии. Начиная рассказ о создании дневника, автор описывает события, освещенные в нем: разговоры с лейтенантом Диллоком, переписка с матерью и родными, увлечение спортом, заметки о развитии искусства в эпоху Ренессанса и очерки первой биографии известной исторической фигуры Каструччо Кастракани. Хотя вставка не содержит черт дневника как жанра, и нельзя говорить, что перед нами дневник в автобиографии, такое отступление не является типичным для автобиографии, то есть он возможен благодаря монтажной организации текста. Внешней связи с последующим эпизодом нет. Сразу после рассказа о том, как рассказчик впервые начал создавать биографию, что впоследствии стало делом всей жизни Й. Феста, и какое название получит будущее произведение («Совсем без названия! Невыразительно! – возразил я, хотя будет лучше, если первое название будет «невнятным», чем «Раскат грома» [14, с. 280]) происходит резкий возврат к событиям в жизни лагеря: «Весной 1946 мы были напуганы слухами, что вскоре лагерь Лаон будет передан французам» [14, с. 280].

По нашему мнению, в немецкой автобиографии монтажный прием выполняет еще одну важную функцию: через его применения может раскрываться одна из главных тем некоторых произведений.

Здесь снова необходимо вспомнить автобиографию Г. Грасса в сравнении с Й. Фестом. Несмотря на мнение критиков о полярности двух автобиографий, в них просматриваются схожие черты и идеи: воспевание антифашизма, сходство особенностей внешней и внутренней структуры. И, в конце концов, нельзя не заметить общий узел в раскрытии болезненной темы собственной и национальной вины немцев за приход Гитлера к власти и за развязывание Второй мировой войны. Во-первых, рассказ об обществе, в котором фашизм является нормой жизни, становится предупреждением для следующих поколений. Во-вторых, для двух произведений описание проявлений фашизма является основой для изображения молодости авторов и переходом во взрослую жизнь с четкими убеждениями в антифашизме.

Текст, созданный Й. Фестом, более жесткий, суровый. В течение всего повествования автор обращается к описанию национал-социалистического устройства общества, а в тех эпизодах, где говорится о его возвращении домой из лагеря, встречаем размышления о причинах, приведших Германию к такому положению. В этом моменте также замечаем элементы монтажной организации текста. Здесь черты монтажности привлечены для выражения одной из главных тем произведения – с их помощью автор вводит рассказ о сожалении по поводу того, что с самого начала в обществе было очень мало личностей, понимающих истинное положение дел, были антифашистами.

Если характерными признаками монтажа считать ассоциативность, фрагментарность и многозначность взаимодействий, разграниченных в сюжетном плане частей текста [15, с. 345], то рассматривая отдельные эпизоды, замечаем, что в общую структуру они встраиваются благодаря монтажной организации композиции всего произведения. Отдельной сценой представлено историческое событие – забастовка под названием «фашистский путч» [16, с. 44]. Автор изображает достоверный факт истории, но с привлечением художественных средств (например, приводит описания природы, погоды в тот

день, улиц, влияет на чувства читателя). Кроме того, добавлены психологические и философские размышления, которыми заканчивается этот эпизод и вся глава, а следующая начинается рассказом о том, как жилось автору после смерти его друга Герберта. Таким образом автобиография Г. де Бройна «Промежуточный баланс. Молодость в Берлине» передает описание мира, который автор также воспринимает монтажно. Сочетание фрагментов в этом произведении происходит на основе двух больших ассоциативных связей – правительства и друзей. Каждая тема реализуется в одной сюжетной ветке и представлена отдельным сюжетным эпизодом.

Итак, в немецкой автобиографии монтажный прием является своеобразной основой для построения композиции и сюжетной структуры автобиографии. Монтаж в автобиографии состоит из разноплановых фрагментов, органично вплетенных в единый текст. Трансформации во временно-пространственных модулях позволяют использовать такие виды перехода от одного эпизода к другому: ассоциативный, спонтанный без логических связей, ретроспективный. В пределах монтажной композиции сочетание может происходить только благодаря введению одного и того же мотива или героя. Нередко сам автор вводит в текст специфическую лексику, характерную для кинематографа или театра. Благодаря использованию приёма монтажа отдельная глава может иметь собственную завершенную структуру, заимствованную у любого художественного или художественно-документального жанра. Она позволяет автору точно представить отдельные сцены жизни, воссоздать особенности его внутреннего мира, провести специфические образы-параллели как на структурном, так и на сюжетном уровне. Можно сказать, что монтажный приём как средство постмодернистской эклектики отражает мировоззренческую позицию автора в созданном им тексте.

Перспективным видится нам дальнейшее рассмотрение использования приема монтажа в таких разновидностях автобиографического текста как автобиографический роман, автобиографическая повесть.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галич О. А. У вимірах nonfiction: щоденники укр. письменників ХХ століття. Луганськ: Знання, 2008. 198 с.

2. Цяпа А. Г. Автобіографія як проекція творця та національної літературно-культурної традиції (Улас Самчук, ЕліасКанетті): автореф. дис. на здоб. наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.01.06 «Теорія літератури». Тернопіль, 2006. 23 с.

3. Кабанова К. В. Проблема типологии жанра в английской прозе 1930-х гг.: автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра филол. наук: спец. 10.01.08 «Теория литературы». М., 2001. 48 с.

4. Болдырева Е. М. Автобиографический роман в русской литературе первой трети XX века: автореф. дис. на соиск. учен.степ. д-ра филол. наук: спец. 10.01.01 «Русская литература. Ярославль, 1999. 19 с.

5. Савина Л. Н. Проблематика и поэтика автобиографических повестей о детстве второй половины XIX века (Л.Н. Толстой «Детство», С. Т. Аксаков «Детские годы Багрова-внука», Н. Г. Гарин-Михайловский «Детство Тёмы»); М-во образования Рос. Федерации, Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград: Перемена, 2002. 283 с.

6. Бронская Л. И. Концепция личности в автобиографической прозе русского зарубежья I пол. XX в. (И. С. Шмелев, Б. К. Зайцев, М. А. Осоргин). Ставрополь: Изд-во Ставропол. гос. ун-та, 2001. 120 с.

7. Wuthenow R.-R. Das erinnerte Ich: Europäische Autobiographie und Selbstdarstellung im 18. Jh. München: Fink, 1974. 426 s.

8. Neumann B. Identität und Rollenzwang. Zur Theorie der Autobiographie. Frankfurt: Athenäum, 1970. 200 s.

9. Egelhaaf M. Autobiographie. Stuttgart: Metzler Verlag, 2005. 164 s.

10. Gronemann C. Postmoderne/postkoloniale Formen der Autobiographie in der französischen und magherbischen Literatur. Hildesheim : Olms Verlag, 2002. 116 s.

11. Теория литературы. Литературное произведение. Композиция. Монтаж [Электронний ресурс]. – Режим доступа: http://c3.ru/Index.shtml.

12. Балашов Н.И. О возможности и формах применения семиотического «Значения» в поэтике и литературоведении. М.: Высш. шк., 1987. 201 с.

13. Грасс Г. Луковица памяти: [роман]; пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Иностранка, 2008. 592 с.

14. Fest J. Ich nicht : Erinnerungen an eine Kindheit und Jugend. Reinbek : Rowohlt, 2006. 368 s.

15. Лексикон загального та порівняльного літературознавства / [за ред. А. Волкова, О. Бойченка, І. Зварича та ін.]. Чернівці: Золоті литаври, 2001. 636 с.

16. BruynG.de.Zwischenbilanz. Eine Jugend in Berlin. Frankfurt am Main: Fischer, 2004. 377 s.

THE MODERN GERMAN AUTOBIOGAFY: EDITING OF COMPOSITION AND PLOT LEVELS OF THE TEXT

© 2012

***N.V. Sklyar*,** candidate of philological sciences, associate professor of the department of Romance-German philology
Lugansk National University named Taras Shevchenko, Lugansk (Ukraine)

Annotation: In the modern study of literature the fiction-documentary literatures research doesn't lose its topicality. The necessary component of this system is the analysis German autobiography poetic, which expands the notion about the whole autobiography work structure.

Keywords: German autobiography, poetic, composition, plot, editing device.

УДК 821.161.2–94.09”19”

ТИПОЛОГИЯ ОБРАЗОВ ГЛАВНЫХ ГЕРОЕВ УКРАИНСКОЙ МЕМУАРНО-АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ XX ВЕКА

© 2012

Т.Ю. Черкашина, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Романо-германская филология»
Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко, Луганск (Украина)

Аннотация: Статья посвящена изучению основных типажей автобиографических самообразов украинских мемуарных автобиографов XX века. Рассматриваются наиболее типичные мужские и женские самообразы начала, середины и конца XX века, в частности образы активных общественных деятелей, богемных людей, типичных советских литераторов, диссидентов и др.

Ключевые слова: мемуарно-автобиографическая проза, автобиографика, типаж, самообраз, саморепрезентация.

Мемуарно-автобиографическая проза как разновидность литературы личных воспоминаний, по словам Л. Гинзбург, «ведет прямой разговор о человеке» [1, с. 133]. Именно поэтому, по мнению многих ученых, в частности В. Безрогова, среди ее отличительных черт можно выделить самоидентификацию, самопознание себя, объяснение себя (как я стал таким, каков я есть), репрезентацию себя и т. п. [2, с. 177–178]. В. Нуркова говорит также о временной интеграции личности, исторической и культурной самоотнесенности [3, с. 8]. Тем самым, мы можем говорить о том, что существует определенного рода различия между саморепрезентациями автобиографов разных исторических эпох и разных национально-культурных традиций, также как существуют гендерные различия в представлении себя и своей жизни, о чем неоднократно писали мировые ученые (Ф. Лежен [4], Ш. Варнер [5], Е. Болдырева [6], Л. Караева [7] и др.). Актуальной эта проблематика остается и в наше время.

Анализ последних исследований и публикаций. Исследование национально-культурных особенностей мемуарно-автобиографической прозы с середины XX века выделилось в отдельное направление мировой автобиографистики. Благодаря этому, объектом фундаментальных литературоведческих работ уже становились русская, французская, немецкая, английская и американская автобиографические традиции [6; 4; 5; 7; 8; 9]. В то же время изучение специфики украинской мемуарной автобиографики представлено относительно небольшим количеством литературоведческих работ, авторы которых частично выписали историю украинской мемуаристики (А. Галич [10], М. Федунь [11] и др.), ее отдельные поэтикальные характеристики (Г. Маслюченко [12] и др.) и тому подобное. Однако и сегодня мы не имеем специальных литературоведческих работ, посвященных идейно-художественной эволюции украинской мемуарно-автобиографической прозы, все еще неисследованными остаются трансформационные изменения в мемуарно-автобиографической персонажной системе и прочее. Именно поэтому целью нашей статьи мы избрали изучение типологии образов главных героев (как мужских, так и женских) украинской мемуарно-автобиографической прозы XX века.

Изложение основного материала исследования и результаты. В то время как европейская автобиографическая традиция начала XX века находилась под сильным влиянием психоаналитической теории Зигмунда Фрейда и все больше становилась внутренне ориентированной, украинская автобиографика этого периода выполняла преимущественно роль слова-оружия. В результате, – значительного развития получила мемуарная автобиографика видных общественно-политических и культурных деятелей. Именно в это время появились мемуарно-автобиографические произведения М. Грушевского («Автобиография»), Д. Багалия («Автобиография: пятьдесят лет на страже украинской культуры»), Е. Чикаленко («Воспоминания»), А. Барвинского («Воспоминания моей жизни») и другие, авторы которых позиционировали себя настоящими подвижниками своего дела, патриотически настроенными гражданами, которые свое жизненное кредо определяли как переустройство существующего общественного порядка. На раскрытие именно этих граней своего образа была направлена вся структура мемуарно-автобиографического повествования, в котором на первый план выходило подробное описание их общественно ориентированной либо культурно-просветительской деятельности. В то же время личностно ориентированные тематические блоки, как например, «повседневная жизнь», «семейная жизнь» и т. п., выходили далеко на периферию мемуарно-автобиографического повествования либо и вовсе пропускались, поскольку основным для этого типа автобиографов было представление себя как высокоинтеллектуальных, национально сознательных людей. В этом случае мы можем говорить про создание в значительной мере самоидеализированных образов в стиле английской викторианской автобиографики. И это было вполне объяснимо. Как писал В. Даниленко: «Каждое поколение имеет свой набор ценностей, свою моду, свои предрассудки и даже свой язык, который отличает его от предшественников, в конце концов – свою биографию» [13, с. 119]. Не стали исключением и автобиографы данного типа, которые были выходцами из прогрессивно настроенных богатых семей. Они имели хорошее домашнее воспитание и блестящее образованное, полученное в лучших отечественных и зарубежных учебных заведениях, имели широкий кругозор, свободно владели несколькими иностранными языками, много путешествовали по всему миру, были знакомы с известнейшими людьми своего времени, хорошо знали современные интеллектуальные тенденции. При этом они оставались глубоко моральными, скромными людьми, которые, не смотря на свои значительные профессиональные, интеллектуальные, общественно-политические достижения, избегали личных оценок относительно собственной деятельности, ограничиваясь простой констатацией фактов.

В таком же ключе выстраивались и самообразы активных общественных деятельниц, к примеру, С. Руссовой и Елены Пчилки, а также самообразы жен известных личностей того времени, представленные в частности мемуарными автобиографиями Анны Барвинок и Л. Мищенко. Это были самообразы нетипичных для того времени эмансипированных, хорошо образованных женщин, которые так же, как и их братья и мужья, активно участвовали в общественно-политической жизни страны, много путешествовали, свободно владели иностранными языками, были знакомы с наиболее прогрессивными идеями своего времени.

При этом на их образы активных общественных деятельниц накладывались также образы любящих жен, которые всегда и во всем поддерживали своих супругов; а также образы берегинь своего рода, поддерживающих многовековые семейные ценности и передающие их своим детям. С большим пиететом и нескрываемой любовью С. Руссова и Елена Пчилка рассказывали о своих детях, об особенностях их воспитания и образования, об их дальнейшем жизненном пути. Как вспоминала Елена Пчилка, не найдя подходящих детей для своих детей

Михаила и Ларисы (позднее известной украинской поэтессы Леси Украинки), она лично занималась их всесторонним развитием и образованием, подбирала для них лучших репетиторов, знакомила их с наиболее прогрессивными интеллектуальными идеями того времени. И впоследствии, – их дети, по признанию матерей, были их гордостью.

Другой автобиографический типаж того времени представляли самообразы писателей-традиционалистов этнографического направления, который можно проследить на примере автобиографий В. Стефаника и М. Черемшины. Не смотря на большую популярность своих произведений, они не считали себя в чем-то уникальными людьми, жили своей спокойной размеренной жизнью и писали в свое удовольствие художественные произведения. Так же как и автобиографы предыдущего типа, они имели хорошее домашнее воспитание и европейское университетское образование, много и с удовольствием читали лучших мировых и украинских литературных классиков. В своих автобиографиях они моделировали архетипальный образ скромного, высоко морального и высоко духовного литератора, произведения которого шли из самой жизни простых сельских людей, среди которых они в основном и жили в зрелые годы. Не имея специального литературного либо филологического образования, они писали, по их собственному признанию, так, как им подсказывала сама жизнь вокруг них, а они были всего лишь ее обсерваторами и творческими интерпретаторами.

Яркий женский самообраз скромной писательницы был представлен в многочисленных автобиографических очерках О. Кобылянской. По признанию известной украинской писательницы, она практически всю жизнь провела исключительно в кругу семьи, довольно редко выезжала за пределы родного дома, и ее основной жизненной миссией было ведение домашнего хозяйства. При этом ей всегда хотелось вырваться за пределы этого замкнутого круга, получить образование, стать независимой, но она так и не сделала это из-за врожденной скромности и нерешительности. Настоящим спасением для нее становилось чтение всего, что попадало в руки, и собственная литературная деятельность, которая со временем принесла ей большую известность, абсолютно не изменив при этом ее привычный уклад жизни. Она по-прежнему жила оторвано от мира, мало с кем контактировала и творила свои произведения в собственное удовольствие, подпитываясь силой и энергией окружающей природы и своим творческим воображением.

Однако, как писала С. Павличко, уже на рубеже 1920-х годов «литература и культура перестали быть занятием в свободное время единичных, разбросанных по городам и селам авторов. Культура, наконец, начала быть похожей на духовную индустрию» [14, с. 170]. В это время начали появляться многочисленные литературные группы и организации, писатели все активнее объединялись вокруг литературных редакций, в которых они работали либо публиковались. Как результат, – возник новый автобиографический типаж. Литераторы «новой генерации» В. Полищук, М. Йогансен, В. Соссюра, Остап Вишня и др. представили в своих автобиографиях образ активного, действенного, неугомонного борца за слово, ироничного и самоироничного. «Навеки молодые, романтичные, горячие, завзятые. Да еще и чудаки, как на взгляд современного человека, – сделали попытку перестроить мир, сделать его более совершенным и содержательным. Они не знали усталости и роскоши, много работали, они верили в человека с не меньшим фанатизмом, чем в идею» [15, с. 31], – писала про них Р. Мовчан. Представители различных социальных групп по происхождению, они объединились вокруг идеи создания нового типа литературы и соответственно нового типа героя современной им жизни периода первых лет советской власти. Автобиографы этого типа жили небогато, были неприхотливы в быту, вели богемный образ жизни и постоянно находились в поисках себя и своего жизненного предназначения. Они были энергичными людьми, которые пробовали свои силы во многих сферах деятельности – в общественно-политической работе, литературе, журналистике, издательском деле, киноиндустрии. Многие из них прошли все тяготы революции и гражданской войны, участниками которых они становились в довольно молодом возрасте. При этом их самообразы были отмечены не только революционной романтикой, но и жизненным оптимизмом.

Образ женщины-писательницы «новой генерации» явила миру Д. Гуменная, автор фундаментальной мемуарной автобиографии «Дар Эвдотеи». Д. Гуменная представила себя в образе типичной пролетарской писательницы – трудолюбивой, энергичной, смелой в своих публичных высказываниях. Повышенно эмоциональная, она искренне удивлялась непониманию со стороны окружающих, по мнению которых, основная миссия женщины заключалась в создании семьи, рождении и воспитании детей. Она же приоритет давала собственному духовно-интеллектуальному саморазвитию и самовыражению себя как творческой личности.

С 1930-х годов автобиографика в советской Украине вошла в новую фазу своего развития. Описание истории отдельно взятой жизни трактовалось как проявление индивидуализма и поддавалось жесткой критике. Именно поэтому украинские автобиографы советского периода (Ю. Смолич, П. Панч, В. Минко и др.) вырабатывали один типаж автобиографических самообразов. Речь шла об аскетичных, целомудренных, неприхотливых в быту и скромно оценивающих свои творческие достижения советских писателях. Неизменными атрибутами их автобиографий становились неизменно пролетарское происхождение (даже если оно было другим); образование, полученное благодаря советской власти; писательская, издательская, редакторская, журналистская и прочая деятельность, которая велась в соответствии с господствующими идеологическими установками. Как результат, – по словам авторов исследования «Тайны писательских столов», советские «мастера пера представали, прежде всего, как общественные деятели, государственные мужи, ярые борцы за дело коммунизма. Что же касается семейных отношений, дружеского общения и вообще повседневного быта, которые, собственно говоря, превращают «плакатного деятеля» в живого человека, – этого не было. А уже про невзгоды, драмы и трагедии, которые сопровождают судьбу любого человека, а уж тем более творческого, то и подавно» [16, с. 9].

Исключением из общих правил стал автобиографический самообраз В. Соссюры, представленный им в мемуарной автобиографии «Третья Рота». В отличие от большинства автобиографов того времени, он с большой степенью откровенности показал, на своем примере, ту сторону жизни советских писателей, о которой они предпочитали умалчивать из нравственных и цензурных соображений. В. Соссюра явил миру образ яркого, самобытного, нетипичного советского писателя, которому был чужд общепринятый образ «плакатного деятеля». Создавался нетипичный для того времени образ постоянно нуждающегося, плохо одетого, но в то же время счастливого поэта-романтика, влюбленного в жизнь и в слово, который большого значения придавал чувствам и эмоциям.

Говоря о советской украинской мемуарно-автобиографической прозе, следует отметить, что на официальном уровне она была представлена исключительно мужскими текстами. С 1980-х годов в украинской автобиографике начали все активнее проявляться новые типы автобиографических главных героев. Так, образ безвинной жертвы карательной системы начала 1950-х годов был представлен в автобиографии Г. Гордасевич «Соло для девичьего голоса». Автор провела в ранней молодости три года в исправительных лагерях только из-за того, что была дочерью репрессированного свя-

щенника. Ее самообраз был отмечен глубоким психологизмом, лиризмом и жизненным оптимизмом. Не смотря на все тяготы жизни, она не утратила веры в людей и в своей жизни всегда руководствовалась христианской заповедью прощения своих обидчиков.

Среди мужских автобиографических самообразов 1980–1990-х годов господствующим был образ диссидента, борца с системой, представленный в частности в автобиографиях Л. Лукьяненко и Н. Руденко. На примере своих жизней, они показали, как происходила интеллектуальная трансформация типичных советских граждан, которыми они являлись в начале и середине своего жизненного пути. По их собственным признаниям, они были как все, жили как все, любили, мечтали как все. На определенном жизненном этапе происходил внутренний психологический перелом, вызванный различными причинами, и они начинали смотреть на мир вокруг себя другими словами. Происходил процесс внутренней переплавки, в результате которого они сознательно рушили привычный уклад жизни, лишались семей, терпели многолетние лишения и тюремно-лагерные сроки. Однако при этом они ощущали себя счастливыми людьми, потому что благодаря их деятельности постепенно менялось общество вокруг них.

Таким образом, в украинской мемуарно-автобиографической прозе XX века была представлена широкая палитра мужских и женских автобиографических самообразов, которые отображали наиболее характерные культурно-исторические, прежде всего, интеллектуальные, типажи людей своего времени, дальнейшее изучение которых поможет лучше раскрыть специфику украинского мемуарно-автобиографического письма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гинзбург, Л. Я. О психологической прозе [Текст] / Л. Я. Гинзбург. – изд. 2-е. – Л.: Худож. лит., 1976. – 448 с.

2. Безрогов, В. Г. Автобиография и история : некоторые комментарии историка к автобиографическим исследованиям [Текст] / В. Г. Безрогов // Хеннингсен Ю. Автобиография и педагогика / Ю. Хеннингсен; [Пер. с нем. В. А. Волкова]. – М.: Изд-во УРАО, 2000. – С. 133–180.

3. Нуркова, В. В. Культурно-исторический подход к автобиографической памяти: автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра психол. наук: 19.00.01 / В. В. Нуркова; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. – М.: Б. и., 2009. – 48 с.

4. Lejeune, P. L'autobiographie en France [Texte] / P. Lejeune. – deuxième édition. – Paris : Armand Colin, 2004. – 192 p.

5. Warner, C. The pragmatics of literary testimony: authenticity effects in German social autobiographies [Text] / C. Warner. – New-York: Routledge, 2013. – 213 p.

6. Болдырева, Е. М. Автобиографический метатекст И. А. Бунина в контексте русского и западноевропейского модернизма: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. д-ра филол. наук: 10.00.01 / Е. М. Болдырева; Ярославский гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского. – Ярославль: Б. и., 2007. – 46 с.

7. Караева, Л. Б. Английская литературная автобиография: трансформация жанра в XX веке : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. д-ра филол. наук: 10.01.03 / Л. Б. Караева; Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН. – М., 2010. – 37 с.

8. Blasing M. K. The art of life: studies in American autobiographical literature [Text] / M. K. Blasing. – Austin: University of Texas Press, 1977. – 231 p.

9. Мишина, Л. А. Жанр автобиографии в истории американской литературы [Текст] / Л. А. Мишина. – Чебоксары: Издательство Чувашского университета, 1992. – 128 с.

10. Галич, О. А. Українська документалістика на зламі тисячоліть: специфіка, ґенеза, перспективи [Текст]: монографія / О. А. Галич. – Луганськ: Знання, 2001. – 246 с.

11. Федунь, М. Р. Вітчизняна мемуаристика в Західній Україні першої половини XX століття: історичні тенденції, жанрова специфіка, поетика [Текст]: монографія / М. Р. Федунь. – Івано-Франківськ: Прикарпатський національний університет імені В. Стефаника, 2010. – 452 с.

12. Маслюченко, Г. О. Художні мемуари та автобіографічна повість в українській літературі 90-х років XX століття : дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: 10.01.01 / Г. О. Маслюченко; Дніпропетр. нац. ун-т. – Дніпропетровськ, 2003. – 212 арк.

13. Даниленко, В. Лісоруб у пустелі: письменник і літературний процес [Текст] / В. Даниленко. – К.: Академвидав, 2008. – 352 с.

14. Павличко, С. Дискурс модернізму в українській літературі [Текст]: монографія / С. Павличко. – 2-ге вид., перероб. і доп. – К.: Либідь, 1999. – 447 с.

15. Мовчан, Р. З архіву М. Плевака [Текст] / Р. Мовчан // Слово і час. – 2000. – № 1. – С. 31–34.

16. Цалик, С. Таємниці письменницьких шухляд: Детективна історія української літератури [Текст] / С. Цалик, П. Селігей. – К.: Наш час, 2010. – 352 с.

TYPOLOGY OF PROTAGONISTS OF THE UKRAINIAN MEMOIRS AUTOBIOGRAPHICAL PROSE OF THE XXTH CENTURY

© 2012

T.Y. Cherkashyna, candidate of philological sciences, associate professor, associate professor of the department « Romance and German Philology»

Luhansk Taras Shevchenko National University, Luhansk (Ukraine)

Annotation: The article is devoted to the study of the principal types of the Ukrainian autobiographical male and female self-characters of the XXth century. The author of the article analyzed the characters of active social figures, mothers, traditional writers, proletarian writers, typical Soviet writers, victims of the system, dissidents and other types which were the most representative in the XXth century.

Keywords: memoirs-autobiographical prose; autobiography; type; self-characters; self-representation.

НАШИ АВТОРЫ

Дурманенко Александр Александрович, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальной работы
Адрес: Восточноевропейский национальный университет имени Леси Украинки, 43025, Украина, г. Луцк, Пр. Воли, 13.
Тел.: (0332) 232179
E-mail: alex.scriptator@gmail.com

Здиховская Татьяна Викторовна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры филологии и методики начального образования
Адрес: Восточноевропейский национальный университет имени Леси Украинки, 43000, Украина, г. Луцк, ул. Винниченка, 30
Тел.: +38 (0332) 24-11-00
E-mail: kviten04@mail.ru

Криводонова Юлия Евгеньевна, психолог отделения социальной реабилитации несовершеннолетних с ограниченными умственными и физическими возможностями здоровья
Адрес: Бийский территориальный центр социальной помощи семье и детям, 659300, Россия, Алтайский край, Бийск, переулок Коммунарский, 33
Тел.: (83854) 33-24-42
E-mail: krivodonova@mail.ru

Кришталь Алина Александровна, аспирант Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого
Адрес: Черкасский национальный университет имени Богдана Хмельницкого, 18000, Украина, г. Черкассы, ул. Остафия Дашкевича, 24
Тел.: 8(0472) 33-10-97
E-mail: sovalina@ukr.net

Курилова Анастасия Александровна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Финансы и кредит»
Адрес: Тольяттинский Государственный Университет, 445667, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14
Тел.: (8482) 53-94-16
E-mail: aakurilova@yandex.ru

Латанова Елена Валерьевна, студентка
Адрес: Тольяттинский Государственный Университет, 445667, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14
Тел.: (906) 128-80-38
E-mail: helen.latanova@mail.ru

Мавродиева Наталья Геннадиевна, аспирант кафедры «Народных инструментов»
Адрес: Санкт-Петербургский Государственный Университет Культуры и Искусства им. Крупской, 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, дом 2
Тел.: (812)5298135
E-mail: natalya.mavrodieva@yandex.ru

Панченко Оксана Валериевна, преподаватель маркетинга
Адрес: Тольяттинский институт технического творчества и патентоведения, 445050, Россия, г. Тольятти, ул. Карбышева, 17
Тел.: (8482) 28-66-22
E-mail: ok130673sana@mail.ru

Пахолок Зинаида Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Филология и методика начального образования»
Адрес: Восточноевропейский национальный университет имени Леси Украинки, 43025, Украина, г. Луцк, пр. Воли, 13
Тел.: (0332) 24-10-07
E-mail: paholok@ukr.net

Прохоров Владимир Федорович, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры немецкой филологии и перевода
Адрес: Запорожский национальный университет, 69600, Украина, г. Запорожье, ул. Жуковского, 66
Тел.: +38 (061)764-45-46
E-mail: dr.vo@mail.ru

Прохорова Полина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков профессионального общения
Адрес: Запорожский национальный технический университет, 69063, Украина, г. Запорожье, ул. Жуковского, 64
Тел.: (0612) 64-25-06
E-mail: polinakuzko@mail.ru

Скляр Наталья Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии
Адрес: Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко, 91000, Украина, г. Луганск, ул. Оборонная, 2
Тел.: (0642) 34 62 03
E-mail: nataliesklјar@mail.ru

Черкашина Татьяна Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Романо-германская филология»
Адрес: Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко, 91011, Украина, г. Луганск, ул. Оборонная, 2.
Тел.: 8–050–422–86–96
E-mail: tati1009@mail.ru

OUR AUTHORS

Cherkashyna Tatiana Yurievna, candidate of philological sciences, associate professor, associate professor of the department «Romance and German Philology».
Address: Luhansk Taras Shevchenko National University, 91011, Ukraine, Luhansk, st. Oboronna, 2.
Tel.: (0642) 53–83–73, 8–050–422–86–96
E-mail: tati1009@mail.ru

Durmanenko Alexander, Assistant Professor of Sociology Work Department of the Social Studies Institute
Adress: Lesya Ukrainka East European National University, 43025, Ukraine, Lutsk, Volya Av., 13
Tel.: (0332) 232179
E-mail: alex.scriptator@gmail.com

Krivodonova Julia Evgenyevna, the psychologist of office of social rehabilitation of minors with limited intellectual and physical opportunities of health
Address: Biysk territorial center of the social help to a family and children, 659300, Russia, Altai territory, Biisk, Kommunarsky Lane, 33
Tel.: (83854) 33-24-42
E-mail: krivodonova@mail.ru

Kryshtal Alina Aleksandrovna, post-graduate student
Address: Cherkassy National University named after Bohdan Khmelnytskyi, 18000, Ukraine, Cherkassy, Ostaphyi Dashkevych St., 24
Tel.: 8(0472) 33-10-97
E-mail: sovalina@ukr.net

Kurilova Anastasia Alexandrovna, doctor of economic sciences, professor of the department "Finance and credit"
Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, st. The Belarusian, 14
Tel.: (8482) 53-94-16
E-mail: aakurilova@yandex.ru

Latanova Elena Valerevna, student
Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, st. The Belarusian, 14
Tel.: (906) 128-80-38
E-mail: helen.latanova@mail.ru

Mavrodieva Natalia Gennadievna, student of the Department of Folk instruments.
Address: Saint Petersburg State University of Culture and Arts named Krupskaya, 191186, Russia, St. Petersburg, Dvortsovaya Embankment, the house 2
Tel.: (812)5298135
E-mail: natalya.mavrodieva@yandex.ru

Pakholok Zinaida Aleksandrovna, candidate of philological sciences, associate professor of the department «Philology and Methodology of Primary Education»
Address: Lesya Ukrainka East European National University, 43025, Ukraine, Lutsk, prosp. Voli, 13
Tel.: (0332) 24-10-07
E-mail: paholok@ukr.net

Panchenko Oxana Valerievna, lecturer in marketing
Address: Togliatti Institute of Technical Creativity and Patents, 445050, Russia, Togliatti, Karbishev str, 17
Tel.: (8482) 28-66-22
E-mail: ok130673sana@mail.ru

Prokhorov Vladimir Fjodorovitch, doctor of philology, professor of the department of German philology and translation
Address: National University Zaporozhye, 69600, Ukraine, Zaporozhye, Zhukovsky st., 66
Тел.: +38 (061)764-45-46
E-mail: dr.vo@mail.ru

Prokhorova Polina Vladimirovna, candidate of philological sciences, associate professor of the department of «Foreign languages of professional communication»
Address: Zaporozhye National Technical University, 69063, Ukraine, Zaporozhye, Zhukovsky st., 64
Tel.: +38 (0612) 64-25-06
E-mail: polinakuzko@mail.ru

Sklyar Natalya Vladimirovna, candidate of philological sciences, associate professor of the department of Romance-German philology
Address: Lugansk National University named Taras Shevchenko, 91000, Ukraine, Lugansk, st. Oboronnaya, 2
Tel.: (0642) 34 62 03
E-mail: natalieskljar@mail.ru

Zdihovska Tetyana Viktorivna, candidate of philological sciences, senior lecturer of philology and methods of primary education department.
Address: East European National University named after Lesya Ukrainka, 43000, Ukraine, Lutsk, st. Vynnychenka, 30
Tel.: +38 (0332) 24-11-00
E-mail: kviten04@mail.ru